

Именно такой
и должна быть фэнтези...
Книги Робин Хобб —
алмазы в залежах
цирконов.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
автор «Игры престолов»

Королевский
убийца

САГА
О ВИДЯЩИХ
Книги 1 и 2

РОБИН ХОББ

Робин Хобб
Ученик убийцы. Королевский
убийца (сборник)

Серия «Звезды новой фэнтези»

Серия «Мир Элдерлингов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22498825

Ученик убийцы ; Королевский убийца : романы / Робин Хобб: Азбука,

Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-389-12653-4

Аннотация

Фитц – незаконнорожденный сын наследного принца. Воспитанный слугами, он вырос в темных коридорах королевского замка, не зная ни почета, ни славы. Его ждала дорога убийцы, верно и преданно исполняющего приказы своего короля, а также участь человека, способного своими, может, не очень значительными поступками сдвигать мировые колеса и приводить в движение силы, недоступные пониманию простых людей... Но на то он и Фитц Чивэл Видящий!

Содержание

Ученик убийцы	6
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	71
Глава 4	102
Глава 5	129
Глава 6	157
Глава 7	183
Глава 8	213
Глава 9	236
Глава 10	260
Глава 11	284
Глава 12	309
Глава 13	333
Глава 14	356
Глава 15	381
Конец ознакомительного фрагмента.	414

Робин Хобб
Ученик убийцы.
Королевский
убийца (сборник)

Robin Hobb

ASSASSIN'S APPRENTICE

Copyright © 1995 by Robin Hobb

ROYAL ASSASSIN

Copyright © 1996 by Robin Hobb

All rights reserved

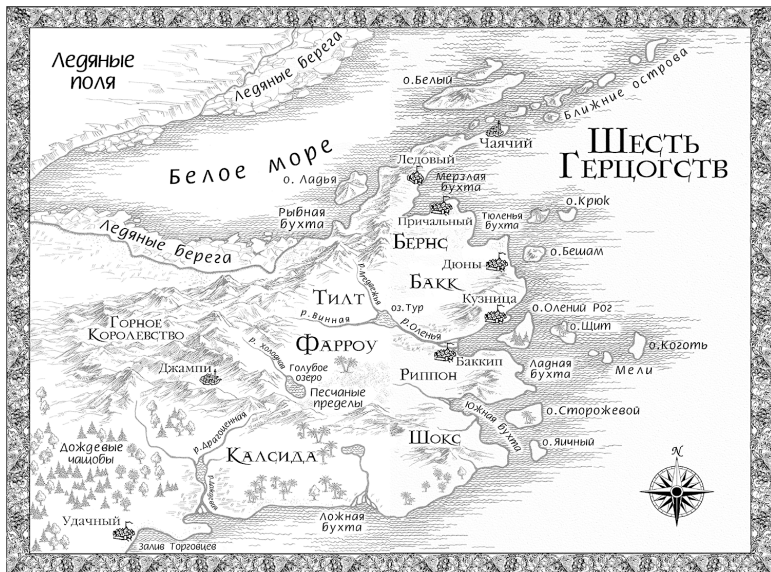
© М. Юнгер, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Ученик убийцы

*Его, в чьих жилах течет королевская кровь,
ждала дорога убийцы, преданно исполняющего
чужие приказы...*

Глава 1 Предыстория

История Шести Герцогств неразрывно связана с историей правящей династии Видящих. Повествование об этой семье следовало бы начать с времен стародавних, задолго до основания Первого герцогства. Если бы до нас дошли имена дальних предков наших королей, мы знали бы, как звали тех пиратов, что совершали разбойничьи набеги и грабили побережье, где земли были не столь бесплодными и неприветливыми, как обледенелые скалы их родины – Внешних островов. Но история не сохранила их имен.

Что же до первого настоящего короля, то и о нем известно не много – только как его звали и несколько странных легенд. Тэйкер Завоеватель – таково было его имя. Возможно, именно от него пошла традиция, согласно которой сыновья и дочери его рода получали вместе с именами судьбы и характеры.

В народе верят, что эти имена присваиваются новорожденным посредством магического обряда и после этого королевские отпрыски не в силах изменить уготованную им стезю. От роду детям-избранникам предначертано не бояться ни огня, ни воды, ни студеного ветра. Так говорят. Красивая сказка.

Возможно, когда-то и впрямь при наречении отправляли магические обряды. Но достаточно заглянуть в исторические хроники, чтобы понять: имя, данное при рождении, далеко не всегда определяет всю дальнейшую судьбу человека.

Мое перо дрожит, потом выпадает из рук, оставляя извилистый след на бумаге Федврена. Испорчен еще один драгоценный лист. Впрочем, наверное, эта попытка все равно была обречена на провал, как все предыдущие. Не знаю, смогу ли я закончить свой труд или каждая страница будет пропитана жгучей горечью, ядом, который, как мне казалось, давно выветрился. Я полагал, что излечился от гнева и ненависти, но стоит мне взяться за перо, как боль и обида мальчика сочатся на бумагу вместе с чернилами, пока мне не начинает казаться, что каждая аккуратная черная буква берedit старую незаживающую рану.

И Федврен, и Пейшенс весьма воодушевились идеей написания истории Шести Герцогств. Было решено, что попробовать стоит, попытка не пытка, лишь бы у меня хватило сил. Работа отвлечет меня, поможет занять время, и я забуду о горечи и боли. Я позволил убедить себя, что так оно и будет.

Но каждое историческое событие, которого я касаюсь в своей рукописи, только пробуждает к жизни мрачные тени моего одиночества и потерь. Боюсь, мне придется отложить эту работу, иначе она воскресит все то, что сделало меня тем, кто я есть теперь. Я начинаю снова и снова, но каждый раз обнаруживаю, что пишу скорее о собственных истоках, чем об истоках этой земли. Не знаю даже, кому я пытаюсь объяснить себя. Моя жизнь была паутиной тайн, тайн, которые даже сейчас небезопасно верить бумаге. Стоит ли писать о них только для того, чтобы превратить в пламя и пепел? Кто знает...

Я помню себя с шести лет. До этого не было ничего — только пропасть, которую я не могу преодолеть, как бы сильно ни напрягал память. Ранее того дня в Мунсее нет ничего. Зато все, что происходило потом, я помню с удивительной отчетливостью. Иногда мои воспоминания настолько подробны, что я даже начинаю задумываться, мне ли они принадлежат. Были ли все эти события запечатлены в моей собственной памяти или же картины прошлого складываются у меня из рассказов кухонной прислуги и несметного множества мальчишек-грумов, объяснявших друг другу мое появление? Возможно, я слышал эту историю так часто и из стольких источников, что теперь вызываю ее в памяти как собственные воспоминания? Может быть, эти подробности — результат открытого восприятия шестилетнего мальчугана? Или это шутит со мной яркое покрывало Силы и снадобий,

которые приходится принимать, чтобы контролировать свою привычку к ней, – снадобий, которые сами по себе вызывают боль и привыкание? Все может быть. Остается надеяться, что дело все-таки не в снадобьях.

Воспоминание столь яркое, что я будто снова вижу и чувствую все это: холодные сумерки уходящего дня, безжалостный дождь, под которым я вымок до нитки, ледяной булыжник причудливых городских улиц и даже мозолистую грубость огромной руки, сжимающей мою ладонь. Иногда я думаю об этой руке. Она была твердая и шершавая и крепко стискивала мою ладонь, и все же она казалась мне теплой и незлой. Просто сильной. Она не давала мне упасть, когда я поскользнулся на обледеневших улицах, но не давала и избежать уготованной участи. Она была беспощадной, как холодный серый дождь, покрывавший ледяной глазурью исхоженную, засыпанную гравием дорожку перед огромной деревянной дверью массивного здания, которое возвышалось в центре города, как настоящая крепость.

Двери были высокие – даже для взрослого, не говоря о шестилетнем мальчике. Великан мог бы войти в них, не нагибаясь, а широкоплечий крепыш, который башней возвышался рядом со мной, казался на пороге этих дверей просто карликом. И мне, шестилетнему, они были удивительны, хотя я и не помню, как выглядели двери, которые были привычными для меня в раннем, забытом ныне детстве. Деревянные резные двери, обитые железом, украшенные головой оленя и

сверкающим дверным молотком, не были похожи ни на что, виденное мною прежде. Я вспоминаю, что одежда моя промокла, а ноги превратились в ледышки. И тем не менее я не помню ни того, как долго шел по размокшей слякоти уходящей зимы, ни того, что меня несли на руках. Нет. Все начинается здесь, на пороге каменного укрепленного дома: мы стоим на крыльце, и моя маленькая рука крепко стиснута в ладони высокого человека.

Почти как начало кукольного представления. Да, именно так это видится мне. Занавес поднялся, и мы оказались перед огромной дверью. Старик, что держал меня за руку, поднял медный молоток и обрушил его на железную пластину – один удар, второй, третий. Металл откликнулся гулким звоном. И потом раздался голос – не из дверей, а сзади, там, откуда мы пришли.

– Отец, прошу тебя... – молила женщина.

Я обернулся, чтобы посмотреть на говорящую, но снова пошел снег, кружевной завесой он цеплялся к ресницам и укутывал рукава. Не могу вспомнить, разглядел ли я кого-нибудь, но уверен, что не пытался вырваться от этого старика и не звал мать. Я просто стоял и смотрел, словно зритель на кукольном представлении, и слышал стук сапог в доме и скрип отодвигаемого засова.

Она предприняла еще одну, последнюю, попытку. Я до сих пор отчетливо слышу ее слова и отчаяние в голосе, который теперь показался бы мне молодым.

– Отец, пожалуйста, умоляю тебя!

Рука, державшая меня, задрожала – от ярости или от чего-то другого, я этого никогда не узнаю. С быстротой, с какой черный ворон хватается ломоть упавшего хлеба, старик наклонился и поднял кусок грязного льда. Не говоря ни слова, он с яростью швырнул его в темноту, и я съежился от страха. Я не помню ни крика, ни звука удара. В моей памяти осталось лишь то, как двери распахнулись наружу и старик поспешно отступил, волоча меня за собой.

И это все. Человек, открывший дверь, не был слугой, как я мог бы вообразить, если бы слышал эту историю из чужих уст. Нет, моя память сохранила не какого-то вышколенного слугу, а солдата, старого кавалериста, слегка поседевшего и с животом, затвердевшим скорее от жира, чем от большого количества натренированных мышц. Он оглядел нас с ног до головы с привычной солдатской подозрительностью и молча стоял, ожидая, что мы изложим наше дело.

Думаю, старик немного растерялся от такого приема, но вместо страха в нем вдруг вспыхнула злоба. Он бросил мою руку, схватил меня за шиворот и протянул вперед, как щенка, которого предлагают новому владельцу.

– Я принес мальчишку вам, – прохрипел он.

Привратник продолжал молча смотреть на него, не выказывая ни осуждения, ни даже интереса, и старик продолжал:

– Шесть лет кормил его как родного и не получил от его отца ни слова благодарности, ни одной монетки. Он даже ни

разу не навелstil нас, хотя моя дочь обмолвилась – он знает, что сделал этого ублюдка. Я не желаю больше кормить мальчишку и гнуть спину за плугом, чтобы наскрести ему на одежонку. Пусть его кормит тот, кто его сделал. У меня хватает своих забот, моя жена стареет, да еще я должен содержать и кормить мамашу вот этого. Потому что ни один мужчина ее не захочет, ни один – когда за подол ее цепляется этот щенок. Так что забирайте его и отдайте отцу.

И он выпустил меня так внезапно, что я упал и растянулся на каменной ступеньке у ног стражника. Я сел, потому что, насколько помню, не очень сильно ушибся, и поднял глаза, чтобы посмотреть, что произойдет дальше между этими двумя людьми. Стражник поджал губы, глянул вниз – не осуждая, а просто соображая, как со мной быть.

– Так чей он? – спросил он, и чувствовалось, что этот вопрос задается не из любопытства, а для того чтобы выяснить, в чем дело, а потом доложить хозяину.

– Чивэла, – сказал старик. Он повернулся ко мне спиной и размеренным шагом двинулся прочь по покрытой гравием дорожке. – Принца Чивэла. – И, не оглядываясь, добавил: – Того, который как раз и есть будущий король. Который его сделал. Пусть заботится о нем да радуется, что умудрился хоть где-то зачать ребенка.

Стражник проводил старика взглядом, потом, не сказав ни слова, наклонился, схватил меня за воротник и оттащил в сторону, чтобы я не мешал ему закрыть дверь. Он отпустил

меня на то недолгое время, которое ему потребовалось, чтобы задвинуть засов. Сделав это, он остановился, глядя на меня сверху вниз. Никакого удивления, только солдатская готовность принимать все, даже самые странные стороны своей работы.

– Поднимайся, парень, и пойдем со мной, – сказал он.

И я пошел за ним по темному коридору мимо скудно обставленных комнат, окна которых все еще были защищены ставнями от зимнего холода, к еще одним закрытым дверям из роскошного дерева, украшенным резьбой. Тут он остановился и быстро оправил одежду. Ясно помню, как он встал на одно колено, чтобы одернуть мою рубашку и пригладить мне волосы, но сделал он это по доброте душевной или просто хотел привести доверенную ему посылку в надлежащий вид – я никогда не узнаю. Он снова встал и один раз стукнул по двустворчатым дверям. Постучав, стражник не стал ждать ответа, – по крайней мере, я ничего не слышал. Он толчком распахнул двери, провел меня внутрь и закрыл за собой тяжелые створки.

После стылого коридора комната показалась мне очень теплой. И в отличие от пустых комнат, которые мы миновали по пути сюда, она выглядела обжитой. Я вспоминаю висевшие на стенах ковры и портьеры, а еще – полки с табличками и свитками, наваленными в беспорядке, без которого не обходится ни одно уютное жилье. В огромном камине горел огонь, наполняя комнату теплом и приятным смолистым за-

пахом. У очага, чуть наискось, стоял необъятный стол, а за ним сидел крепкий человек, склонившийся над грудой бумаг. Брови его были нахмурены. Он не сразу поднял глаза, и некоторое время я мог видеть только копну спутанных темных волос.

Когда он посмотрел на меня, то, казалось, одним быстрым взглядом черных глаз охватил и меня, и стражника.

– Ну, Джейсон? – спросил он. Несмотря на нежный возраст, я различил в его голосе стоическое терпение – его работу грубо прервали, и тут уж ничего не поделаешь. – В чем дело?

Стражник легонько подтолкнул меня вперед, и я примерно на фут придвинулся к сидящему человеку.

– Старый пахарь его оставил, принц Верити, сир. Сказал, стало быть, что это бастард принца Чивэла.

Несколько мгновений усталый человек за столом продолжал разглядывать меня с некоторым смущением. Потом нечто похожее на удивленно-веселую улыбку осветило его лицо, он встал, обошел вокруг стола и остановился рядом со мной, уперев кулаки в бедра и глядя на меня сверху вниз. Я не почувствовал угрозы в этом пристальном взгляде – скорее мне показалось, что нечто в моей наружности ему до крайности понравилось. Я с любопытством смотрел на него. У принца была короткая черная борода, встопорщенная и лохматая, как и его шевелюра, обветренные щеки, грудь, похожая на бочку, и широкие плечи, натянувшие ткань рубаш-

ки. Его квадратные кулаки были покрыты пятнами и царапинами, но тем не менее пальцы правой руки были в чернилах. Он смотрел на меня, удивленно подняв густые брови, его улыбка делалась все шире, и наконец он весело фыркнул и заявил:

– Будь я проклят, паренек действительно похож на Чива, верно? Эда Плодородная, кто бы мог ждать такого от моего добродетельного братца!

Стражник ничего не ответил. Впрочем, никто и не ждал от него ответа. Он продолжал стоять в ожидании дальнейших распоряжений. Настоящий солдат, до мозга костей.

Чернобородый продолжал с интересом меня рассматривать.

– Сколько лет? – спросил он стражника.

– Тот пахарь сказал, стало быть, шесть. – Он собрался было почесать щеку, но потом, очевидно, вспомнил, что находится при исполнении служебных обязанностей, опустил руку и добавил – Сир.

Принц, похоже, не заметил нарушения дисциплины. Его темные глаза продолжали меня осматривать, и веселое удивление становилось все заметнее.

– Значит, дело было примерно семь лет назад. Ведь какое-то время понадобилось, чтобы живот мамыши подрос. Черт возьми! Да. Это был первый год, когда чьюрда пытались закрыть проход. А Чивэл добивался, чтобы его открыли. Гонялся за ними три или четыре месяца. Похоже – не только

за ними. Черт возьми! Кто бы мог подумать? – Он помолчал и внезапно спросил: – Кто мать?

Переминаясь с ноги на ногу, стражник буркнул:

– Так... это... кто ж ее знает, сир. Там только и был этот старый пахарь, и он сказал, что вон этот вот – бастард принца Чивэла и что он, пахарь то бишь, не хочет мальчишку кормить и одевать не хочет. Дескать, кто его сделал, тот пускай о нем и заботится.

Принц пожал плечами, как будто это не имело никакого значения.

– Мальчишка выглядит ухоженным. Через неделю – в крайнем случае через две – мать будет топтаться у кухонных дверей и скулить, что скучает без своего щенка. Тогда я узнаю – если не раньше. Ну, мальчик, как тебя зовут?

Его камзол был застегнут затейливой пряжкой в виде головы оленя. В свете колеблющегося пламени она казалось то медной, то золотой, то красной.

– Мальчик, – ответил я.

Не знаю, просто ли я повторил то, что говорили он и стражник, или у меня действительно не было другого имени. Принц вроде бы удивился, и что-то вроде жалости мелькнуло на его лице. Впрочем, так же быстро оба эти чувства исчезли, уступив место смущению или просто раздражению. Он оглянулся на карту, которая все еще ждала его на столе.

– Ладно, – сказал он. – Надо его как-то опорядить, по крайней мере до тех пор, пока не вернется Чив. Джейсон,

проследи, чтобы мальчишку накормили и нашли место, где спать, – хотя бы на сегодняшнюю ночь. Я пока прикину, что с ним делать завтра. Нельзя, чтобы королевские заугольши бродили по всей стране.

– Сир, – сказал Джейсон ровным тоном, в котором не прозвучало согласия или несогласия: солдат просто принял распоряжение.

Он положил мне на плечо тяжелую руку и развернул меня назад к двери. Я пошел немного неохотно, потому что в комнате было тепло и светло. Замерзшие ноги начало покалывать, и я понял, что если бы мне разрешили погреться еще немного, то я оттаял бы весь. Но рука стражника непреклонно сжимала мое плечо, и меня вывели из теплой комнаты в холодные сумерки мрачных коридоров.

После тепла и света они казались еще более темными и бесконечными, пока я семенил рядом со стражником, стараясь поспевать за его широким шагом. Может быть, я хныкал, а может, моя медлительность ему наскучила, но внезапно он остановился, схватил меня, поднял как пушинку и посадил себе на плечи.

– Щенок ты сопливый, – проворчал он беззлобно и понес меня дальше по коридорам и ступенькам, все дальше и дальше, навстречу желтому свету огромной кухни.

Там на скамейках сидели развалиясь полдюжины других стражников и ели и пили за большим щербатым столом, стоявшим у огня, – стол этот был почти вдвое больше того, что в

кабинете. В кухне пахло едой, пивом, мужским потом, мокрой шерстяной одеждой и дымом от капающего в огонь жира. Вдоль стены рядами стояли свиные головы и маленькие бочонки, с балок свисали темные куски копченого мяса. По столу звякали миски. С куска мяса, крутившегося на вертеле, на камни очага стекал жир. Я уловил его восхитительный аромат, и желудок мой болезненно сжался. Джейсон грубо посадил меня к углу стола, ближайшему к огню, и подтолкнул локтем человека, лицо которого было скрыто за кружкой.

– Вот, Баррич, – сказал Джейсон как о чем-то само собой разумеющемся. – Вот этот вот щенок теперь будет твой. – И он отвернулся.

Я с интересом наблюдал, как он отломил от темной буханки хлеба горбушку величиной со свой кулак и вытащил из-за пояса нож, чтобы отрезать от круга сыра подходящий кусок. Потом он пихнул все это мне в руки, шагнул к огню и начал отпиливать порцию мяса, способную утолить голод взрослого мужчины. Я не стал тратить времени даром и наполнил рот хлебом и сыром. Человек по имени Баррич рядом со мной опустил кружку и оглянулся на Джейсона.

– Что это? – спросил он почти так же, как принц из теплой комнаты.

У него была такая же буйная шевелюра и борода, но лицо его было узким и угловатым. Кожа обветрена, как у человека, много бывающего на воздухе. Глаза были скорее корич-

невыми, чем черными, длинные пальцы выглядели сильными и ловкими. Он пах лошадьми, собаками, кровью и кожей.

– Он для тебя, и присматривай за ним, принц Верити велел.

– Почему?

– Ну так ты же человек Чивэла, верно? Смотришь за его лошадьми, собаками и ястребами?

– Ну?

– Ну так ты возьмешь этого незаконнорожденного к себе, пока Чивэл не вернется и не придумает, чего с ним делать.

Джейсон протянул мне кусок истекающего соком мяса. Я переводил взгляд с хлеба на сыр, не желая расставаться ни с тем ни с другим, но страстно желая мяса. Он помялся, пожал плечами и с грубоватой практичностью воина небрежно бросил кусок на стол рядом со мной. Я запихнул в рот столько хлеба, сколько там поместилось, и передвинулся туда, откуда мог следить за мясом.

– Мальчишка Чивэла?

Джейсон пожал плечами, занятый поисками хлеба, мяса и сыра – теперь уже для себя.

– Так сказал старик, который его сюда приволок. – Он положил на ломоть хлеба сыра и мяса, откусил огромный кусок и потом заговорил с полным ртом: – Сказал, Чивэл пускай радуется, что хоть одного щенка наплодил, и пускай теперь сам его кормит.

Необычайная тишина внезапно воцарилась в кухне. Люди перестали есть, побросали хлебные доски и кружки и повернули головы к человеку, которого называли Барричем. Он сам тоже аккуратно поставил кружку подальше от края стола. Голос его был тихим и ровным, слова обдуманными:

– Если у моего хозяина нет наследника – это воля Эды, а не его вина. Леди Пейшенс всегда была слабой и...

– Так-то оно так, – поспешно согласился Джейсон, – а раз есть этот мальчишка, значит твой хозяин мужчина как мужчина. Вот и все, что я говорил. – Он поспешно вытер рот рукавом. – Уж он так похож на принца Чивэла! И брат его сказал – вот прямо сейчас. Тут уж наследный принц ни при чем, раз его леди младенчика доносить не может...

Но Баррич внезапно встал. Джейсон поспешно отпрянул, потом понял, что ему ничто не угрожает. Баррич же схватил меня за плечи и повернул к огню. Крепко взяв меня за подбородок и подняв мою голову, он испугал меня так, что я выронил хлеб и сыр. Он не обратил на это никакого внимания и стал рассматривать меня, словно географическую карту. Его глаза встретились с моими, и в них появилось нечто вроде ярости, как будто один вид моего лица нанес ему страшное оскорбление. Я пытался отвести взгляд, но он не отпустил меня, так что я смотрел на него сколько мог, потом увидел, что его недовольство внезапно сменилось чем-то вроде неохотного удивления. Наконец он на секунду закрыл глаза, словно ему стало больно.

– Для леди это будет большим испытанием, – промолвил Баррич.

Он отпустил мой подбородок и неловко отступил, чтобы поднять мой хлеб и сыр. Отряхнув их, он вручил мне обратно мой ужин. Я смотрел на плотную повязку на его правой икре и колене, которая не давала ему согнуть ногу. Он снова сел и налил себе чего-то из стоявшего на столе кувшина, потом начал пить, пристально глядя на меня поверх кружки.

– И с кем это его сделал Чивэл? – неосторожно спросил какой-то человек на другом конце стола.

Баррич метнул в его сторону быстрый взгляд, его кружка со стуком опустилась на стол. Некоторое время он молчал, и я почувствовал, что в кухне снова повисла тишина.

– Я бы сказал, что это дело принца Чивэла, а не твое, – процедил он.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился стражник.

Джейсон согласно закивал головой, как пританцовывающий перед подругой петух. Как ни мал я был, но все равно задумался: что же это за человек с забинтованной ногой, который может окоротить полную комнату здоровых мужчин при помощи только слов и взглядов?

– У пацана нет имени, – отважно нарушил молчание Джейсон. – Его звали просто мальчиком.

От этого заявления, по-видимому, все, даже Баррич, потеряли дар речи. Пока все молчали, я доел хлеб, сыр и мясо и даже сделал два-три глотка из кружки, протянутой мне

Барричем. Остальные солдаты постепенно покидали комнату группами по двое и по трое, а он все сидел и смотрел на меня.

— Что ж, — сказал он наконец, — насколько я знаю твоего отца, он примет это с честью и сделает то, что должно, но только Эде известно, что он сочтет честным и должным. Вероятно, то, от чего ему будет больнее всего. — Баррич еще некоторое время молча наблюдал за мной, потом спросил: — Ты сыт?

Я кивнул, и он с трудом встал, вытащил меня из-за стола и поставил на ноги.

— Тогда пойдем, Фитц¹, — сказал он и двинулся из кухни к другому коридору.

Перевязанная нога делала его походку немного неуклюжей. Возможно, свое дело сделало и пиво. Мне, конечно, нетрудно было за ним поспевать. Наконец мы подошли к тяжелой двери и привратнику, который кивком пропустил нас, бросив на меня любопытный взгляд.

Снаружи дул холодный ветер. Лед и снег, размякшие за день, с приходом ночи снова затвердели. Под ногами у нас хрустело, а ветер, казалось, пронизывал меня насквозь. Мои ноги немного согрелись у кухонного очага, но штаны не успели высохнуть, и скоро я весь продрог. Помню темноту и ужасную усталость, навалившуюся на меня, когда я тащился вслед за этим странным человеком через холодный темный

---

¹ Fitz (англ.) — незаконнорожденный сын, бастард.

двор. Спать хотелось до слез. Вокруг чернели высокие толстые стены, по верху которых время от времени двигались стражники – темные тени, которые можно было различить только потому, что они заслоняли звезды. Холод мучил меня, я спотыкался и скользил по ледяной дорожке. Но в Барриче было нечто такое, что не позволяло мне скулить и просить о снисхождении. Я упорно брел следом за ним. Наконец мы дошли до какого-то здания, и он распахнул тяжелую дверь.

Тепло, запах животных и мутный желтый свет хлынули изнутри. Заспанный конюшенный мальчик сел в своем соломенном гнезде, моргая, словно едва оперившийся птенец. Услышав голос Баррича, он снова улегся, свернувшись в маленький комочек в куче соломы, и закрыл глаза. Мы прошли мимо него, и Баррич запер за нами дверь. Он взял тусклый фонарь, висевший у двери, и повел меня вперед.

Я попал в другой, ночной мир, в котором шевелились и громко дышали в стойлах лошади, где собаки поднимали голову со скрещенных лап, чтобы взглянуть на меня, сверкая в свете фонаря зелеными или желтыми глазами. Лошади беспокойно похрапывали, когда мы проходили мимо их стойл.

– Ястребы там, в дальнем конце, – сказал Баррич, когда мы шли мимо нескончаемого ряда лошадей.

Судя по всему, мне это надо было знать, и я принял его сообщение как должное.

– Побудешь здесь, – сказал он наконец. – По крайней ме-

ре первое время. Будь я проклят, если знаю, что еще с тобой делать. Если бы не леди Пейшенс, я бы сказал, что боги славно подшутили над хозяином. Эй, Востронос, подвинься немножко и дай мальчику место на соломе. Вот молодец! Давай прижмись к Рыжей. Она примет тебя и как следует задаст любому, кто захочет тебя побеспокоить.

Я оказался перед просторным отдельным стойлом, в котором спали три собаки. Заслышав голос Баррича, они проснулись, прутики их хвостов заколотили по соломе. Я начал медленно пробираться между ними и улегся рядом со старой сукой с поседевшей мордой и оторванным ухом. Матерый пес смотрел на меня с явным подозрением, но третий был щенок и приветствовал меня, лизнув в ухо, укусив за нос и радостно оцарапав лапами в щенячьем восторге. Я обнял его, чтобы уговорить, и, последовав совету, устроился поближе к Рыжей. Баррич набросил на меня плотное одеяло, которое сильно пахло лошадьми. Очень большой серый конь в соседнем стойле внезапно зашевелился, несколько раз ударил копытом по перегородке и свесил голову ко мне, чтобы выяснить причину ночного переполоха. Баррич похлопал его по спине, и конь тут же успокоился.

– На этой заставе всем нам приходится туго. В Оленьем замке тебе больше понравится. А сегодня и здесь тебе будет тепло и безопасно. – Он постоял еще немного, глядя на нас. – Лошадь, собака и ястреб, Чивэл. Я смотрел за ними для вас много лет и делал это хорошо. Но этот ваш парнишка – уж

с ним что делать, я не знаю.

Я знал, что он обращается не ко мне. Чуть-чуть высунувшись из-под одеяла, я смотрел, как Баррич снимает с крючка фонарь и идет прочь, что-то ворча себе под нос. Хорошо помню эту первую ночь, тепло собак, колкую солому и даже сон, который наконец пришел, когда щенок свернулся около меня. Я вплыл в его сознание и разделил его смутные сны о бесконечной погоне, преследовании добычи, которой я никогда не видел, но чей горячий запах увлекал меня вперед сквозь заросли крапивы и куманики, а потом – по сыпучей каменной крошке.

После собачьего сна мои воспоминания становятся расплывчатыми, колышутся, как яркие цвета и четкие грани в дурманных грезах. Дни, следовавшие за первой ночью, запечатлелись в моей памяти хуже.

Я вспоминаю последние слякотные дни зимы, когда я изучал путь от моего стойла до кухни. Мне было позволено ходить на кухню и возвращаться обратно, когда захочу. Иногда там бывал повар, который подвешивал мясо на крюке над очагом, замешивал тесто для хлеба или вскрывал бочки с напитками. Чаще же всего на кухне не было никого, тогда я брал все, что оставалось на столе, и щедро делился со щенком, который быстро стал моим постоянным спутником. Мужчины приходили и уходили, ели, пили и рассматривали меня с нескрываемым любопытством, которое я вскоре научился не замечать. Для меня они все были на одно лицо:

одинаковые шерстяные штаны и плащи, крепкие тела и легкие движения. И каждый из них носил одежду с вышитым на груди гербом – изображением оленя в прыжке. От моего присутствия некоторым из них было как-то не по себе. Я уже привык к гулу голосов, поднимавшемуся, как только я покидал кухню. Баррич в эти дни все время был рядом, заботясь обо мне так же, как о животных Чивэла, – я был накормлен, напоен и выгулян, – хотя обычно в качестве прогулки я рысью бегал за ним, пока он делал свою работу. Но эти воспоминания расплывчаты, а детали – такие, как умывание или переодевание, – вероятно, поблекли, поскольку в шесть лет подобные вещи мы считаем обычными и не стоящими внимания. Конечно же, я помню щенка Востроноса. Шерсть его была рыжей, гладкой, короткой и немного щетинистой, она колола меня через одежду, когда по ночам мы устраивались на одной попоне. Глаза у него были зеленые, как медная руда, нос цвета жареной печени, а пасть и язык пестрые – в розовых и черных пятнах. Если мы с Востроносом не ели на кухне, то проводили время в шутиливой борьбе друг с другом во дворе или на соломе в стойле. Таким был мой мир в то время, пока я жил там, куда меня привел старик-пахарь. Наверное, это продолжалось недолго – я не помню, чтобы менялась погода. Все мои воспоминания об этом времени – это сырые дни, снег, ветер и лед, который подтаивал днем, но за ночь снова становился крепким.

Еще одно помню я о том времени, хотя и не очень отчет-

ливо. Скорее, это теплое, слабо окрашенное воспоминание, похожее на старый гобелен, если смотреть на него в полумраке. Как-то я проснулся, разбуженный вертевшейся собачкой и желтым светом фонаря, который кто-то держал надо мной. Два человека стояли, склонившись надо мной, но за их спинами виднелся Баррич, и я не испугался.

– Ты его разбудил, – предупредил один из них. Это был принц Верити, человек из теплой комнаты моего первого вечера.

– Да? Он снова заснет, как только мы уйдем. Будь я проклят, у него действительно отцовские глаза. Клянусь, я узнал бы в нем кровь, где бы ни увидел. Никто в этом не усомнится. У вас с Барричем что, ума не больше, чем у блох? Незаконнорожденный он или нет, но не держать же ребенка в стойле под ногами у животных? Неужели вам больше некуда было его деть?

Говоривший был похож на Верити линией подбородка и глазами, но на этом сходство заканчивалось. Этот человек выглядел гораздо моложе. Он не носил бороды, надушенные и приглаженные волосы были тоньше и светлее. Его щеки и лоб покраснели от ночного холода, но видно было, что это скоро пройдет, в отличие от обветренной красноты Верити. Кроме того, принц одевался, как и его люди, в удобную грубошерстную одежду из плотной пряжи мягких цветов. Его наряд выделялся лишь тем, что изображение оленя на груди было вышито золотыми и серебряными нитями. Что ка-

сается второго человека, то он сверкал множеством оттенков алого и нежно-розового. Его плащ был сделан из куска ткани вдвое шире, чем нужно, чтобы просто завернуться в него. Дублет цвета жирных сливок, выглядывающий из-под него, был богато отделан кружевами. Шарф на горле был скреплен золотой пряжкой в виде скачущего оленя с глазом из зеленого самоцвета. Мягкий говор мог бы сравниться с перевитой золотой цепью, тогда как речь Верити состояла из прямых металлических звеньев.

– Да я как-то не подумал об этом, Регал. Что я знаю о детях? Я передал его Барричу. Он человек Чивэла, и раз он ухаживает за...

– Не считите за непочтительность к особам королевской крови, сир, – смутился Баррич, – я человек Чивэла и делал для мальчика все, что мог, как мне казалось. Я мог бы постелить ему в караульной. Но он мал еще, чтобы все время быть в компании здоровых мужчин, которые то приходят, то уходят, пьют, дерутся и ругаются... – По его тону было ясно, какую неприязнь сам он испытывает к их компании. – А здесь тихо, да и щенок к нему привязался. И Рыжая присматривает за ним ночью и покусает любого, кто попытается его тронуть. Мои лорды, я сам не много знаю о детях, и мне казалось...

– Ладно, Баррич, ладно, – перебил его Верити. – Если бы тут было о чем подумать, я бы взял это на себя. Раз я прислал мальчика к тебе – значит так надо. Эде ведомо, ему тут все

равно живет лучше, чем другим окрестным детям. Пока все в порядке.

– Но это должно измениться, когда он вернется в Олений замок. – голос Регала звучал недовольно.

– Так отец хочет, чтобы мы забрали его в замок? – вопрос исходил от Верити.

– Отец хочет. Моя мать – нет.

– О! – По тону Верити было ясно, что он не заинтересован в продолжении этого разговора.

Но Регал нахмурился и продолжал:

– Моя мать, королева, вовсе не в восторге от всего этого. Она долго уговаривала короля, но ничего не добилась. Мать и я считаем, что этого мальчика нужно... устранить. Это будет разумным. Путаницы по линии наследования и так хватает.

– Не вижу никакой путаницы, Регал. – Верити говорил спокойно. – Чивэл, я, а потом ты. Потом наш кузен Август. Этот незаконнорожденный малыш будет только пятым.

– Я прекрасно знаю, что ты идешь впереди меня. Необязательно тыкать это мне в нос при каждом удобном случае, – холодно заметил Регал и посмотрел на меня. – Я по-прежнему думаю, что лучше бы его здесь не было. Что, если Пейшенс никогда не родит от Чивэла законного наследника? Что, если он решит признать этого... ребенка? Тогда могут начаться раздоры среди знати. Зачем искушать судьбу? Это мнение мое и моей матери. Но наш отец, как мы все знаем, не

любит торопиться. Шрюд Проницательный – он и есть про- ницательный, как говорят простолюдины. Он строго-настро- го запретил в это вмешиваться. «Регал, – сказал он в своей излюбленной манере, – не делай ничего, что потом не смо- жешь исправить, пока не поймешь, чего ты будешь не в си- лах изменить, когда сделаешь это». Потом он засмеялся. – Регал тоже издал короткий, полный горечи смешок. – Я так устал от его юмора.

– О! – снова сказал Верити.

Я лежал тихо и думал, пытается он найти смысл в словах короля или воздерживается от ответа на сетования брата.

– Ты, конечно, понимаешь истинную причину, – заявил Регал. – А именно: он по-прежнему расположен к Чивэлу. – В голосе Регала слышалось отвращение. – Несмотря ни на что. Несмотря на его дурацкую женитьбу и сумасбродную жену. Несмотря на все эти неприятности. А теперь отец по- лагает, что бастард еще больше возвысит нашего старшего брата в глазах людей. Это докажет им, что Чивэл настоящий мужчина и может зачать ребенка. Кроме того, они увидят, что наследный принц тоже человек и может ошибаться, как и они сами. – По голосу Регала было ясно, что он со всем этим не согласен.

– И это заставит народ полюбить его и обеспечит поддерж- ку, когда ему достанется трон? То, что он зачал ребенка с какой-то простолюдинкой еще до того, как женился на коро- леве? – Казалось, Верити был сбит с толку этой логикой.

Голос Регала показался мне раздраженным.

– Так, по-видимому, думает король. Похоже, его совершенно не трогает это бесчестье. Однако я подозреваю, что у Чивэла будет другое мнение относительно своего сына. Особенно если это причинит боль его ненаглядной Пейшенс. Но король распорядился, чтобы ты забрал мальчишку с собой в Олений замок, когда поедешь туда. – Регал посмотрел на меня с мрачным удовлетворением.

Верити огорчился, но все же кивнул. Лицо Баррича потемнело, и тень эту не мог рассеять желтый свет фонаря.

– Разве слово моего господина ничего не значит в этом деле? – отважился он возразить. – Если он захочет уладить дела с семьей мальчика и отправить его назад, неужели ему не будет предоставлена свобода действий во имя спокойствия моей госпожи Пейшенс?

Принц Регал прервал его насмешливым фырканьем:

– Время для свободы действий у него было до того, как он повалил эту девку на койку. Леди Пейшенс не первая женщина, вынужденная встретиться с внебрачным сыном мужа. Здесь уже все до одного знают о его существовании, и виной тому безалаберность Верити. Нет никакого смысла прятать мальчишку. Как только королевский бастард будет признан, никто из нас не сможет похвастаться спокойствием, Баррич. Оставить его в таком месте, как это, – все равно что оставить меч, занесенный над горлом короля. Это, конечно, понятно даже псарю – а если нет, то твой хозяин тебе потом объяс-

нит. – В голосе Регала зазвенел лед, и Баррич вздрогнул.

Прежде я ни разу не видел его испуганным. Мне стало страшно, я натянул одеяло на голову и глубже зарылся в солому. Рядом со мной глухо зарычала Рыжая. Думаю, именно это заставило Регала отступить, но не могу быть в этом уверен. Мужчины вскоре ушли, и если они и говорили еще о чем-нибудь, то это не сохранилось в моей памяти.

Время шло. Думаю, минуло две или три недели до следующего моего яркого воспоминания: я цепляюсь за пояс Баррича, пытаюсь обхватить короткими ногами его лошадь, – это было начало казавшегося мне тогда нескончаемым путешествия из холодной деревни в далекие теплые края.

Полагаю, Чивэл должен был встретить нас где-то по пути, чтобы посмотреть на бастарда, которого он породил, и осудить себя. Но встречи с отцом я не помню. Единственный его образ, который я ношу в своем сердце, – это портрет на стене в Оленьем замке. Спустя много лет мне дали понять, что принц Чивэл был по-настоящему хорошим дипломатом, начал переговоры и заключил мир, продолжавшийся на протяжении моего отрочества, и тем заслужил уважение и даже любовь чьюрда.

По правде говоря, я был его единственной неудачей в тот год – но зато неудачей величайшей. Он раньше нас приехал в Олений замок, где и отрекся от права на трон. К тому времени, когда мы прибыли, он и леди Пейшенс уже покинули двор и отправились править Ивовым Лесом. Много позже я

побывал там. Этот край не имеет ничего общего со своим именем – теплая долина, уютно расположенная среди холмов на берегах спокойной реки. Место, самой природой предназначенное, чтобы выращивать виноград, зерно и толстощеких детишек. Это тихое владение очень далеко от границ, придворных интриг и всего, что прежде составляло жизнь принца Чивэла. Пастораль Ивового Леса была мягким и вежливым изгнанием для человека, который должен был стать королем. Бархатная удавка для воина и блестящего дипломата.

Итак, я прибыл в Олений замок – одинокий ребенок, незаконный сын человека, которого никогда не знал. Принц Верити вскоре стал законным наследником, и принц Регал передвинулся на ступеньку ближе к заветному трону. Если бы я только родился, был обнаружен и сразу сгинул без следа, это все равно бы оставило в истории Шести Герцогств неизгладимый след. Я вырос без отца и матери при дворе, где меня считали причиной всех бед. И я действительно стал причиной всех бед.

Глава 2

Новичок

Существует множество преданий о Завоевателе, первом короле-островитянине. Он провозгласил Бакк Первым герцогством и основал королевский род. Одна из легенд гласит, что набег, который он совершил, был первым и единственным, сделанным с холодных суровых островов, породивших его. Говорят, увидев деревянные стены Оленьего замка, он сказал: «Если там есть огонь и еда, я отсюда не уйду». В замке было и то и другое, и он остался.

Но семейные предания гласят, что он был плохим моряком, что соленая рыба, которой сызмальства питались островитяне, и качка вызывали у него тошноту. Его корабль много дней носило по океану, и если бы он не умудрился захватить Олений замок, собственная команда утопила бы его. Тем не менее на старом гобелене в Большом зале Тэйкер Завоеватель изображен могучим мужчиной, стоящим на носу корабля и свирепо улыбающимся, в то время как гребцы несут его к древнему Оленьему замку, сооруженному из грубо обработанного камня и дерева.

Замок строился как надежная крепость в устье судоходной реки у залива, с превосходными якорными стоянками. Какой-то мелкий вождь, чье имя затерялось в глубинах исто-

рии, увидел возможность контролировать отсюда торговлю на реке и построил первую крепость. По-видимому, он сделал это, чтобы защитить местные земли от набегов островитян, которые каждое лето разграбляли берега реки. Чего он не мог предвидеть, так это того, что предательство откроет захватчикам двери его укреплений. Башни и стены Оленьего замка стали опорным пунктом островитян, откуда они двинулись вверх по реке, подчиняя себе все новые и новые земли. Деревянный форт многократно перестраивался и в конце концов превратился в сердце Первого герцогства. Со временем он стал столицей королевства Шести Герцогств.

Видящие – правящая династия Шести Герцогств – произошли от этих островитян. Несколько поколений сохраняли связи с островами, навещая их, и возвращались домой с пышными темноволосыми женами из своего собственного народа. Таким образом, кровь островитян и поныне сильна в королевской линии и наиболее благородных домах, производя сильных, темноглазых, темноволосых детей. Вместе с тем от родителей к детям передается и предрасположенность к Силе со всеми опасностями и слабостями, наследуемыми с этой кровью. Я тоже получил свою долю этого наследства.

Но мой первый опыт в Оленьем замке был далек от истории или наследственности. Столица была для меня всего лишь конечной точкой путешествия, мешаниной шума, людей, собак, повозок, зданий, путаницей кривых улочек, которая наконец привела к огромному каменному замку. Он

стоял на скалах и царил над городом Баккип, раскинувшимся под его стенами. Лошадь Баррича устала и часто спотыкалась на грязном булыжнике городских улиц. Я, тоже слишком усталый и разбитый даже для того, чтобы жаловаться, молча цеплялся за его пояс. Один раз я поднял голову, чтобы посмотреть на высокие серые башни и стены крепости над нами. И хотя с моря тянуло теплым бризом, какого мне раньше чувствовать не доводилось, замок показался мне холодным и негостеприимным. Я уткнулся лбом в спину Баррича. Меня затошнило от солоноватого йодистого запаха необъятной водной глади. Так я и прибыл в Олений замок.

Жилье Баррича располагалось над стойлами, недалеко от соколиных клеток. Туда он и отвел меня вместе с собаками и ястребом Чивэла. Сперва он занялся птицей, сильно запачкавшейся во время путешествия. Собаки были ужасно взбудоражены тем, что наконец оказались дома. Они изливали на все вокруг потоки безудержной энергии, которую нелегко было вынести человеку, уставшему так, как устал я. Востронос сбивал меня с ног около полудюжины раз, пока я не вколотил в его упрямую голову, что устал, почти болен и совершенно не в настроении с ним играть. Он выслушал меня и отреагировал как любой нормальный щенок, немедленно найдя новых друзей и ввязавшись в псевдосерьезную драку, которую быстро прекратил грозный окрик Баррича. Может, он и был человеком Чивэла, но здесь, в Оленьем замке, он был хозяином собак, ястребов и лошадей.

Разобравшись с привезенными животными, он прошелся по стойлам проверить, что там изменилось в его отсутствие. Псари, грумы и сокольничьи возникали словно из-под земли, защищая подопечных от суровых выговоров Баррича. Я рысью бежал за ним, куда хватало сил не отставать, и только когда я окончательно сдался и устало рухнул на кучу соломы, он, казалось, заметил меня. На лице его отразились раздражение и нечеловеческая усталость.

– Эй, Коб! Возьми юного Фитца на кухню и проследи, чтобы его там накормили, а потом приведи обратно сюда.

Коб был темноволосым мальчуганом с псарни лет десяти от роду. Он только что удостоился похвалы за здоровый помет, полученный в отсутствие Баррича. Минуту назад он купался в одобрении хозяина, а теперь его улыбка исчезла, и он с сомнением посмотрел на меня. Некоторое время мы разглядывали друг друга. Баррич тем временем шествовал вдоль стойл, за ним семенили его подчиненные. Потом мальчик пожал плечами и слегка нагнулся, чтобы взглянуть мне прямо в лицо.

– Ты, значит, голодный, Фитц? Сейчас найдем тебе поесть, – сказал он тем же тоном, каким только что уговаривал щенят выйти на свет, чтобы Баррич смог их рассмотреть.

Я с облегчением кивнул, потому что он ждал от меня не больше, чем от своих щенят, и пошел за ним. Коб часто оглядывался, проверяя, поспеваю ли я за ним. Едва мы вышли из конюшни, как, виляя хвостом, прибежал Востронос –

ему хотелось пойти с нами. Очевидная привязанность собаки подняла меня в глазах Коба, и он продолжал разговаривать с нами обоими короткими ободряющими фразами: мол, скоро уже мы сможем поесть, а теперь пошли... нет, не надо нюхать эту кошку... пошли, пошли, вот хорошие мальчики.

В конюшне царила суматоха, люди Верити ставили лошадей и вешали сбрую, а Баррич ко всему придирался и выговаривал за невыполненные во время его отсутствия распоряжения. Мимо нас мелькали люди, нагруженные самыми разнообразными поручениями: мальчик, который тащил на плече тяжеленный кусок бекона, стайка хихикающих девушек с огромными рассыпающимися охапками вереска и тростника в руках, мрачный старик с корзиной еще трепещущей рыбы, три молодые ряженые женщины, чьи голоса звенели так же весело, как колокольчики на их шутовских костюмах.

Вскоре мой нос сообщил мне, что мы приближаемся к кухне. Неразбериха вокруг нас нарастала до тех пор, пока мы не подошли к двери, у которой образовалась настоящая давка от входящих и выходящих людей. Коб остановился, мы со щенком последовали его примеру, и носы наши отчаянно заработали в сладостном предвкушении. Мальчик посмотрел на толпу в дверях и нахмурился.

– Там полно народа. Готовятся к сегодняшней приветственной трапезе в честь Верити и Регала. Все до одного собрались в Оленьем замке, когда прослышали, что Чивэл отрекся от престола. На Совет по этому поводу прибыли все

герцоги, а кто не смог, прислал людей. Я слышал, что даже от чьюрда кто-то приехал. Они хотят убедиться, что все договоры остаются в силе теперь, когда Чивэл... — Он замолчал, внезапно смутившись. Потому ли, что говорил о моем отце, или потому, что обращался к щенку и шестилетке как к разумным созданиям, — я не знаю.

Коб огляделся, оценивая ситуацию.

— Подождите здесь, — сказал он нам наконец. — Я проберусь туда и вынесу вам что-нибудь. Вряд ли на меня наступят... или поймают. Давайте стойте здесь. — Он подкрепил команду решительным взмахом руки.

Я попятился к стене и сел там на корточках, в стороне от беспорядочной сутолоки, а Востронос послушно лег рядом со мной. Я одобрительно смотрел, как Коб подошел к двери и угрем проскользнул в кухню.

Когда он скрылся из виду, я стал разглядывать людей, что толклись у дверей кухни. В основном они были слугами или поварами, но встречались менестрели, торговцы и посыльные. С усталым любопытством я смотрел, как они приходят и уходят. Я уже слишком много повидал за день, чтобы это зрелище вызвало у меня по-настоящему живой интерес. Едва ли не больше, чем о еде, я мечтал о спокойном уединенном местечке вдали от всей этой сумятицы. Я сидел на земле, прислонившись спиной к нагретой солнцем стене замка и уткнувшись лбом в колени, а Востронос приткнулся рядом.

Меня разбудил Востронос — его хвост-прутик хлестал по

земле. Я поднял голову с колен и увидел перед собой пару высоких коричневых сапог. Глаза мои скользнули по грубым кожаным штанам и простой шерстяной рубашке к лицу человека с лохматой бородой и копной нечесаных волос. Мужчина, разглядывавший меня, держал на плече маленький бочонок.

– Незаконнорожденный, что ли?

Я слышал это слово достаточно часто и знал, что так называют меня, хотя и не понимал, конечно, всей полноты его значения. Лицо мужчины даже просветлело от любопытства.

– Хей, – громко сказал он, обращаясь уже не ко мне, а к входящим и выходящим людям, – тут этот незаконнорожденный, собственной персоной! Сыночек Чивэла. Здорово похож на него, верно? Кто твоя мать, парень?

К их чести, большинство прохожих продолжали входить и выходить, ограничиваясь любопытным взглядом в сторону сидящего у стены шестилетки. Но очевидно, вопрос человека с бочкой представлял огромный интерес, потому что немало голов повернулось ко мне, а несколько вывалившихся из кухни торговцев подошли поближе, чтобы услышать ответ.

Но ответа у меня не было. Мама была мама, и то, что я знал о ней, уже начинало стираться из памяти. Так что я ничего не ответил, а только молча смотрел на него.

– Эй! Ну а звать-то тебя как? – И, повернувшись, он с чувством обратился к публике: – Я слышал, его и звать-то

никак. Никакого королевского имечка, чтобы делать его характер, и даже никакого другого, чтобы ругаться на него, – сообщил он. – Что, это правда, парень? Имя-то у тебя есть?

Толпа зевак росла. У некоторых в глазах была жалость, но никто не вмешивался. Что-то из того, что я чувствовал, передалось Востроносу, который рухнул на бок, умоляюще выставляя напоказ животик и виляя хвостом. Это древний собачий знак: мол, я всего лишь щенок, сжальтесь, я не могу себя защитить. Если бы они были собаками, то обнюхали бы меня и отошли, но у людей нет такого врожденного благородства, поэтому, не дождавшись ответа, человек шагнул ко мне и повторил:

– У тебя есть имя, парень?

Я медленно поднялся, и стена, которая всего мгновение назад ласково грела мне спину, сейчас стала холодным барьером на пути к отступлению. Востронос у моих ног извивался в пыли, лежа на спине, и тихонько поскуливал.

– Нет, – пролепетал я и, когда человек начал наклоняться ко мне, чтобы лучше слышать, закричал: – НЕТ! – и *оттолкнул* его, боком отступая вдоль стены.

Я увидел, как он, сделав шаг назад, споткнулся и выпустил бочку, которая упала на мощенную булыжником дорогу и треснула. Никто в толпе не мог понять, что случилось. Я тем более не понял, потому что многие смеялись, увидев, как взрослый человек пятится перед ребенком. В это мгновение родилась моя репутация – репутация моего характера

и силы духа, – потому что еще до ночи рассказ о маленьком бастарде, оттолкнувшем своего обидчика, разошелся по всему городу.

Востронос вскочил и обратился в бегство вместе со мной. Я успел заметить лицо Коба, напряженное и растерянное, когда он вышел из кухни с пирогами в руках и увидел, как мы с Востроносом убегает. Будь это Баррич, я бы, вероятно, остановился и вверил себя его защите. Но мальчик не был Барричем, так что я бежал вслед за опередившим меня щенком. Мы промчались через толпу слуг – всего лишь еще один мальчик с собакой, бегущий по двору, – и Востронос отвел меня в то место, которое, очевидно, считал самым безопасным в мире. Далеко от кухни и внутренних зданий была ямка, которую вырыла Рыжая под углом развалюхи. Там хранились мешки с горохом и бобами. Здесь, вдали от хозяйского взгляда Баррича, родился Востронос. И здесь Рыжая умудрялась прятать щенят почти три дня. Баррич сам нашел ее здесь. Его запах был первым человеческим запахом, который запомнил Востронос. Было очень трудно подлезть под здание, но нора внутри была теплой, сухой и полутемной. Востронос прижался ко мне, и я обнял его. Здесь, в безопасности, наши сердца вскоре перестали бешено колотиться, мы сначала задремали, а потом и погрузились в глубокий сон без сновидений – такой, какой бывает только теплым весенним вечером, когда под боком у тебя сопит щенок.

Я проснулся через несколько часов, дрожа от холода. На

дворе стемнело, и недолговечное тепло ранней весны улетучилось. Востронос тоже проснулся, и вместе мы выскользнули из логова.

Над Оленьим замком слабо мерцало далекое ночное небо, звезды были яркими и холодными. Чувствовалась близость залива, как будто дневные запахи людей, лошадей и стряпни были вынуждены уступить место великой мощи океана. Мы шли по пустынным переходам мимо площадок для упражнений в воинском искусстве, мимо амбаров и винодельни. Все было неподвижно и тихо. Когда мы подошли ближе к собственно замку, я увидел, что факелы еще горят, и услышал чьи-то голоса. Но во всем ощущалась усталость – это были последние вздохи гульбища, затихающие перед рассветом. Тем не менее мы обошли внутреннее здание, держась от него подальше, потому что человеческого общества на сегодня нам вполне хватило. Я обнаружил, что иду за Востроносом назад к конюшням. Когда мы подошли к тяжелым дверям, я подумал, как же мы войдем, но щенок оживленно завилил хвостом, и даже мой не столь чуткий нос ощутил в темноте запах Баррича. Наш опекун встал с деревянной переносной клетки, стоявшей у двери.

– Вот и вы, – успокаивающе сказал он. – Ну валяйте, заходите. – Он открыл нам тяжелые двери и ввел нас внутрь.

Мы брели за ним сквозь темноту между рядами стойл, мимо грумов и конюхов, привыкших ночевать в конюшне, и потом мимо наших собственных лошадей и собак к лестнице,

поднимавшейся вдоль стены, что отделяла стойла от клеток. Вслед за Барричем мы шли по скрипящим деревянным ступенькам, и он открыл еще одну дверь.

Тусклый желтый свет догорающей свечи на столе почти ослепил меня. Мы вошли в комнату с наклонным потолком. Комната пахла Барричем, кожей, маслами, травами и мазями, без которых не обойтись в его ремесле. Дверь за нами закрылась, и, когда он проходил мимо нас, чтобы зажечь новую свечку взамен стоявшей на столе, я почувствовал слабый винный запах. Свет стал ярче, и Баррич уселся в грубое деревянное кресло у стола. Он изменился: на нем был коричневый с желтым камзол из хорошей тонкой ткани, на груди висела тяжелая серебряная цепь. Он положил руку на колено ладонью вверх, и Востронос немедленно подошел к нему. Баррич почесал его висячие уши и нежно похлопал по ребрам, поморщившись от поднявшейся при этом пыли.

– Славная вы парочка, – сказал он, обращаясь скорее к щенку, чем ко мне. – Только посмотрите на себя! Грязные, как нищие. Я из-за вас сегодня лгал моему королю. Впервые в своей жизни. Похоже, опала Чивэла заденет и меня. Сказал ему, что вы выкупались и крепко спите, устав с дороги. Король был недоволен, что ему придется подождать встречи с вами, но, на наше счастье, у него есть и более важные дела. Отречение Чивэла переполошило всех лордов. Некоторые хотят извлечь какую-то выгоду, другие чувствуют себя обманутыми – принц, который был им по душе, так и не ста-

нет королем. Шрюд пытается их всех успокоить. Продолжает распускать слухи, что на этот раз именно Верити вел переговоры с чьюрда. Кто-то в это поверит. За ними все равно придется присматривать, но они хотя бы задумаются о том, каким королем будет Верити, если займет трон. Чивэл бросил все и уехал в Ивовый Лес, и все герцогства гудят, словно потревоженное осиное гнездо.

Баррич оторвал взгляд от возбужденной мордочки Востроноса.

– Что ж, Фитц. Думаю, хватит с тебя всего этого на сегодня. Удрал, напугал бедного Коба до смерти. Ну, теперь-то опомнился? Что, кто-то задирает тебя? Следовало бы мне знать, что найдутся и такие, кто захочет свалить на тебя всю эту суматоху. Давай иди сюда.

Я замялся, а он подошел к матрасику из одеял, устроенному у огня, и похлопал по нему:

– Смотри. Вот место для вас, оно готово. А на столе хлеб и мясо для вас обоих.

Его слова заставили меня обратить внимание на прикрытую тарелку на столе. Мясо, которое уже давно учуял Востронос. Теперь и я тоже остро почувствовал аппетитный запах. Баррич засмеялся над тем, как мы бросились к столу, и молча одобрил то, что я выделил Востроносу изрядную порцию, прежде чем сам взялся за еду. Мы наелись до отвала, – похоже, Баррич хорошо представлял себе, как голодны могут быть щенок и мальчик после целого дня обид и горестей.

И потом, несмотря на наш недавний долгий сон, одеяла у огня стали вдруг ужасно соблазнительными. Наполнив желудки, мы свернулись калачиками, подставив спины жарким волнам от очага, и заснули.

Когда мы проснулись на следующий день, солнце стояло уже высоко и Баррича с нами не было. Прежде чем покинуть его комнату, Востронос и я съели горбушку вчерашнего хлеба и дочиста обглодали кости. Никто не остановил нас, когда мы шли к выходу из конюшен, – собственно говоря, на нас вообще не обратили внимания.

Начинался новый день суеты и гуляний. Замок был полон людьми. Сотни ног месили дорожную пыль, гул голосов перекрывал шум ветра и отдаленный рокот волн. Востронос впитывал каждый запах, каждый звук. Его чувства передавались мне, мои собственные глаза и уши тоже ловили все вокруг, и от такого удвоения у меня голова шла кругом. Из обрывков разговоров я понял, что наше прибытие совпало с каким-то весенним праздником и народными гуляньями. Отречение Чивэла все еще было главной темой пересудов, но это не мешало выступлениям кукольников и фокусников. В одном из кукольных представлений отречение Чивэла уже было подано как похабная комедия. И я стоял, неузнанный, в толпе и гадал, что же было такого смешного в диалоге о посеве на соседском поле, что взрослые вокруг рыдают от хохота.

Но очень скоро толпы народа и шум начали угнетать нас

обоих, и я дал понять Востроносу, что хочу уйти от всего этого. Мы покинули крепость, выйдя из ворот в толстой стене мимо стражников, увлеченно заигрывавших с какими-то развеселыми девицами. Еще один мальчик с собакой вышел вместе с семьей торговца рыбой, стоит ли обращать на него внимание! Более предпочтительных попутчиков видно не было, и мы пошли вместе с этим семейством по направлению к городу. Мы все больше и больше отставали от них. Востронос исследовал каждый незнакомый запах и поднимал лапку на каждом углу, и в конце концов мы окончательно потеряли семью торговца из виду и стали бродить по городу вдвоем.

Город Баккип был в те времена ветреным и неудобным. Улицы были крутыми и кривыми, камни мостовой шатались и вылетали под колесами проезжающих повозок. Ветер ударил мне в ноздри непривычным запахом выброшенных на берег водорослей и рыбьей требухи; пронзительный крик чаек и других морских птиц казался некой потусторонней музыкой, перекрывающей ритмичный плеск волн. Город цеплялся за черные каменистые скалы, как моллюски и рачки лепятся к сваям мола, стоящего на заливе. Дома были каменные и деревянные, причем последние, сделанные более тщательно, стояли выше на каменистой поверхности и имели более основательные фундаменты.

Все казалось тихим и спокойным после праздничных толп в замке. Нам же не хватило ума и опыта понять, что прибрежный город – неподходящее место для прогулок щенка

и шестилетнего мальчика. Я осматривался по сторонам, а Востронос жадно обнюхивал все по пути через улицу Булочников и почти безлюдную рыночную площадь вниз, к лодочным сараям, стоящим у самой воды. Там нам пришлось шагать по деревянным пирсам так же часто, как по песку и камню. На берегу кипела обычная будничная жизнь с небольшими уступками карнавальная атмосфере замка наверху. Корабли должны швартоваться и разгружаться, когда это позволяют прилив и отлив, и те, кто зарабатывает на жизнь ловлей рыбы, подчиняются ритму моря, а не людской суете.

Вскоре мы встретили детей. Некоторые из них выполняли мелкие поручения родителей, но другие, как и мы, лентяйничали. Я легко сошелся с ними, не испытывая потребности во взрослом этикете представления или других подобных глупостях. Кое-кто из них был гораздо старше меня, но встречались и мои одноклассники. Некоторые были даже младше. Никто из них, казалось, не находил странным, что я брожу по городу сам по себе. Меня познакомили со всеми достопримечательностями, включая раздувшийся труп коровы, который принесло приливом. Мы посетили строящееся новое рыбацкое судно в доке. Оно было завалено кудрявой стружкой и опилками, от которых исходил сильный смолистый дух. Оставленная без присмотра коптильня с рыбой обеспечила полуденное пиршество полудюжине ребятишек. Если эти дети и были более оборванными и грязными, чем те, кто проходил мимо, спеша по делам, я этого не заметил.

И если бы кто-нибудь сказал мне, что я провел день в стае нищих сорванцов, которые нечисты на руку, и потому им заказан вход в крепость, я был бы потрясен. В то время я знал только, что это был неожиданно прекрасный день, когда в достатке было куда пойти и чем заняться.

Было несколько юнцов постарше и более отчаянных, которые не упустили бы случая поизводить новичка, если бы Востронос не был рядом со мной и не скалил зубы при каждом их неосторожном жесте. Поскольку я не выказывал ни малейшего желания покушаться на их права лидеров, мне было позволено следовать за ними. На меня произвели впечатление их тайны. Пожалуй, я даже осмелюсь утверждать, что к концу этого вечера знал беднейшие кварталы города лучше, чем многие из родившихся в замке.

Меня не спрашивали об имени и называли просто Новичком. У остальных были самые обыкновенные имена, как, например, Дирк или Керри, или говорящие прозвища – типа Рыбный Воришка или Расквашенный Нос. Последняя была девчонкой и могла бы быть прелестным маленьким существом, попав в более благоприятные условия. Она была на год или два старше меня, прямодушная, с острым и живым умом. Она ввязалась в спор с двенадцатилетним мальчиком, совершенно не испугавшись его кулаков, и благодаря ее острому язычку вскоре все над ним смеялись. Она приняла свою победу спокойно и заставила меня благоговеть перед ее твердостью. Но синяки на ее лице и тонких руках цвели

всеми оттенками фиолетового, синего и желтого, а корочка запекшейся крови под левым ухом только немного не соответствовала ее имени. Несмотря на это, Расквашенный Нос была веселой и голос ее был звонче голоса чаек, кружившихся над нами. Поздним вечером Керри, Расквашенный Нос и я сидели на каменистом берегу за станками для починки сетей, и Расквашенный Нос учила меня, как очищать камешки от крепко прилепившихся моллюсков. Она счищала их со знанием дела заостренной палочкой и показывала мне, как при помощи ногтя выгонять маленьких съедобных жильцов из их раковин, когда нас окликнула какая-то девочка.

Аккуратный синий плащ и добротные кожаные туфли отличали ее от моих новых товарищей. Она не подошла, чтобы присоединиться к нашей охоте, а закричала:

– Молли, Молли, он ищет тебя повсюду! Пришел почти трезвый час назад, увидел, что ты ушла и огонь погас, – и ну поносить тебя на чем свет стоит!

На лице Расквашенного Носа появилось отчаянное, упрямое выражение, смешанное со страхом.

– Беги, Киттни, и прихвати мою благодарность! Я не забуду тебя в следующий раз, когда с отливом появятся крабы.

Киттни наклонила голову, быстро повернулась и бросилась назад, туда, откуда пришла.

– У тебя неприятности? – спросил я, когда увидел, что Расквашенный Нос не спешит снова переворачивать камни в поисках моллюсков.

– Неприятности? – Она пренебрежительно фыркнула. – Это как посмотреть. Если отец сможет оставаться трезвым достаточно долго, чтобы найти меня, тогда, что ж, тогда у меня и правда могут быть неприятности. Но к вечеру он наверняка здорово напьется и не попадет в меня ничем из того, что будет швырять. Наверняка! – повторила она твердо, когда Керри открыл рот, чтобы возразить.

С этими словами она решительно повернулась к каменистому берегу и возобновила поиски.

Мы сидели над многоногим серым существом, которое нашли в лужице, оставленной приливом, когда хруст тяжелых сапог по заросшим водорослями камням заставил нас поднять голову. Керри с криком сорвался с места и побежал по берегу, не останавливаясь и не оглядываясь. Востронос и я отскочили назад. Щенок припал около меня на передние лапы, отважно оскалившись, его трусливый хвостик загнулся вниз и щекотал нежный животик. Или Молли Расквашенный Нос не обладала такой быстрой реакцией, или заранее смирилась с неизбежным. Долговязый мужчина ударил ее в висок. Это был исхудалый костлявый человек с красным носом, а его мосластый кулак был похож на узел, но удар оказался достаточно сильным, и Молли растянулась на земле. Осколки ракушек врезались в ее обветренные колени, и, когда она поползла вбок, чтобы избежать неуклюжего пинка, которым мужчина собирался наградить ее, я содрогнулся при виде соленого песка, забившего свежие царапины.

– Ах ты, проклятая вероломная мускусная кошка! Разве я не говорил тебе, чтобы ты сидела дома и присматривала за обмакиванием? А ты торчишь на берегу и роешься в дерьме, сало же в горшке уже застыло. Они там в замке захотят еще свечей сегодня ночью, и что я им продам?

– Те три дюжины, которые я сделала утром. Это было все, что ты мне оставил, ты, старый пьяница! – Молли вскочила на ноги и храбро встала перед ним, хотя глаза ее были полны слез. – Что я должна была делать? Сжечь все дрова, чтобы держать сало мягким до тех пор, пока ты не притащишь наконец фитили? Чтобы тогда нам нечем было разогреть котел?

Человек покачнулся под очередным порывом ветра. До нас донесся его запах. *Пот и пиво*, – сообщил мне Востронос. На мгновение пьяный, казалось, смутился, но затем боль в голове и переполненном пивом желудке снова ожесточила его. Он резко наклонился и схватил побелевшую ветку плавника.

– Ты не будешь так со мной разговаривать, ты, дикая тварь! Торчишь тут с нищими мальчишками, делаешь Эль знает что! Держу пари, что снова воровала в коптильне и позорила меня! Попробуй только убежать – и получишь вдвое, когда я тебя поймаю.

Она, должно быть, поверила ему, потому что лишь сжалась, когда он двинулся к ней, и подняла тонкие руки, чтобы защитить голову, но потом передумала и спрятала только

лицо. Я стоял, оцепенев от ужаса, а Востронос, которому передан мой страх, визжал и даже сделал лужицу у моих ног. Я услышал свист, когда дубинка опустилась. Сердце мое бешено заколотилось, и я *отпихнул* пьяного. Каким-то странным образом сила, переполнявшая меня, вылетела наружу из моего живота.

Обидчик Молли упал, как и человек с бочонком накануне. Но он не вскочил, а схватился за живот, его палка, никому не причинив вреда, отлетела в сторону. Он упал на песок, дернулся, так что судорога свела все его тело, и затих.

Мгновением позже Молли открыла глаза, все еще дрожа в ожидании удара, и увидела своего обидчика, скорчившегося на каменистом берегу. Потрясение стерло с ее лица все прочие чувства. Она бросилась к упавшему.

– Папа, папа, что с тобой? Пожалуйста, не умирай! Прости, что я была такой гадкой девчонкой! Не умирай, я буду хорошей, обещаю, что буду хорошей.

Не обращая внимания на царапины, она упала на колени рядом с ним и повернула его голову, чтобы он не лежал лицом в песке, а потом тщетно попыталась его посадить.

– Он хотел убить тебя, – сказал я ей, стараясь осмыслить происходящее.

– Нет. Он меня слегка поколачивает, когда я бываю плохой, но он никогда не убил бы меня. А когда он трезвый и не больной, он плачет из-за этого и просит меня не быть плохой и не сердить его. Мне надо было лучше стараться не сердить

его. Ой, Новичок, кажется, он умер!

Я и сам боялся чего-то подобного, но через несколько мгновений отец Молли издал ужасный стон и открыл глаза. Как бы то ни было, припадок, сваливший его, по-видимому, прошел. Еще не совсем придя в себя, он принял самообвинения и заботу Молли и даже мои вынужденные попытки помочь. Он оперся на нас обоих, и мы повели его по неровному каменистому пляжу. Востронос не отставал, он то принимался лаять, то наматывал круги вокруг нас. Люди на улицах не обращали на нас никакого внимания. Судя по всему, никто из них не видел ничего необычного в том, что Молли ведет домой своего отца.

Я проводил их до самых дверей маленькой свечной мастерской, Молли, всхлипывая, всю дорогу бормотала извинения. Я оставил их там, и мы с Востроносом нашли дорогу обратно вверх по кривым улицам и холмистой дороге к крепости, пребывая в глубочайшем удивлении, которое произвели на нас человеческие нравы.

Раз обнаружив город и нищую ребятню, я стал навещать их впоследствии каждый день. Днем Баррич был занят своими делами, а вечерами он пил и развлекался на празднике Весны. Он мало обращал внимания на мои приходы и уходы, если только вовремя находил меня на маленьком матрасике перед очагом. По правде говоря, думаю, он слабо представлял, что со мной делать, и считал вполне достаточным сытно накормить меня и следить, чтобы ночи я проводил в поме-

щении, где со мной ничего не случится.

Времена для него настали нелегкие. Будучи человеком Чивэла, что он мог ожидать теперь, когда его хозяин отрекся от своего высокого положения? Вероятно, именно это не давало покоя Барричу. Это да еще больная нога. Несмотря на умение делать припарки и перевязки, он, видимо, не мог лечить себя так же хорошо, как обычно исцелял животных. Один или два раза я видел ногу разбинтованной, и меня передергивало от зрелища рваной раны, которая никак не хотела заживать, по-прежнему нарывала и гноилась. Сперва Баррич заковыристо ругался и мрачно сжимал зубы каждый вечер, когда чистил и перебинтовывал ее, но, по мере того как шли дни, его стало охватывать бессильное отчаяние. Постепенно ему удалось заставить рану закрыться, но грубый шрам обвивал ногу, и Баррич продолжал хромать. Что же удивляться, что он уделял не так уж много внимания маленькому бастарду, оставленному на его попечение. И я, предоставленный сам себе, бегал повсюду, как могут только маленькие дети, на меня почти не обращали внимания. К окончанию праздника Весны стражники у ворот крепости привыкли к моим ежедневным приходам и уходам. Они, вероятно, считали меня посыльным, потому что в замке было очень много таких, не намного старше меня. Я научился ранним утром таскать из кухни достаточное количество еды, чтобы мы с Востроносом могли как следует позавтракать. А обгоревшие крошки у булочников, моллюски и водоросли на

пляже, копченая рыба из оставленных без присмотра коптилен – это составляло значительную часть моих дневных дел.

Молли Расквашенный Нос всегда была рядом со мной. После того случая мне редко доводилось видеть, чтобы отец бил ее: часто он был настолько пьян, что не мог отыскать ее, а если все же находил – был неспособен выполнить угрозы. Я почти не задумывался, как мне удалось оттолкнуть его в тот раз. Молли, к моему облегчению, так и не поняла, что я был к тому причастен.

Город стал для меня целым миром, а крепость – местом, куда я шел спать. Было лето, замечательное время в портовом городе. В каком бы месте Баккипа я ни оказывался, там обязательно что-то происходило. На плоских речных баржах, ведомых потными речниками, по Оленьей реке приходили товары из Внутренних герцогств. Эти матросы со знанием дела говорили о банках, вежах и отмелях, о подъемах и спадах воды в реке. Они перевозили грузы вверх по течению, в городские склады и лавки, а потом снова вниз, к трюмам морских кораблей. Мореходы презрительно насмеялись над речниками и их материковыми обычаями. Они говорили о приливах, штормах и ночах, когда даже звезды не появлялись на небе, чтобы указывать им путь. У причалов Баккипа швартовались и рыбаки, они были самыми дружелюбными из матросов – по крайней мере, когда возвращались с хорошим уловом.

Керри растолковал мне премудрости жизни причалов и

таверн и рассказал, как быстроногий мальчик может заработать три или даже пять пенсов в день, бегая по поручениям по крутым улочкам города. Нам хватало ловкости и дерзости даже для того, чтобы перехватывать заказы из-под носа у ребят постарше, которые просили целых два пенса за выполнение одного поручения. Не думаю, что когда-либо еще в жизни я был таким смелым. Закрыв глаза, я чувствую запах этих прекрасных дней. Пакля, смола и свежая стружка с сухих доков, где корабельные плотники орудовали молотками и стругами. Крепкий запах свежей рыбы и ядовитая вонь улова, который слишком долго пролежал на солнце в жаркий день. Кипы шерсти добавляли налет к запаху дубовых бочек с хмельным бренди Песчаных пределов. И все эти запахи смешивались с ветром с залива, приправленным солью и йодом. Востронос предлагал моему вниманию все, что вынюхивал, и его тонкие чувства заглушали мои, более грубые.

Керри и меня посылали отыскать штурмана, который ушел попрощаться с женой, или отнести образцы специй к хозяину магазина. Нас могли отправить предупредить команду, что какой-то болван неправильно привязал концы и прилив вот-вот сорвет корабль. Но я больше всего любил поручения, которые приводили нас в таверны. Там усердно работали языки заядлых рассказчиков. Они готовы были поведать любому о путешествиях, открытиях, морях, с честью прошедших через ужасные бури, и о глупых капитанах, топивших корабли вместе со всей командой. Много из всего

этого я знал наизусть, но больше всего я любил слушать не профессиональных рассказчиков, а самих моряков. Не истории, рассчитанные на всеобщее восхищение, а деловые сообщения или предупреждения, которые передавались от команды к команде за бутылкой бренди и буханкой желтого кукурузного хлеба.

Они говорили об уловах, о сетях, таких полных, что корабль почти тонул, или об удивительных рыбах и диких животных, которых можно увидеть, только когда корабль пересекает дорожку света от полной луны. Были рассказы о поселках, разграбленных островитянами и на берегу, и на дальних островах нашего герцогства. Рассказы о пиратах, морских сражениях и кораблях, захваченных благодаря предательству кого-нибудь из членов команды. Самыми захватывающими были истории о пиратах красных кораблей, которые нападали не только на наши суда и города, но и на других островитян, вышедших в море. Некоторые смеялись при упоминании кораблей с красными киями и издевались над теми, кто говорил, что некоторые пираты нападают даже на собратьев по разбою.

Но Керри, я и Востронос сидели под столом, прижавшись спинами к ножкам и пощипывая сладкие булочки ценой в пенни, и с распахнутыми от восторга глазами слушали о красных кораблях, и о дюжинах тел, висевших на нок-реях, — не мертвых, а просто связанных, — и о том, как эти несчастные дергались и кричали, когда чайки слетали вниз, чтобы

клевать их. Мы слушали эти восхитительно жуткие истории, пока даже нас не пробирал озноб, несмотря на духоту, царившую в таверне, и тогда мы бежали вниз, в порт, чтобы заработать еще пенни.

Однажды Керри, Молли и я построили плот из плавника и с помощью шеста привели его под пристань. Мы привязали его там, и, когда начался прилив, он отбил целую секцию пристани и повредил две лодки. Несколько дней после этого мы боялись, что нас выведут на чистую воду. Как-то раз хозяин таверны выдрал Керри за уши и обвинил нас обоих в воровстве. Нашей мстью была селедка, привязанная под опорами стола. Она протухла и много дней воняла и привлекала мух, пока ее не нашли. Я многому научился: покупать рыбу, чинить сети, строить лодки и бездельничать. Кроме того, я еще больше узнал о человеческой натуре. Я начал определять на глаз, кто действительно заплатит обещанный пенни за доставленное послание, а кто только посмеется, если я потребую платы. Я знал, у кого из булочников можно выпросить что-нибудь поесть и из каких магазинов легче что-нибудь стащить. И все это время Востронос был со мной, мы так привязались друг к другу, что я уже редко полностью отделял свое сознание от его. Я пользовался его носом, его глазами, его челюстями так же свободно, как собственными, и никогда не думал, что это хоть сколько-нибудь опасно.

Так прошла большая часть лета. Но в один прекрасный день, когда солнце катилось по небу даже более синему, чем

море, моему везению пришел конец. Молли, Керри и я стащили хорошую связку печеночных колбасок из коптильни и удирали по улице от преследовавшего нас владельца. Востронос, как всегда, был с нами. Остальные ребята теперь принимали его как часть меня. Я не думаю, что им когда-нибудь приходило в голову удивляться единству наших сознаний. Мы были Новичок-и-Востронос, и они думали, что это просто благодаря хитрому фокусу мой четвероногий друг всегда знает, где надо находиться, чтобы поймать нашу добычу, прежде чем я успеваю ее бросить. И вот мы вчетвером бежали по разбитой улице и передавали колбаски из грязной руки в мокрую пасть и потом снова в руку, а у нас за спиной владелец орал и безуспешно пытался нас догнать.

И тут из какой-то лавки вышел Баррич. Я бежал прямо на него. Мы узнали друг друга одновременно и на миг оба растерялись. Мрачное выражение, появившееся на лице Баррича, не оставило у меня никаких сомнений о его намерениях. Я решил удрать, увернулся от его протянутых рук и метнулся в сторону – и, к собственному изумлению, таинственным образом угодил прямо в его объятия.

Не люблю вспоминать о том, что произошло дальше. Мне здорово влетело не только от Баррича, но и от возмущенного владельца колбасок. Все соучастники преступления, за исключением Востроноса, испарились в закоулках и щелях улицы. Востронос на животике подполз к Барричу, и его тоже отшлепали и выругали. Я в отчаянии смотрел, как Бар-

рич вынимает монеты из кошелька, чтобы заплатить колбаснику. Он продолжал крепко держать меня за ворот рубашки, так что я почти висел. Когда удовлетворенный колбасник удалился и маленькая толпа, собравшаяся поглазеть на мой позор, разошлась, Баррич меня отпустил. Я не понимал исполненного отвращения взгляда, который он бросил на меня. Отпустив наконец ворот моей рубашки, он приказал:

– Домой. Немедленно.

И мы с Востроносом отправились домой даже еще быстрее, чем удирали от колбасника. Мы улеглись на матрасик у очага и с трепетом стали ждать. И ждали, и ждали весь долгий день до самого вечера. Оба мы проголодались, но не смели уйти. Было в лице Баррича что-то гораздо более страшное, чем даже злоба отца Молли.

Когда Баррич пришел, была уже глубокая ночь. Мы слышали шаги на лестнице, и мне не потребовалось тонкое чутье Востроноса, чтобы понять, что Баррич пил. Мы прижались друг к другу, и он вошел в полутемную комнату. Дыхание его было тяжелым, и ему понадобилось больше времени, чем обычно, чтобы зажечь еще несколько свечек от той, которую поставил я. Сделав это, он тяжело опустился на скамейку и уставился на нас двоих. Востронос заскулил и повалился на бок в щенячьей мольбе. Мне хотелось сделать то же самое, но я только в страхе смотрел на своего опекуна. Через некоторое время Баррич заговорил:

– Фитц! Что с тобой происходит? Что происходит с нами

обоими? Ты, в чьих жилах течет королевская кровь, болтаешься по улицам в компании нищих воришек! Бегаешь со стаей, словно неразумная тварь!

Я молчал.

– Надо думать, я виноват не меньше тебя. Подойди сюда. Подойди, мальчик.

Я рискнул сделать два шага, но ближе подходить не хотел. При виде моей нерешительности Баррич нахмурился.

– У тебя что-нибудь болит, мальчик?

Я покачал головой.

– Тогда подойди сюда.

Я медлил, и Востронос тоже безнадежно заскулил.

Баррич озадаченно посмотрел на него. Я видел, как медленно, сражаясь с винным туманом, работает его мысль. Он переводил взгляд со щенка на меня, и горестное выражение появилось на его лице. Баррич покачал головой. Потом медленно встал и пошел прочь от стола и щенка, оберегая большую ногу. В углу комнаты была маленькая стойка, на которой лежали странные запыленные инструменты и другие предметы. Баррич медленно протянул руку и взял один из них. Он был сделан из дерева и кожи, задубевшей от долгого бездействия. Баррич взмахнул им, и короткий кожаный хлыст щелкнул по его ноге.

– Знаешь, что это такое, мальчик? – спросил он тихим добрым голосом.

Я молча покачал головой.

– Собачий хлыст.

Я без всякого выражения смотрел на него. Ни я, ни Востронос никогда не сталкивались ни с чем подобным и не знали, как на это реагировать. Баррич добродушно улыбался, и голос его по-прежнему был дружелюбным, но я чувствовал за этим какое-то ожидание.

– Это инструмент, Фитц. Учебное приспособление. Когда у тебя есть щенок, который не слушается, когда ты говоришь щенку: «Иди сюда», а щенок отказывается подойти – что ж, несколько хороших ударов этой штуки, и щенок учится подчиняться с первого раза. Всего несколько сильных ударов – все, что требуется, чтобы научить щенка слушаться. – Он говорил спокойно, опустив хлыст и позволив короткому ремню легко покачиваться над полом.

Ни Востронос, ни я не могли отвести от него глаз, и когда он внезапно бросил этот предмет Востроносу, щенок завизжал от ужаса, отскочил и быстро спрятался у меня за спиной.

И Баррич медленно опустился на скамейку у очага, прикрыв глаза рукой.

– О Эда!.. – выдохнул он не то проклятие, не то молитву. – Я догадывался. Я подозревал, когда видел, как вы бежали вместе, но, будь прокляты глаза Эля, я не хотел оказаться правым. Не хотел. Я никогда в жизни не бил щенка этой проклятой штукой. У Востроноса не было никакой причины бояться ее. Если только ты не делишься с ним своими мыслями.

Какая бы опасность нам ни грозила, я почувствовал, что она прошла. Я сел на пол рядом с Востроносом, и щенок тут же забрался ко мне на колени и начал возбужденно тыкаться носом мне в лицо. Я успокоил его, решив, что мы подождем и посмотрим, что будет дальше. Мальчик и щенок, мы сидели, глядя на неподвижного Баррича. Когда он наконец поднял голову, я был потрясен, поскольку он выглядел так, словно только что плакал. Как моя мать, подумал я тогда, но сейчас, как ни странно, я не могу вызвать этот образ.

– Фитц. Мальчик. Пойди сюда, – проговорил он мягко, и на этот раз в его голосе было что-то, чему нельзя было не подчиниться.

Я поднялся и подошел. Востронос топтался рядом со мной.

– Нет, – сказал Баррич щенку и указал ему на место у своих сапог, а меня поднял на скамейку.

– Фитц, – начал он и замолчал. Потом глубоко вздохнул и продолжил: – Фитц, это неправильно. Это плохо, очень плохо – то, что ты делал с этим щенком. Это противоестественно. Это хуже, чем красть или лгать. Это делает человека уже не человеком. Ты понимаешь меня?

Я тупо смотрел на него. Он вздохнул и попытался еще раз:

– Мальчик, ты королевской крови. Незаконнорожденный или нет, но ты родной сын Чивэла, продолжатель древней линии. А то, что ты делаешь, – неправильно. Это недостойно тебя. Ты понимаешь?

Я молча покачал головой.

– Вот видишь. Ты теперь молчишь. Отвечай мне. Кто научил тебя этому?

– Чему?

Мой голос был хриплым и скрипучим.

Глаза Баррича стали круглыми. Я видел, как он с трудом овладел собой.

– Ты знаешь, о чем я говорю. Кто научил тебя лезть в мысли к этому псу, видеть вещи вместе с ним и давать ему видеть с тобой, рассказывать друг другу обо всем?

Я обдумывал это некоторое время. Да, так оно все и было.

– Никто, – ответил я наконец. – Просто это случилось. Мы очень много были вместе, – добавил я, думая, что это может служить объяснением.

Баррич мрачно смотрел на меня.

– Ты говоришь не как ребенок, – заметил он внезапно. – Но я слышал, что так оно и бывает с теми, у кого есть древний Дар. С самого начала они не похожи на настоящих детей. Они всегда знают слишком много, а когда становятся старше, то знают еще больше. Вот почему в прежние дни никогда не считалось преступлением преследовать их и сжигать. Понимаешь, о чем я, Фитц?

Я покачал головой и, когда он нахмурился, заставил себя добавить:

– Но я пытаюсь. Что такое древний Дар?

На лице Баррича появилось недоверие, потом подозри-

тельность.

— Мальчик... — угрожающе начал он, но я только смотрел на него.

Через мгновение он уступил моему невежеству.

— Древний Дар, — начал он медленно, лицо его потемнело, и он смотрел на свои руки, как бы вспоминая старый грех, — это власть звериной крови, которая, как и Сила, передается по королевской линии. Поначалу она кажется редким талантом, поскольку дает способность понимать животных. Но потом она овладевает тобой и затягивает, и ты сам превращаешься в животное. В конце концов в тебе не остается ничего человеческого, и ты бегаешь, высунув язык, и пробуешь вкус крови, как будто никогда не знал ничего, кроме стаи. И тогда ни один человек, посмотрев на тебя, не подумает, что ты когда-то был человеком. — Его голос становился все тише и тише. Баррич больше не смотрел на меня, он отвернулся к огню и глядел в угасающее пламя. — Некоторые говорят, что тогда человек принимает облик зверя, но убивает не ради пропитания, а так, как убивают люди. Для того, чтобы убивать.

Ты этого хочешь, Фитц? — продолжал он. — Чтобы королевская кровь в твоих жилах смешалась с кровью дикой охоты? Стать обычным зверем среди других таких же зверей, только ради крупиц знаний, которые это тебе принесет? А ты понимаешь, что запах крови овладеет тобой и вид добычи закроет тебе путь назад в твои мысли? — Голос его стал еще

тише, и я слышал горечь, которую он чувствовал, задавая мне эти вопросы. – И ты проснешься в поту и в лихорадке, потому что где-то загуляла сука и твой товарищ учуял это, – это ты хочешь принести в постель своей леди?

Я сидел рядом с ним, очень маленький.

– Не знаю, – еле слышно промолвил я.

Он повернулся ко мне, оскорбленный, и зарычал:

– Ты не знаешь? Я рассказал тебе, к чему это приведет, а ты говоришь, что не знаешь?

У меня пересохло во рту, Востронос сжался у моих ног.

– Но я правда не знаю, – попытался я возразить. – Откуда я могу знать, что будет, пока не сделал этого?

– Если ты не знаешь, то я знаю! – взревел Баррич, и теперь я в полной мере ощутил, какую ярость подавлял он все это время и как много он выпил в эту ночь. – Щенок уйдет, а ты останешься. Ты останешься здесь на моем попечении, где я могу не спускать с тебя глаз. Раз Чивэл не хочет, чтобы я ехал к нему, это самое меньшее, что я могу для него сделать. Я позабочусь о том, чтобы его сын вырос человеком, а не волком. Я сделаю так, даже если это убьет нас обоих!

Он нагнулся, чтобы схватить Востроноса за шиворот. По крайней мере, таково было его намерение. Но щенок и я отскочили от него. Вместе мы кинулись прочь из комнаты, но засов был задвинут, и, прежде чем я смог открыть дверь, Баррич догнал нас. Востроноса он отбросил сапогом, а меня схватил за плечо и отпихнул от двери.

– Иди сюда, щенок, – велел он, но Востронос бросился ко мне.

Баррич стоял у дверей, красный и задыхающийся, и я поймал какой-то тайный ток его мыслей – ярость, которая искала его раздавить нас обоих и покончить с этим. Он сдерживал гнев, но мне довольно было мимолетного прикосновения к его разуму, чтобы впасть в панику. И когда Баррич бросился на нас, я *оттолкнул* его со всей силой моего страха.

Он упал внезапно, как птица, сбитая стрелой в полете, и некоторое время сидел на полу. Я встал и прижал Востроноса к себе.

Баррич медленно мотнул головой, будто стряхивал с волос капли дождя. Потом встал, нависая над нами.

– Это в его крови, – донеслось до меня его бормотание. – В его проклятой материнской крови. И нечего тут удивляться. Но мальчишку надо проучить. – И потом, глядя мне прямо в глаза, он предупредил меня: – Фитц, никогда больше не поступай так со мной. Никогда. А теперь дай мне этого щенка.

Он снова двинулся на нас, и, опять ощутив вспышку его скрытой ярости, я не смог сдержаться. Я еще раз *оттолкнул* его. Но на этот раз моя защита встретила со стеной, которая вернула мне удар, так что я споткнулся и упал, едва не потеряв сознания. Тьма накрыла меня. Баррич стоял надо мной.

– Я предупреждал тебя, – проговорил он тихо, и голос его

звучал как рычание волка.

Я еще успел почувствовать, как его пальцы схватили Востроноса за шиворот. Бережно, вовсе не грубо, он поднял щенка и понес к двери. Не подчинившийся мне засов легко поддался Барричу, потом я услышал, как тяжелые сапоги моего опекуна застучали по лестнице.

Я тут же опомнился, вскочил на ноги и бросился на дверь. Но Баррич, должно быть, запер ее снаружи, потому что я только безнадежно царапал засов. Я чувствовал Востроноса все слабее, по мере того как его уносили все дальше и дальше, оставляя мне взамен отчаянное одиночество. Я хныкал, потом взвыл, царапаясь в дверь и пытаясь вернуть контакт с другом. Потом была внезапная вспышка красной боли, и Востронос исчез. Все его собачьи чувства полностью покинули меня, я кричал и плакал, как делал бы на моем месте всякий другой шестилетка, и бессильно колотил по деревянным доскам. Казалось, прошли часы, прежде чем Баррич вернулся. Я услышал его шаги и поднял голову, лежа в изнеможении на дверном пороге. Он открыл дверь и ловко поймал меня за ворот рубашки – я попытался проскочить мимо него. Он втащил меня обратно в комнату, захлопнул дверь и снова запер ее. Я без слов бросился на дверь, слезы подступали к горлу. Баррич устало сел.

– Забудь об этом, мальчик, – предостерег он меня, как будто мог слышать рождавшиеся в моей голове безумные планы о том, что я буду делать, когда он выпустит меня в следующую

щий раз. — Его нет. Щенка нет, и это проклятие и позор, потому что он был хорошей крови. Его родословная была почти такая же длинная, как твоя. Но лучше потерять собаку, чем человека. — Я не пошевелился, и он добавил почти ласково: — Перестань думать о нем. Тогда будет не так больно.

Но я не мог перестать. Я слышал по голосу Баррича, что на самом деле он и не ждет этого от меня. Он вздохнул и начал потихоньку готовиться ко сну. Он больше не разговаривал со мной, только погасил лампу и устроился на своей постели. И он не спал, и до утра все еще оставались часы, когда он встал, поднял меня с пола и положил на теплое место, которое его тело нагрело в одеялах. Он снова ушел и некоторое время не возвращался. Что же до меня, то я смертельно тосковал, и лихорадка трепала меня несколько дней. Баррич, наверное, сказал всем, что у меня какая-то детская болезнь, и меня оставили в покое. Прошло много дней, прежде чем мне снова разрешили выйти, и тогда я уже не был свободен.

Потом Баррич принял меры, чтобы у меня не было никаких шансов привязаться к какому-нибудь животному. Несомненно, он думал, что преуспел в этом, и в какой-то степени это было так, то есть я не мог почувствовать никакой особенной связи с собакой. Я знаю, что он желал мне добра. Но я чувствовал себя не под защитой, а в заключении. Баррич был надзирателем, который следил за моей изоляцией с упорством фанатика. Именно тогда зерна одиночества упали в мою душу и пустили там глубокие корни.

Глава 3

Договор

Настоящие истоки Силы, вероятно, всегда будут покрыты тайной. Конечно, склонность к ней особенно проявляется в королевской семье, хотя и не ограничивается только ею. Судя по всему, есть доля истины в народной поговорке: «Когда морская кровь сливается с кровью равнин, расцветает Сила». Островитяне, по-видимому, не имеют предрасположенности к Силе, так же как и люди, среди предков которых были только коренные жители Шести Герцогств.

Все в мире ищет ритма и в ритме находит покой, – вероятно, это в природе вещей... Во всяком случае, мне всегда казалось, что это так. Все события – не важно, катастрофические или просто странные – разбавлены рутиной нормального течения жизни. Люди, бродящие по полю отгремевшей битвы в поисках раненых среди мертвецов, все же останавливаются, чтобы откашляться или высморкаться, и поднимают голову, слыша крик клина диких гусей. Я видел крестьян, которые продолжали пахать и сеять, невзирая на армии, бьющиеся всего в нескольких милях.

Так было и со мной. Я оглядываюсь назад и удивляюсь. Разлученный со своей матерью, брошенный в новый город и

в чужую страну, оставленный моим отцом на попечение этого человека и лишенный моего четвероногого друга, я тем не менее в один прекрасный день встал с постели и вернулся к жизни маленького мальчика. Для меня это означало: подняться, когда Баррич разбудит меня, и последовать за ним в кухню, где я ел под его присмотром. После этого я становился тенью Баррича. Он редко выпускал меня из виду. Я, как собака, ходил за ним по пятам, наблюдая за его работой и по возможности помогая ему в разных мелочах. Вечером был ужин, когда я сидел рядом с ним на скамейке и ел, а Баррич пристально следил за моими манерами. Потом мы поднимались наверх, в его комнату. Там я проводил остаток вечера, молча глядя в огонь, пока он пил, или в ожидании его возвращения. Если он не пил, то работал – чинил или мастерил сбруи, смешивал мази, составлял снадобья для лошадей. Он работал, и я научился наблюдать за ним, хотя, насколько я помню, мы произносили не много слов. Теперь странно думать, что таким образом прошли два года – и большая часть третьего.

Я научился, как это приходилось делать Молли, выкраивать тайком немного времени, когда Баррича звали на охоту или помочь ожеребиться кобыле. Несколько раз за долгое время я отваживался ускользнуть, когда он выпивал больше, чем следовало, но это были рискованные отлучки. Если мне удавалось вырваться в город, я бросался на поиски своих юных товарищей и бегал с ними столько, сколько смел.

Мне так не хватало Востроноса, как будто Баррич отрезал кусочек моего собственного тела. Но больше мы об этом никогда не говорили.

Оглядываясь назад, я думаю, что он был так же одинок, как и я. Чивэл не позволил Барричу последовать за ним в изгнание. Вместо этого его главный конюший должен был заботиться о безымянном бастарде и обнаружил у этого незаконнорожденного склонность к тому, что считал извращением. И после того как его нога зажила, он понял, что никогда не сможет ездить верхом, охотиться и даже ходить так, как прежде. Все это, очевидно, было тяжелым испытанием для такого человека, как Баррич. Я никогда не слышал, чтобы он жаловался кому-нибудь, но, вспоминая то время, не могу представить, с кем он мог бы разделить горести. Мы оба были заперты в одиночестве, и каждый вечер, когда мы смотрели друг на друга, каждый из нас видел виновника своего одиночества.

Тем не менее все проходит, особенно время, и с течением месяцев, а тем более лет, я постепенно нашел подходящую для себя нишу в окружающем меня мирке. Я прислуживал Барричу, принося ему вещи прежде, чем он собирался попросить об этом, и убирал после того, как он лечил животных. Я следил, чтобы у ястребов всегда была чистая вода, и выискивал клещей у собак, вернувшихся домой с охоты. Люди привыкли ко мне и больше не глазели на меня. Некоторые, казалось, и вовсе меня не замечали. Постепенно Бар-

рич ослабил надзор. Я свободно уходил и возвращался, но по-прежнему старался, чтобы он не знал о моих походах в город.

В крепости были другие дети, многие из них примерно моего возраста. Некоторые даже приходились мне родственниками – троюродными или седьмой водой на киселе. Но ни с кем из них я так никогда и не сошелся. Младшие были под присмотром матерей или нянек, у старших всегда находились неотложные дела. Большинство из них не были жестоки ко мне – просто я не принадлежал к их кругу. И хотя я мог месяцами не видеть Дирка, Керри или Молли, ребята из города оставались моими ближайшими друзьями. Зимними вечерами, когда все собирались в Большом зале послушать менестрелей или посмотреть кукольные представления, и во время ознакомительных прогулок по замку я быстро научился понимать, где мне рады, а где нет.

Я старался не попадаться на глаза королеве, потому что всякий раз, глянув на меня, она находила какую-нибудь оплошность в моем поведении и пеняла за это Барричу. Регал тоже был источником опасности. Будучи почти взрослым мужчиной, он не стеснялся столкнуть меня с дороги или нарочно наступить на то, с чем я играл. Ему были свойственны мелочность и мстительность, которых я никогда не замечал в Верити. Не то чтобы Верити занимался со мной, но наши случайные встречи никогда не были неприятными. Если он замечал меня, то ерошил мне волосы или давал пенни. Од-

нажды слуга принес в комнаты Баррича деревянные игрушки – солдатиков, лошадку и повозку, с которых сильно облезла краска, – с сообщением, что Верити нашел их в углу своего платяного шкафа и подумал, что, возможно, они придутся мне по душе. По-моему, никогда в жизни у меня не было ничего своего, чем я дорожил бы больше, чем этими игрушками.

Коба, мальчика-псаря, тоже следовало опасаться. Если Баррич был поблизости, Коб разговаривал и обращался со мной ровно и справедливо, но в другое время не находил мне дел. Он ясно дал понять, что не хочет, чтобы я вертелся у него под ногами, пока он работает. Постепенно я сообразил, что он ревнует Баррича ко мне, чувствуя, что забота обо мне вытеснила интерес к нему. Коб никогда не был откровенно жесток и никогда не обращался со мной несправедливо, но я чувствовал его неприязнь и избегал его.

Все солдаты относились ко мне с большой терпимостью. После уличных детей города Баккипа они, вероятно, более всего подходили под определение моих друзей. Но как бы терпимы ни были мужчины к мальчику девяти или десяти лет от роду, у них очень мало общего. Я смотрел, как они играют в кости, и слушал их рассказы, но на каждый час, который я проводил в их обществе, приходились целые дни, в которые я вообще их не видел. И хотя Баррич никогда не запрещал мне бывать в караульной, он не мог скрыть, что не одобряет такого времяпрепровождения. Таким образом,

я и был и не был членом сообщества замка. Одних людей я избегал, за другими наблюдал, третьим подчинялся – но ни с кем я не чувствовал близости.

Потом, в одно прекрасное утро, все еще немного стеснясь своих десяти лет, я играл в Большом зале, кувыркаясь со щенками. Было очень рано. Накануне произошло какое-то важное событие, празднование длилось целый день и затянулось далеко за полночь. Баррич напился до бесчувствия. Почти все, и господа, и слуги, всё еще были в постели, и на кухне поживиться было почти нечем. Но столы в Большом зале ломились от недоеденных сладостей и жаркого. И еще там были вазы с апельсинами, круги сыра – короче, все, о чем мог мечтать мальчик, давал грабительский набег. Большие собаки уже расхватали лучшие кости и разошлись по углам зала, предоставив щенкам подбирать меньшие кусочки. Я взял со стола немного паштета, залез под стол и поделил пиршество с избранными фаворитами среди щенков. Со времени исчезновения Востроноса я всегда старался не дать Барричу повода заподозрить меня в привязанности к какому-нибудь одному щенку. Я все еще не понимал, почему он препятствует этому, но не спрашивал его, чтобы не поставить под удар щенка. Итак, я делил свой паштет с тремя щенками, когда услышал медленные шаги, шуршащие по устланному тростником полу. Два человека негромко что-то обсуждали.

Я подумал, что это кухонные слуги пришли убирать со столов, и вылез из своего укрытия, чтобы перехватить еще

чего-нибудь вкусенького, прежде чем все унесут. Но при моем появлении вздрогнул не слуга, а старый король, мой де-душка, собственной персоной. Чуть позади него, держа отца под локоть, шел Регал. Его тусклые глаза и помятый камзол свидетельствовали об участии во вчерашнем разгуле. За монархом и принцем семенил новый, лишь недавно принятый на должность шут короля. Наряд шута был сшит из черных и белых лоскутов, кожа его была бледной, как тесто, а глаза – блеклые, почти бесцветные. Он выглядел так странно и нелепо, что я невольно избегал смотреть на него. По контрасту с шутом и невыспавшимся Регалом король Шрюд выглядел великолепно. Глаза его блестели, борода и волосы были аккуратно причесаны, одежда казалась безупречной. Быстро справившись с минутной растерянностью, вызванной моим неожиданным появлением, он сказал:

– Видишь, Регал, все – как я тебе и говорил. Предоставляется удобный случай, и кто-то этим пользуется – часто это кто-то молодой, подвижный энергией и голодом юности. Члены королевской семьи не могут позволить себе пренебрегать такими возможностями или дать другим использовать их.

Король прошел мимо меня, развивая тему, в то время как Регал бросил на меня уничтожающий взгляд налитых кровью глаз. Мановением руки он велел мне исчезнуть. Я кивнул, но, прежде чем выполнить приказ, метнулся к столу. Я запихнул в карман камзола два яблока и подхватил почти нетронутый пирог с крыжовником, когда король внезапно

обернулся и поманил меня. Шут передразнил его. Я замер там, где стоял.

– Посмотри на него, – приказал король. Регал злобно глянул на меня, но я не смел пошевелиться. – Ну, что ты из него сделаешь?

Регал продемонстрировал полное недоумение.

– Из него? Это же Фитц, бастард Чивэла. Как всегда, таскает потихоньку.

– Дурак. – Король Шрюд улыбался, но глаза его оставались жесткими. Шут, решивший, что обращаются к нему, с готовностью улыбнулся. – Ты что, уши воском залепил? Ты не слышишь ничего, что я говорю? Я не спрашиваю тебя, что ты о нем думаешь, я спрашиваю, что ты из него сделаешь? Вот он стоит – молодой, сильный и многообещающий. Его кровь не менее королевская, чем у тебя. Разница только в том, что он родился не с той стороны простыни. Так что ты из него сделаешь? Орудие? Оружие? Соратника? Врага? Или оставишь валяться, чтобы кто-нибудь другой подобрал и использовал его против тебя?

Регал, прищурившись, посмотрел на меня, потом огляделся, обнаружил, что в зале больше никого нет, и снова бросил на меня озадаченный взгляд. У моих ног заскулил щенок, напоминая, что мы только что вместе закусывали. Я предупредил его, чтобы он замолчал.

– Этот бастард? Он только ребенок.

Старый король вздохнул:

– Сегодня. Этим утром и сейчас он ребенок. Когда ты вспомнишь о нем в следующий раз, он окажется юношей или, что еще хуже, мужчиной – и тогда будет уже поздно что-то делать. Ты опоздаешь. Но возьми его сейчас, Регал, и направь его рост в нужную тебе сторону – тогда через десять лет в твоём распоряжении будет его верность. Вместо недозвольного бастарда, который всегда сможет выступить в роли претендента на трон, он станет союзником, связанным с королевской семьёй не только кровью, но и душой. Бастард, Регал, уникальное создание. Надень на него кольцо с королевской печатью – и ты создашь дипломата, которым не посмеет пренебречь ни один иностранный правитель. Его спокойно можно послать туда, куда опасно отправлять принца крови. Вообрази только, как полезен может быть человек, который принадлежит и в то же время не принадлежит к королевской семье. Обмен заложниками. Брачные альянсы. Секретная работа. Дипломатия кинжала.

При последних словах глаза Регала округлились. Некоторое время мы все тяжело дышали, молча глядя друг на друга. Когда Регал заговорил, его голос звучал так, как будто у него в горле застрял кусок черствого хлеба.

– Ты говоришь обо всем этом при мальчике? О том, чтобы использовать его как... Думаешь, он не припомнит твои слова, когда вырастет?

Король засмеялся, и этот звук зазвенел, отлетая от каменных стен Большого зала.

– Припомнит? Конечно припомнит. Я на это и рассчитываю. Посмотри в его глаза, Регал. В них ум и, возможно, даже склонность к Силе. Я был бы невероятно глуп, если бы попытался солгать ему, и еще более глуп, если бы начал его обучение без всякого объяснения. Не следует оставлять его сознание открытым для тех семян, которые там могут посеять другие. Не так ли, мальчик?

Он все время смотрел на меня, и я внезапно понял, что выдерживаю его взгляд. Пока он говорил, наши взгляды были скрещены и мы читали мысли друг друга. В глазах этого человека, который приходился мне дедом, светилась безупречная честность. От такой предельной честности становилось не по себе, но зато я знал, что всегда смогу рассчитывать на нее. Я медленно кивнул.

– Подойди сюда, – велел король.

Я осторожно шагнул к нему. Когда я подошел, дед опустился на одно колено, чтобы смотреть мне прямо в глаза. Шут торжественно встал на колени около нас, переводя серьезный взгляд с одного лица на другое. Регал свирепо смотрел на всех нас с высоты своего роста. В то время я совершенно не улавливал иронии того, что старый король оказался на коленях перед незаконнорожденным внуком, так что я торжественно стоял, когда он взял пирог из моей руки и бросил его щенкам, пришедшим вместе со мной. Король вынул булавку из шелковых складок у шеи и торжественно проколол ею простую шерстяную ткань моей рубашки.

– Теперь ты мой, – сказал он, и это заявление было для меня гораздо важнее, чем вся кровь, текущая по нашим жилам. – Тебе незачем теперь подбирать объедки – я буду содержать тебя и буду делать это хорошо. Если какой-нибудь мужчина или женщина когда-нибудь захочет обратить тебя против меня, предлагая тебе больше, чем я, – приходи, расскажи мне об этом, и я обдумаю твои слова. Тебе не придется жаловаться на мою скупость, и если тебе вздумается предать меня, ты не сможешь объяснить это тем, что с тобой здесь дурно обращались. Ты мне веришь, мальчик?

Я кивнул, по старой привычке – молча, но карие глаза короля требовали большего.

– Да, сир.

– Хорошо. Я отдам несколько распоряжений относительно тебя. Надеюсь, у тебя не будет возражений. Если некоторые из них покажутся тебе странными, поговори с Барричем. Или со мной. Просто подойди к двери моей комнаты и покажи эту булавку. Тебя впустят.

Я посмотрел вниз, на красный камешек, лежавший в серебряном ложе.

– Да, сир, – снова выдавил я.

– Ага, – сказал он тихо.

Я почувствовал ноту сожаления в его голосе и подумал: о чем это он? Взгляд короля отпустил меня, и внезапно я снова стал видеть все, что меня окружало: Большой зал, щенков и Регала, наблюдающего за мной с отвращением на лице,

и шута, с энтузиазмом кивающего в своем бессмысленном подражании. Потом король встал. Когда он отвернулся, меня пронзил холод, как будто я внезапно сбросил плащ. Это был мой первый опыт общения с Силой в руках мастера.

– Ты ведь меня не одобряешь, Регал? – тон короля был тоном доброжелательного приглашения к беседе.

– Мой король может делать все, что пожелает. – это было сказано сердито.

Король Шрюд вздохнул:

– Ты не ответил на вопрос.

– Моя мать, королева, безусловно, не одобрит. Ваша благосклонность к мальчику будет выглядеть так, как будто вы признали его. Это может внушить ему всякие мысли – и другим тоже.

– Тьфу. – Король хихикнул, словно сказанное позабавило его.

Регал мгновенно вышел из себя:

– Моя мать, королева, не согласится с вами. Она будет недовольна. Моя мать...

– Она не соглашается со мной и недовольна мной уже несколько лет. Я уже почти перестал замечать это, Регал. Она будет хлопать крыльями и кудахтать и снова угрожать мне, что вернется в Фарроу и будет там герцогиней, а ты – герцогом после нее. А если очень рассердится, то сообщит мне, что, если она это сделает, Тилт и Фарроу поднимут восстание и станут отдельным королевством, а она будет там коро-

левой.

– А я – королем после нее! – вызывающе добавил Регал.

Шрюд кивнул, как бы в ответ на собственные мысли.

– Я так и знал, что она заразила тебя чем-то подобным. Слушай, мальчик. Она может ругаться и швырять посуду в слуг, но больше ничего. Ей прекрасно известно, что лучше быть королевой мирного королевства, чем герцогиней восставшего герцогства. И у Фарроу нет никаких причин восставать против меня, кроме тех, которые она сама придумала. Ее амбиции всегда превышали ее возможности. – Он замолчал и посмотрел прямо на Регала. – Это ее самая плачевная ошибка.

Регал смотрел в пол. Я чувствовал его с трудом сдерживаемую ярость, волны гнева исходили от него.

– Пойдем, – сказал король, и принц побрел за ним, послушный, как собака, но взгляд, который он бросил на меня, был полон яда.

Я стоял и смотрел, как старый король выходит из зала, и чувствовал отголоски потери. Станный человек. Хотя я был бастардом, он мог объявить себя моим дедом и одним этим словом получил бы то, что было дороже всяких денег. У дверей задержался бледный шут. Мгновение он смотрел на меня, потом сделал непонятный жест узкими ладонями – это могло быть и оскорблением, и благословением. Или просто бессмысленным взмахом рук дурака. Потом он улыбнулся, показал мне язык и повернулся, чтобы поспешить за Шрю-

дом.

Несмотря на обещание короля, я засунул себе за пазуху массу сладких пирожных и разделил их со щенками в сарае за конюшней. Этот завтрак превосходил все, к чему мы были привычны, и мой желудок горестно бормотал еще много часов спустя. Щенки свернулись калачиками и заснули, а я колебался между страхом и ожиданием. Я почти надеялся, что ничего не произойдет, что король забудет о своих словах. Но он не забыл.

Поздно вечером я наконец вскарабкался по ступеням в комнату Баррича. Я провел день, размышляя о том, что будет значить для меня утренний договор. Но мог бы не утруждаться. Потому что, когда я вошел, Баррич отложил сбрую, которую чинил, и обратил все внимание на меня. Некоторое время он молча рассматривал меня, а я смотрел на него. Что-то изменилось, и я боялся. Потому что, с тех пор как исчез Востронос, я верил, что Баррич мог так же легко распорядиться и моей жизнью. Бастард может быть уничтожен так же просто, как и щенок. Это не мешало мне чувствовать некое родство с ним; необязательно любить кого-то, чтобы привязаться к нему. Вера в Баррича была моей единственной опорой, и теперь я чувствовал, как она колеблется подо мной.

– Так, – заговорил он наконец, и слово это прозвучало приговором. – Так. Значит, тебе надо было попасться ему на глаза? Надо было обратить на себя внимание? Что ж. Он решил, что с тобой делать.

Баррич вздохнул, но теперь молчание было другим. Некоторое время мне даже казалось, что он жалеет меня. Потом он заговорил снова:

– Завтра я должен выбрать тебе лошадь. Он хотел, чтобы это была молодая лошадь и чтобы я тренировал бы тебя и одновременно приучал к седлу животное. Но я уговорил его, чтобы ты начал со скотинкой постарше и поспокойнее. Мне хватит одного ученичка зараз, сказал я ему. Но у меня есть причины сажать тебя... на менее впечатлительную лошадь. Посмотрю, как ты будешь себя вести. Я почувствую, если ты только попробуешь снова приняться за свое. Мы понимаем друг друга?

Я быстро кивнул.

– Отвечай, Фитц. Тебе придется пользоваться языком, если ты будешь иметь дело с учителями и наставниками.

– Да, сир.

Это было так похоже на Баррича. Больше всего его волновало то, что придется доверить мне лошадь. Первым делом обсудив собственные заботы, он объявил остальное довольно равнодушно:

– Теперь встаем с восходом, мальчик. Утром будешь учиться у меня. Ухаживать за лошадью и управлять ею. И как правильно охотиться с собаками, и как заставить их слушаться. Я тебе покажу, как добрые люди управляют с животными. – Последнюю фразу он подчеркнул и немного помолчал, дабы убедиться в том, что я его понял.

Сердце мое упало, я кивнул было, но тут же поправился на: «Да, сир».

– После полудня тебя заберут. Будешь махать мечом и всякое такое. Может быть, Сила тоже. В зимние месяцы будешь учиться в комнатах. Языки и буквы. Писать, считать, и цифры тоже, наверное. История. Что ты будешь со всем этим делать – понятия не имею. Но уж постарайся учиться так, чтобы король был доволен. Он не из тех, кого стоит раздражать, а уж тем более сердить. Умнее всего вести себя так, чтобы он тебя не замечал. Я не предупредил тебя об этом, а теперь слишком поздно. – Он внезапно откашлялся и глубоко вздохнул. – Да, и еще кое-что изменится с завтрашнего дня. – Он взял кусок кожи, с которой работал, и склонился над ним. Казалось, он разговаривает со своими пальцами, а не со мной. – У тебя теперь будет настоящая комната, своя собственная. Наверху, в замке, там, где спят все благородные. Ты бы и сегодня спал там, если бы потрудился прийти вовремя.

– Что? Я не понял. Комната?

– О, значит, ты можешь быстро отвечать, когда захочешь? Ты все прекрасно расслышал, мальчик. У тебя будет собственная комната наверху в замке. – Он помолчал, потом с чувством продолжал: – Я наконец-то буду сам по себе. Ах да, и еще с тебя завтра снимут мерку для костюма. И сапог. Хотя какой смысл надевать сапог на ногу, которая все еще растет, я не...

– Я не хочу комнату там, наверху.

Какой бы гнетущей ни была жизнь с Барричем, я внезапно понял, что она все равно лучше неизвестности. Я представил себе большую холодную каменную комнату с тенями, затаившимися в углах.

– Ну что ж, и все же ты ее получишь, – безжалостно заявил Баррич. – Время для этого настало, и уже давно. Ты крови Чивэла, хоть и незаконнорожденный. И держать тебя в конюшне, как приبلудного щенка, это просто... просто никуда не годится.

– Мне все равно, – в полном отчаянии осмелился произнести я.

Баррич поднял глаза и строго посмотрел на меня:

– Болтливы мы сегодня, да?

Я опустил глаза, уходя от его взгляда.

– Ты живешь внизу, – заметил я мрачно, – ты не приبلудный щенок.

– Но я и не бастард королевской крови, – отрубил он. – Теперь ты живешь в замке, Фитц, и точка.

Я осмелился взглянуть на него. Баррич снова разговаривал со своими пальцами.

– Лучше быть приبلудным щенком, – проговорил я. И все мои страхи прорвались наружу, заставив мой голос задрожать, когда я добавил: – Ты не позволил бы им сделать это с приبلудным щенком. Изменить все так сразу. Когда они отдали щенка блаухаунда лорду Гримбси, ты послал с ним

свою старую рубашку, чтобы у него было что-то, что пахнет домом, пока он не привыкнет.

– Что ж, – проговорил он, – я не... Пойди сюда, Фитц. Пойди сюда, мальчик.

И, как щенок, я подошел к Барричу, единственному хозяину, который у меня был, и он легонько похлопал меня по спине и взъерошил мне волосы, почти как если бы я был собакой.

– Ну, не бойся. Бояться нечего. Во всяком случае, – его голос потеплел, – они только сказали, что ты получишь комнату наверху. Никто не говорил, что ты должен спать там каждую ночь. В некоторые ночи, если тебе будет не по себе, ты можешь найти дорогу сюда, вниз. А, Фитц? Так будет легче?

– Наверное, – пробормотал я.

В следующие две недели перемены посыпались на меня дождем. Баррич поднял меня на рассвете. Он тщательно вымыл меня и подрезал мне волосы так, чтобы они не лезли в глаза, а остальные собрал в «конский хвост» на затылке – такую прическу носили взрослые, которых я встречал в замке. После этого Баррич велел мне одеться в лучшую одежду и пощелкал языком, увидев, как мала она мне стала. Потом пожал плечами и сказал, что придется обойтись тем, что есть.

В конюшне он показал мне кобылу, которая теперь стала моей. Она была серой масти с размытыми яблоками. Ее гри-

ва, хвост, морда и чулки были черными, как будто она из-валялась в саже. Имя у кобылы было подходящее – Уголек. Это было спокойное животное, хорошо сложенное и ухоженное. Менее капризную лошадь трудно себе представить. Я по-мальчишески надеялся заполучить хотя бы резвого мерина, но вместо этого моей лошадью стала Уголек. Я попытался скрыть разочарование, но Баррич, видимо, почувствовал его.

– Думаешь, не больно-то она хороша, верно? Ну а сколько лошадей у тебя было вчера, Фитц, что ты воротишь нос от такой послушной умницы, как Уголек? Она носит жеребенка от этого шалого жеребца лорда Темперанса, так что смотри обращай с ней осторожно. До сих пор ее объезжал Коб; он надеялся сделать из нее лошадь для охоты. Но я решил, что она лучше подойдет тебе. Он немного огорчен этим, но я обещал ему, что он получит жеребенка.

Баррич приспособил мне старое седло и поклялся: что бы там ни говорил король, нового я не получу, пока не покажу себя хорошим наездником. Уголек хорошо слушалась поводьев, у нее был очень ровный шаг. Она прошла хорошую выучку у Коба. Ее ум и темперамент напоминали мне тихое озеро. Если она и думала о чем-то, то только не о том, что мы делали, а проникнуть в ее мысли я не рискнул – слишком уж пристально Баррич за мной следил. Так что я ехал на ней вслепую, общаясь с лошадью только посредством собственных коленей, поводьев и перемещения своего веса. Это было

тяжело физически, и я устал задолго до того, как окончился мой первый урок. Баррич знал это. Но это не означало, что он разрешил мне не почистить и не накормить лошадь и не привести в порядок мое седло и снаряжение. И только когда грива Уголька была тщательно расчесана и старая кожа седла блестела от масла, мне наконец было позволено позавтракать самому.

Но когда я метнулся к задней двери кухни, на мое плечо опустилась тяжелая ладонь Баррича.

– Этого больше не будет, – сказал он твердо. – Это годится для солдат, садовников и прочих. Есть зал, где едят благородные господа и их личные слуги. И теперь ты будешь есть там.

И, сказав это, он втолкнул меня в темную комнату, где господствовал длинный стол. Во главе этого стола стоял еще один, повыше. Столы ломились от самых разнообразных яств, вокруг сидело множество людей на разных стадиях трапезы. Потому что, когда король, королева и принцы не присутствовали за высоким столом, как сегодня, никто не придерживался этикета. Баррич подтолкнул меня к месту по левому краю стола, чуть ближе к его середине. Сам он ел с той же стороны, но дальше от королевских мест. Я был голоден, и никто не смотрел на меня достаточно пристально, чтобы я почувствовал себя не в своей тарелке, так что я быстро справился с обильным завтраком. Еда, которую я воровал на кухне, была горячее и свежее, но такие мелочи не много зна-

чат для растущего мальчика, и я хорошо подкрепился после долгого голодного утра. Набив живот, я начал подумывать о некой песчаной насыпи, прогретой послеполуденным солнцем и усыпанной кроличьими норами, где щенки и я часто проводили сонные послеобеденные часы. Я начал вставать из-за стола, но неожиданно у меня за спиной оказался незнакомый мальчик.

– Господин?

Я оглянулся, чтобы понять, с кем он разговаривает, но все остальные склонились над тарелками. Мальчик был выше меня и старше на несколько лет, так что я удивленно смотрел на него снизу вверх, когда он, глядя мне прямо в глаза, повторил:

– Господин? Вы уже закончили трапезу?

Я наклонил голову, слишком удивленный даже для того, чтобы говорить.

– Тогда вы должны пойти со мной. Меня послали за вами. На площадке для упражнений с оружием вас ожидает Ходд. Если, конечно, ваши уроки у Баррича на сегодня уже окончены.

Баррич внезапно появился рядом и изумил меня, опустившись передо мной на одно колено. Он одернул мой камзол и пригладил волосы со словами:

– Похоже, на сегодня окончены. Не смотри так удивленно, Фитц. Неужели ты думал, что король не хозяин своему слову? Вытри рот и шагай. Ходд более строгий учитель, чем

я. Опоздания недопустимы, так что давай поторапливайся. Брант ответит тебя.

С упавшим сердцем я повиновался. Следуя за мальчиком, я пытался вообразить наставника более строгого, чем Баррич. Даже думать об этом было страшно.

Выйдя из зала, мальчик быстро отбросил изысканные манеры.

– Как тебя зовут? – спросил он, пока мы шли по покрытой гравием дорожке к тренировочным площадкам.

Я пожал плечами и отвернулся, делая вид, что испытываю интерес к кустарнику, окаймляющему дорожку.

Брант понимающе фыркнул:

– Ну, должны же тебя как-то звать. Как тебя зовет этот колченогий старик?

Откровенное пренебрежение мальчика к Барричу так удивило меня, что я выпалил:

– Фитц. Он зовет меня Фитц.

– Фитц? – Послышалось тихое ржание. – Да, это он может. На язык-то он острый, старый кривоног.

– Ему кабан ногу покалечил, – объяснил я.

Мальчик говорил так, словно хромота Баррича была какой-то глупостью, которую он выставлял на всеобщее обозрение. Почему-то я чувствовал себя уязвленным его насмешками.

– Да, знаю. – Он снова фыркнул, на сей раз – презрительно. – Распорол прям до кости. Здоровый старый секач чуть

не сшиб Чива, да только ему Баррич подвернулся. Баррич да еще полдюжины собак, я слышал.

Мы прошли через проход в увитой плющом стене, и перед нами внезапно возникли учебные корты.

— Чив думал, что остается только прикончить эту свинью, когда она подпрыгнула и бросилась на него. В пику вцепилась, говорят.

Я шел по пятам за мальчиком и ловил каждое его слово, когда он внезапно повернулся ко мне. Я был так огорошен, что чуть не упал на спину. Мальчик засмеялся.

— Наверное, год у Баррича плохой. Все несчастья Чивэла на него валятся. Он взял смерть Чива да сменял ее на свою хромую ногу, вот что люди говорят. А потом он взял принца щенка да сделал его любимчиком. Вот только в толк не возьму, с чего вдруг тебя собрались учить военному делу. Да еще и лошадь дали, я слышал.

В его тоне было нечто большее чем зависть. Так я узнал, что некоторые люди воспринимают чужую удачу как личное оскорбление. Я чувствовал его растущую враждебность, как будто не спросясь зашел на собачью территорию. Но собаку я мог успокоить по поводу своих намерений, мысленно прикоснувшись к ее разуму. Что же до Бранта, то тут была только враждебность, поднимающаяся как буря. Я подумал, собирается ли он ударить меня и чего ждет в ответ — бегства или удара. Я почти решил бежать, когда высокая фигура, одетая в серое, появилась за спиной у Бранта и крепко

схватила его за воротник.

– Я слышала, король сказал, этот мальчик должен тренироваться с мечом и получить лошадь, чтобы учиться верховой езде. И этого достаточно для меня и должно быть более чем достаточно для тебя, Брант. Мне казалось, что тебе было велено привести его сюда и доложить мастеру Тулуму, у которого есть для тебя дело. Ты этого не слышал?

– Да, мэм. – Драчливое настроение Бранта внезапно испарилось, уступив место подобострастию.

– И раз уж ты слышал все эти жизненно важные вещи, я хотела бы указать тебе, что ни один умный человек не рассказывает каждому встречному и поперечному все, что знает, а у того, кто разносит сплетни, кроме них, в голове ничего нет. Ты меня понял, Брант?

– Думаю, да, мэм.

– Думаешь? Тогда скажу яснее. Прекрати все вынюхивать да распускать слухи и займись делом. Будь старательным и прилежным, и тогда, возможно, люди начнут говорить, что ты мой любимчик. Я хотела бы видеть, что ты слишком занят, чтобы сплетничать.

– Да, мэм.

– Ты, мальчик, – Брант уже убегал по дорожке, когда женщина повернулась ко мне, – следуй за мной.

Она не стала ждать, чтобы убедиться, что я подчинился. Деловой походкой немолодая женщина двинулась через тренировочную площадку, так что мне пришлось бежать ры-

сю, чтобы не отстать от нее. Утрамбованная земля затвердела под сотнями ног, солнце жгло мои плечи. Я мгновенно вспотел. Но женщина, казалось, не испытывала никаких неудобств, продвигаясь вперед быстрым шагом.

Она была одета во все серое: длинная темно-серая накидка, немного более светлые штаны и поверх всего этого серый кожаный передник, доходивший почти до колен. Видимо, она работает в саду, предположил я, хотя и удивился, заметив у нее на ногах серые кожаные сапоги.

– Меня прислали тренироваться... с Ходдом, – проговорил я, задыхаясь.

Она коротко кивнула. Мы зашли в тень оружейной, и я наконец перестал жмуриться от яркого света.

– Мне должны дать доспехи и оружие, – сказал я на случай, если женщина не поняла меня.

Она снова кивнула и распахнула дверь в похожее на сарай строение – внешнюю оружейную. Тут, как я знал, лежало тренировочное оружие. Настоящая сталь хранилась в самом замке. В сарае был мягкий полусвет и прохлада. Пахло деревом, потом и свежим тростником, разбросанным по полу. Женщина не остановилась, и я пошел за ней к подставке, на которой лежала груда очищенных от коры шестов.

– Выбирай, – сказала она мне. Это были первые слова, произнесенные ею после приказа следовать за ней.

– Может, лучше подождать Ходда? – робко поинтересовался я.

– Я – Ходд, – ответила она нетерпеливо. – Теперь выбери себе палку, мальчик. Хочу немного позаниматься с тобой, прежде чем придут остальные ученики. Хочу посмотреть, из чего ты сделан и что умеешь.

Ей не потребовалось много времени, чтобы установить, что я не умею почти ничего и легко теряюсь. После нескольких ударов ее собственной коричневой палкой она ловко подцепила мой шест, выбила его из моих ноющих рук, и он, вращаясь, полетел на землю.

Ходд задумчиво хмыкнула, без осуждения или одобрения. Так мог бы хмыкнуть огородник, увидев слегка поврежденный клубень. Я немного прощупал ее сознание и обнаружил ту же тишину, которую почувствовал в кобыле. Если Баррич всегда держался со мной начеку, то Ходд ничего не заметила. Думаю, тогда я впервые понял, что некоторые люди, как и некоторые животные, совершенно не чувствуют, когда я их прощупываю. Я мог бы и дальше проникнуть в мысли Ходд, но был так счастлив, не найдя никакой враждебности, что побоялся вызвать хоть малейшую неприязнь. Так что я стоял под изучающим взглядом женщины, маленький и неподвижный.

– Мальчик, как тебя зовут? – неожиданно спросила она. Опять.

– Фитц.

Я произнес это очень тихо, и Ходд нахмурилась. Тогда я подобрался и сказал погромче:

– Баррич зовет меня Фитцем.

Она слегка вздрогнула.

– Это на него похоже. Он называет суку сукой, а бастарда бастардом. Это Баррич. Что ж... думаю, я понимаю его. Фитц ты есть, Фитцем я тебя и буду называть. Теперь я покажу тебе, почему шест, который ты выбрал, слишком длинный для тебя и слишком толстый. А потом ты выберешь другой.

Сказано – сделано, и она медленно провела меня через упражнение, которое показалось мне тогда бесконечно сложным, но через неделю выполнить его было уже не труднее, чем заплести гриву моей лошади. Мы закончили, когда как раз гурьбой подошли остальные ученики. Их было четверо, все примерно моего возраста, с разницей лишь в год-другой, но куда опытнее меня. Это породило некоторое неудобство, потому что теперь нас стало нечетное число и никто не хотел тренироваться в паре с новичком.

Каким-то образом я пережил этот день, хотя воспоминания о том, как именно мне это удалось, скрыты от меня в благословенном тумане. Я помню, как у меня все болело, когда Ходд наконец отпустила нас, как прочие ученики бодро побежали по дорожке назад в замок, а я мрачно поплелся следом, проклиная себя за то, что меня вчера угораздило попасться королю на глаза. Путь до замка был очень долгим, в обеденном зале было шумно и полно народа. Я слишком устал, чтобы налегать на еду. Кажется, я съел лишь немного

хлеба и тушеного мяса, и этого мне хватило. Я поплелся к двери, мечтая только о тепле и тишине конюшен, когда меня опять перехватил Брант.

– Ваша комната готова, – только и сказал он.

Я бросил отчаянный взгляд на Баррича, но он был слишком занят разговором с соседом по столу. Он не заметил моей безмолвной мольбы. Так что я обнаружил, что снова слеую за Брантом, теперь уже вверх по каменным ступеням в ту часть замка, где мне не доводилось бывать во время моих ознакомительных прогулок.

Мы остановились на площадке, Брант взял со стола подсвечник и зажег свечи.

– Королевская семья живет в этом крыле, – небрежно сообщил он мне. – В конце этого коридора – спальня короля, огромная, как конюшня.

Я кивнул, слепо веря всему, что он говорил, хотя позже выяснил, что посыльный вроде Бранта никогда бы не мог попасть в королевское крыло. Здесь господам прислуживали лакеи. Посыльный повел меня вверх по лестнице. На следующей площадке он остановился снова.

– Здесь комнаты для гостей, – сказал он, показывая подсвечником. От этого движения пламя свечей заколебалось. – Для важных, конечно.

И мы поднялись еще на один этаж. Лестница заметно сужалась. Тут мы опять остановились, и я с ужасом посмотрел наверх, где ступени были еще уже и круче. Но Брант не

повел меня туда. Мы пошли по коридору мимо трех дверей, он вставил ключ в скважину и открыл дощатую дверь. Она распахнулась тяжело и со скрипом.

— Комнатой давно не пользовались, — заметил он весело. — Но теперь она твоя, так что милости просим.

И с этими словами Брант поставил канделябр на сундук и ушел, забрав с собой одну из свечей. Тяжелая дверь закрылась за ним, и я остался один в полутьме большой незнакомой комнаты. Каким-то чудом я удержался от того, чтобы броситься за посыльным. Вместо этого я поднял канделябр к стенным подсвечникам. Зажженные свечи заставили тени съежиться в углах. В комнате был камин, в котором догорал огонь. Я поворошил угли больше для света, чем для тепла, и продолжил обследовать мое новое жилище.

Это была простая квадратная комната с единственным окном. Каменные стены, такие же голые и холодные, как пол у меня под ногами, были украшены единственным выцветшим гобеленом. Я поднял свечу повыше, чтобы рассмотреть его, но увидеть мне удалось не многое. На гобелене были странные крылатые существа и мужчина, похожий на короля, склонившийся перед ними в мольбе. Позже я узнал, что это король Вайздом и Элдерлинги Старейшие, которые пришли к нему на помощь. На первый взгляд картина показалась мне жутковатой. Я отвернулся.

Кто-то сделал небрежную попытку освежить комнату. Пол был посыпан свежим тростником и травой, а перина выгля-

дела пухлой и свежевзбитой, на ней лежали два одеяла из хорошей шерсти. Балдахин над кроватью был поднят, а с сундука и скамьи, составлявших остальную меблировку, была стерта пыль. На мой неискушенный взгляд, эта комната выглядела действительно богатой. Настоящая кровать с покрывалами и занавесками, скамейка и сундук, чтобы класть туда вещи, — сколько я себя помнил, такой шикарной мебели у меня никогда не было. Все эти вещи предназначались исключительно для меня, и это каким-то образом делало их еще более значительными. К тому же в моем распоряжении был камин, в который я расточительно подбросил еще полено, и окно с дубовым сиденьем перед ним. Окно было закрыто ставнями от ночного холода, но я предположил, что оно выходит на море. Углы простого сундука были обиты медью, снаружи дерево потемнело, но, когда я поднял крышку, внутри оно оказалось светлым и душистым. В сундуке я обнаружил мой скудный гардероб, принесенный из конюшни. Его пополнили две ночные рубашки и скатанное в валик шерстяное одеяло. Вот и все. Я вынул ночную рубашку и закрыл сундук.

Я положил рубашку на кровать, потом залез туда и сам. Было еще слишком рано, чтобы ложиться спать, но тело мое болело, и, похоже, делать больше было нечего. Внизу, в конюшне, Баррич сейчас уже сидел бы и пил, занимаясь починкой сбруи или еще чем-нибудь. В очаге горел бы огонь, и слышно было бы, как внизу, в стойлах, переминаются с но-

ги на ногу лошади. И комната пахла бы кожей, маслом и самим Барричем, а не сырым камнем и пылью. Я натянул через голову ночную рубашку и сложил одежду у кровати. Потом устроился на перине; она была холодной, и я покрылся гусиной кожей. По прошествии времени постель согрелась, и я понемногу расслабился. У меня был трудный день, полный событий. Все тело ныло от усталости. Я знал, что мне следует снова подняться и задуть свечи, но не мог собраться с силами. Кроме того, у меня не хватало смелости остаться в непроглядной темноте. Так что я задремал, полуприкрыв глаза и наблюдая за слабыми языками пламени в маленьком очаге. Я лениво мечтал о чем-то другом, о любом месте, которое не было бы ни этой одинокой комнатой, ни жилищем Баррича. О покое, который, возможно, я знал когда-то, но который теперь начисто стерся из памяти. И вот так, в грезах о покое, я забылся сном.

Глава 4

Ученичество

Рассказывают о короле Викторе Победителе, который завоевал острова территории, ныне принадлежащие к герцогству Фарроу. Вскоре после присоединения к своим владениям Песчаных пределов он послал за женщиной, которая, если бы Виктор не завоевал ее страну, была бы королевой Песчаных пределов. Она прибыла в Олений замок в большой тревоге, опасаясь приема в замке, но еще больше страшась того, что могло бы ожидать ее народ, попроси она своих людей укрыть ее. Когда она появилась, то была и поражена, и в некотором роде огорчена тем, что Виктор собирается использовать ее не как слугу, но как учителя для своих детей. Они должны были изучить язык и обычаи ее народа. Она спросила, почему он решил, что это нужно его детям; Виктор ответил: «Властитель должен править всеми народами своей страны, но править можно только тем, что знаешь». Позже она с готовностью стала женой его старшего сына и при коронации получила имя Грация Милосердная.

Я проснулся оттого, что солнечный свет упал на мое лицо. Кто-то заходил в комнату и открыл ставни, впустив дневной свет. На сундуке стояли таз, полотенце и кувшин с водой. Я

был благодарен за это, но даже умывание меня не освежило. Я вспотел во сне, кроме того, мне было неловко оттого, что кто-то мог войти в мою комнату и ходить по ней, пока я спал.

Как я и думал, окно выходило на море, но у меня не было времени любоваться красивыми видами. Единственного взгляда на солнце хватило, чтобы понять, что я проспал. Я быстро натянул одежду и поспешил в конюшню, не задерживаясь для завтрака.

Но этим утром Барричу было не до меня.

– Возвращайся в замок, – посоветовал он мне. – Хести-портниха уже присылала за тобой Бранта: ей нужно снять с тебя мерку для одежды. Лучше сейчас же найди ее – она вечно куда-то торопится, и ей не понравится, если ты расстроишь ее планы на утро.

Я побежал назад в замок, и от бега вся боль в мышцах, которой наградила меня минувший день, пробудилась вновь. Как я ни боялся поисков мастерицы Хести и снятия мерки для одежды, которая, как я считал, мне совершенно не нужна, я все же почувствовал облегчение, что сегодня мне не придется садиться в седло. Узнав на кухне дорогу, я наконец нашел мастерицу Хести в комнате через несколько дверей от моей спальни. Я смущенно остановился в дверях и заглянул внутрь. Три высоких окна впускали в комнату солнечный свет и мягкий соленый ветер. У стены стояли корзины с пряжей и крашеной шерстью, а высокая полка на другой стене была завалена пестрым многоцветием самых раз-

ных тканей. Две молодые женщины тихонько беседовали над ткацким станком, а парень, не намного старше меня, слегка покачивался в такт мягкому ходу колеса прялки в дальнем углу. Женщина, чья широкая спина была повернута ко мне, очевидно, и была мастерица Хести. Молодые ткачихи заметили меня и замолчали. Хести повернулась, чтобы взглянуть, куда они смотрят, и через мгновение я оказался у нее в руках. Она не утруждала себя знакомством или объяснениями. Я обнаружил, что сижу на табуретке, а меня поворачивают, измеряют и обсуждают, совершенно не считаясь с моим достоинством и, уж конечно, с человеческой природой. Она с презрением отдала мою одежду молодой женщине, холодно заметив, что я напоминаю молодого Чивэла и что размеры и цвета моей одежды должны быть почти такими же, как его, когда он был в моем возрасте. Потом она спросила мнение своих помощниц, прикладывая ко мне рулоны различных тканей.

– Этот синий цвет очень идет к его темным волосам, – сказала одна из ткачих. – Он бы очень хорошо выглядел на его отце. Какое счастье, что леди Пейшенс никогда не придется увидеть этого мальчика. Печать Чивэла слишком ясно видна на его лице, чтобы оставить ей хоть какую-то надежду.

И, стоя так, с ног до головы закутанный в шерстяную ткань, я впервые услышал то, что было давно известно всем до одного обитателям Оленьего замка. Ткачихи в деталях обсуждали, как весть о моем существовании достигла сто-

лицы и Пейшенс – задолго до того, как мой отец смог сам рассказать ей об этом, – и какую невыносимую боль это ей причинило. Потому что Пейшенс была бесплодной, и, хотя Чивэл никогда ни словом не упрекнул ее, все вокруг догадывались, как тяжело должно быть для них не иметь наследников. Пейшенс восприняла мое появление как укор, ставший последней каплей. После нескольких выкидышей ее здоровье и так оставляло желать много лучшего, а теперь оно было окончательно подорвано, и дух ее сломлен. Ради ее блага и ради соблюдения приличий Чивэл отказался от трона и увез больную жену в провинцию, откуда она была родом. Говорили, что они жили там в мире и согласии, что здоровье Пейшенс немного поправилось и что Чивэл, растеряв большую часть бывшего задора, потихоньку начинал осваивать управление виноградной долиной. К сожалению, Пейшенс винила за оплошность мужа также и Баррича, она заявила, что видеть больше не может старшего конюшего. И старина Баррич, которому пришлось смириться и с тем, что он остался калекой, и с опалой, изменился до неузнаваемости. Раньше ни одна женщина не могла спокойно пройти мимо него; поймать его взгляд означало вызвать жгучую зависть каждой, достаточно взрослой для того, чтобы носить юбки. А теперь? Старый Баррич – так его зовут, а ведь он все еще в расцвете сил. Это нечестно, как будто слуга может отвечать за то, что сделал его господин!

Однако, считали мастерицы, все к лучшему. В конце кон-

цов, Верити будет более хорошим королем, чем мог бы стать его брат. Чивэл был таким благородным и правильным донельзя, что в его присутствии все чувствовали себя в чем-то виноватыми; он никогда не позволил бы себе отступить от того, что считал правильным. И хотя рыцарское благородство не позволяло ему насмехаться над теми, кто относился к себе не столь строго, его безукоризненное поведение всегда было безмолвным порицанием для всех окружающих. Ах, но вот теперь оказалось, что все-таки был этот бастард, пусть и много лет назад, и это доказательство, что принц не так уж безупречен, как старался показать. А вот Верити Истина, он человек как человек, на него смотришь и сразу видишь королевскую кровь. Он отличный наездник и всегда сражался рядом со своими людьми, а если иногда напивался или бывал не очень благоразумным – что ж, он открыто признавал это, честный, как и его имя. Люди поймут такого человека и пойдут за ним.

Я молча ловил каждое слово, а мастерицы тем временем прикладывали ко мне отрезы ткани, обсуждали, насколько мне идет очередной цвет, и отвергали расцветки одну за другой. Теперь я понял, почему дворцовые дети не играют со мной. Если мастерицам и приходило в голову, что их непринужденная болтовня может вызывать у меня какие-то мысли и чувства, они ничем этого не выдали. Насколько я помню, Хести обратила непосредственно ко мне единственное замечание – что мне следует уделять больше внимания мытью

собственной шеи. Когда с мерками было покончено, она шуганула меня из комнаты, как будто я был надоедливym цыпленком, и я отправился в кухню, чтобы раздобыть немного еды.

Послеобеденное время я снова провел с Ходд и упражнялся до тех пор, пока не почувствовал, что мой шест за время занятий таинственным образом удвоил вес. Потом были еда, постель и снова утренний подъем – и назад, под опеку Баррича. Дни мои были поглощены учебой, и даже немногие свободные от нее часы были заняты работой, связанной с моим обучением, – был ли это уход за моим снаряжением у Баррича или уборка оружейной Ходд. Вскоре я получил не один и не два, а целых три комплекта одежды, включая чулки, которые в один прекрасный день появились у меня на кровати. Два костюма были из хорошей ткани знакомого коричневого цвета, в которой, по-видимому, ходило большинство детей моего возраста, но третий – из тонкого синего сукна, с вышитой на груди тонкой серебряной нитью оленьей головой. У Баррича и солдат была эмблема скачущего оленя. Оленью голову я видел только на камзолах Регала и Верити. Так что я смотрел на нее и удивлялся, как удивлялся и красному шву, прорезавшему эмблему по диагонали, прямо по вышивке.

– Это значит, что ты бастард, – отрезал Баррич в ответ на мой вопрос. – Признанной королевской крови, но все равно бастард. Вот и все. Это просто быстрый способ показать, что ты королевской крови, но неправильной линии. Если тебе не

нравится, можешь переменить костюм. Я уверен, что король это позволит. Ты имеешь право на имя и герб.

– Имя?

– Конечно. Это очень просто. Бастарды нечасто встречаются в благородных домах, особенно в королевских семьях, но ты не первый и не последний.

Под предлогом того, что мне пора учиться обращаться с седлом, мы шли через мастерскую, разглядывая старое снаряжение. Сохранение и починка этих вещей были одной из самых странных прихотей Баррича.

– Придумай себе имя и герб, а потом попроси короля...

– Какое имя?

– Ну, какое хочешь. Твое нынешнее – какое-то никудышное, вроде как подмоченное и заплесневевшее. Посмотрим, что можно придумать.

– Оно будет ненастоящим.

– Что? – Он протянул мне охапку пахучей кожи.

Я взял ее.

– Имя, которое я просто себе придумаю. Оно будет как будто не на самом деле мое.

– Так что же ты тогда собираешься делать?

Я вздохнул.

– Король должен назвать меня. Или ты. – Я набрался смелости. – Или мой отец. Ты не находишь?

– У тебя какие-то странные идеи. Ты подумай об этом немного сам и скоро найдешь имя, которое тебе подойдет.

– Фитц, – с горькой усмешкой сказал я.

Баррич не нашелся что ответить.

– Давай-ка лучше починим эту сбрую, – сказал он тихо.

Мы отнесли ее на скамейку и начали вытирать.

– Внебрачные дети не такая уж редкость, – заметил я. – И в городе родители дают им имена.

– В городе не редкость, – спустя некоторое время согласился Баррич. – Солдаты и матросы любят поразвлечься. Это нормально для обычных людей. Но не для знати. И не для того, у кого есть хоть капля гордости. Что бы ты подумал обо мне, когда был младше, если бы по ночам я ходил к девкам или приводил их в комнату? Как бы ты теперь смотрел на женщин? И на мужчин? Влюбляться, Фитц, дело хорошее, и никто не поскупится на поцелуй или два для молодой женщины. Но я видел, как это все бывает в Удачном. Торговцы приводят хорошеньких девушек и крепких юношей на рынок, как цыплят или картошку. И у детишек, которых эти юноши и девушки в конце концов зачинают, могут быть имена, зато у них нет многого другого. И, даже выйдя замуж или женившись, они не оставляют своих... привычек. Если я когда-нибудь найду достойную женщину, то захочу, чтобы она знала: я не буду заглядываться на других. И я захочу быть уверенным, что все мои дети – мои. – Баррич говорил почти страстно.

Я горестно посмотрел на него:

– Так что же случилось с моим отцом?

Баррич сник и вдруг показался мне очень усталым.

– Я не знаю, мальчик. Не знаю. Он был очень молод тогда, всего лет двадцати от роду. И очень далеко от дома, и пытался вынести непомерно тяжелую ношу. Это не извиняет его и не может служить веской причиной. Но это все, что мы знаем.

Так оно и было.

Моя жизнь катилась по накатанной колее. Случались вечера, которые я проводил в конюшне в обществе Баррича, и гораздо реже – вечера, которые я проводил в Большом зале, когда приезжали менестрели или кукольники. Очень редко мне удавалось удрать на вечер в город, но тогда я не высыпался, и на следующий день приходилось расплачиваться. В послеобеденное время со мною всегда занимался какой-нибудь учитель или инструктор. Я понял, что это мои летние занятия и что зимой меня ждет учение, связанное с перьями и буквами. Я был занят более, чем когда-либо за свою короткую жизнь. Но, несмотря на такое плотное расписание, по большей части я был один.

Одиночество.

Оно овладевало мной каждую ночь, когда я тщетно пытался найти маленький уютный уголок в моей большой кровати. Когда я спал над конюшнями у Баррича, мои ночи были сумбурными, сны наполнены вереском, теплом и усталым удовлетворением хорошо поработавших животных, которые

спали внизу. Лошади и собаки видят сны – это знает всякий, кто хоть раз в жизни наблюдал за собакой, дергающейся и взлаивающей в пригрезившейся погоне. Их сны были похожи на легкий аромат свежеиспеченного хлеба. Но теперь, когда я был заперт в каменной комнате, у меня наконец нашлось время для всех этих болезненных снов, которые время от времени посещают каждого человека. У меня не было никакого теплого бока, к которому я мог бы прижаться, не было чувства, что брат или другой родич стоит в соседнем стойле. Я лежал без сна и раздумывал о моем отце и моей матери и о том, как оба они с легкостью вычеркнули меня из своей жизни. Я слышал разговоры, которыми люди в замке так небрежно перекидывались над моей головой, и по-своему истолковывал их. Я думал о том, что будет со мной, когда я вырасту и старый король Шрюд умрет. Иногда я гадал, вспоминают ли меня Молли Расквашенный Нос и Керри, или они приняли мое внезапное исчезновение так же легко, как неожиданное появление. Но по большей части я мучился одиночеством, потому что во всем огромном дворце не было никого, в ком я чувствовал бы друга. Только животные в конюшне, а Баррич не позволял мне привязаться к кому-либо из них.

Однажды вечером я лег в постель и долго терзался страхами и не мог уснуть, пока не провалился в тяжелый сон. Меня разбудил свет, упавший мне на лицо, как бывало каждое утро, но я проснулся с уверенностью – что-то стряслось. Свет

был желтым и колеблющимся, не похожим на яркое солнце, которое обычно просачивалось в мое окно. Я неохотно повернулся и открыл глаза.

Он стоял в изножье моей кровати, в руках у него был фонарь. Фонарь – это было само по себе странно, но больше, чем свет масляной лампы, меня удивило другое. Станным был человек, который ее держал. Одежда его была цвета некрашенной овечьей шерсти, вымытой только местами и очень давно. Его волосы и борода были примерно того же цвета и столь же неряшливы, что и наряд гостя. Несмотря на цвет его волос, я не смог определить, сколько ему лет. Бывают болезни, которые оставляют шрамы на лице человека, но такие отметины я видел впервые: множество крошечных ярко-розовых и красных следов, похожих на маленькие ожоги, и лиловато-синих даже в желтом свете фонаря. Руки незнакомца, казалось, состояли только из костей и сухожилий, обернутых бумажно-белой кожей. Он смотрел на меня, и даже при свете фонаря глаза его были пронзительно-зелеными. Они напомнили мне глаза вышедшей на охоту кошки: та же смесь радостного задора и жестокости. Я натянул одеяло до самого подбородка.

– Ты проснулся, – сказал незнакомец. – Хорошо. Вставай и следуй за мной.

Он быстро отвернулся от моей постели и пошел к затемненному углу комнаты между очагом и стеной. Я не пошевелился. Он оглянулся на меня и поднял фонарь повыше.

– Поторапливайся, мальчик, – сказал он раздраженно и стукнул по спинке моей кровати палкой, на которую опирался.

Я вылез из постели и вздрогнул, когда мои босые ноги коснулись холодного пола. Я потянулся за одеждой, но незнакомец и не думал меня ждать. Он обернулся еще раз посмотреть, что меня задерживает, и этого пронзительного взгляда было достаточно, чтобы заставить меня бросить одежду и задрожать.

И я пошел за ним молча, в одной ночной рубашке, сам не понимая, почему это делаю. Только потому, что от меня этого потребовали. Я последовал за ним к двери, которой никогда раньше не было в моей комнате, и по узким ступеням винтовой лестницы, освещенной только фонарем в руке незнакомца. Ночной гость заслонял собой свет, и я шел в колеблющейся темноте, ощупывая ногой каждую ступеньку. Они были сделаны из холодного камня, сносившиеся, гладкие и удивительно однообразные. И они уходили вверх, вверх и вверх, пока мне не начало казаться, что мы уже забрались выше любой башни замка. Холодный ветер дул снизу, забираясь под мою рубашку и заставляя меня все больше и больше сжиматься, и не только от холода. Мы шли и шли, и наконец незнакомец открыл тяжелую дверь, которая тем не менее двигалась бесшумно и легко. Мы вошли в комнату.

Ее освещал теплый свет нескольких фонарей, подвешенных на тонких длинных цепях к тонувшему во мраке потоло-

ку. Комната была большая, по крайней мере в три раза больше моей собственной. Одно место в ней привлекло мое внимание. Там стояла массивная деревянная кровать, заваленная пуховыми перинами и подушками. На полу лежали ковры, постеленные один на другой, всех оттенков алого, ярко-зеленого и синего. Кроме того, там был стол из дерева цвета дикого меда, а на нем стояла ваза с фруктами такими спелыми, что я ощущал их аромат. Книги и пергаментные свитки были небрежно разбросаны по комнате, как будто ее хозяин совершенно не дорожил ими. Все три стены были задрапированы гобеленами, изображавшими открытую холмистую местность с лесистыми подножиями гор на заднем плане. Я двинулся к ним.

– Сюда, – сказал мой спутник и твердо повел меня в другой конец комнаты.

Здесь глазам моим предстало совершенно иное зрелище. Главенствующее положение занимала каменная плита стола, вся в пятнах краски и сажи. На ней лежали странные инструменты и принадлежности: весы, ступка, пестик и множество других вещей, названий которых я не знал. Слой пыли покрывал многие из них, как будто то, для чего они предназначались, было заброшено много месяцев, а может быть, даже и лет назад.

Рядом со столом на стене висела полка, заваленная пергаментами, многие из которых были окаймлены синим или золотым кантом. В комнате стоял одновременно резкий и при-

ятный запах: на другой полке сушились пучки трав. Я услышал шелест и успел заметить какое-то движение в дальнем углу, но незнакомец не дал мне времени толком оглядеться. Камин, который должен был бы согревать этот конец комнаты, зиял холодной пустотой. Старые угли в нем казались сырыми – похоже, камин давно не топили. Я наконец перестал осматривать комнату и взглянул на спутника. Страх на моем лице, по-видимому, удивил его. Он отвернулся и медленно оглядел комнату. Потом подумал немного, и я почувствовал исходящее от него смущенное раздражение.

– Беспорядок. Больше чем беспорядок, я полагаю. Ну что ж, верно, ведь прошло много времени. Даже больше, чем просто «много». Ладно, вскоре мы все уберем. Но сперва следует познакомиться. Я думаю, что немного холодновато стоять тут в одной ночной рубашке. Сюда, мальчик.

Я двинулся за ним в уютную часть комнаты. Он сел в старое деревянное кресло, покрытое одеялом. Мои босые ноги благодарно зарылись в дремотное тепло шерстяного ковра. Я стоял перед ним в ожидании, а его зеленые глаза, казалось, сверлили меня насквозь. Несколько минут продолжалось молчание, потом он заговорил:

– Сперва позволь мне представить тебя тебе самому. Твоя родословная написана на тебе. Шрюд решил признать ее, потому что никакие отрицания никого бы не убедили. – Он немного помолчал, потом улыбнулся, как будто что-то позабавило его. – Позор, что Гален отказывается учить тебя Си-

ле. Но уже много лет назад изучение Силы было ограничено из страха, что она станет слишком распространенным оружием. Готов держать пари, что возьмись старый Гален тебя учить, то быстро обнаружил бы хорошие способности. Но у нас нет времени горевать о том, чего не будет.

Он задумчиво вздохнул и некоторое время молчал, потом внезапно продолжил:

– Баррич показал тебе, как следует работать и подчиняться. Две вещи, в которых сам он преуспел. Ты не особенно сильный, быстрый или смысленный – не тешься иллюзиями. Но в тебе есть упорство, достаточное, чтобы взять измором любого более сильного, более быстрого или более сообразительного, чем ты. Это свойство опасно скорее для тебя, чем для кого бы то ни было. Но сейчас не это самое главное. Ты теперь человек короля. И ты должен понять, сейчас, немедленно, что именно это и есть самое важное в твоей жизни. Король кормит тебя, он одевает тебя, он следит, чтобы ты получил образование. И все, чего он сегодня просит взамен, – это твоя преданность. Позже он будет просить тебя служить ему. Таковы условия, при которых я буду учить тебя: ты человек короля и безраздельно предан ему. Но если ты не таков, будет слишком опасно учить тебя моему искусству. – Он замолчал, и долгое время мы просто смотрели друг на друга. – Ты согласен? – спросил он, и это был не просто вопрос, а предложение заключить договор.

– Да, – ответил я и добавил, поскольку он ждал: – Даю вам

слово.

– Хорошо. – Он сказал это очень сердечно. – Итак, перейдем к другому. Ты видел меня раньше?

– Нет.

Я внезапно понял, как это странно, потому что, хотя в замке часто бывали гости, этот человек, по-видимому, был его обитателем долгое-долгое время, а почти всех, кто жил здесь, я знал если не по имени, то хотя бы в лицо.

– Ты знаешь, кто я, мальчик? Или почему ты здесь?

Я поспешно помотал головой в ответ на оба вопроса.

– Вот и никто другой не знает. Так что позаботься о том, чтобы так оно и осталось. Пусть это будет тебе совершенно ясно: ты никому не должен говорить ни о том, что мы здесь делаем, ни о том, чему ты учишься. Это понятно?

Мой кивок, по-видимому, удовлетворил его, потому что он, казалось, расслабился. Он положил костлявые руки на колени.

– Хорошо. Хорошо, ты можешь называть меня Чейд. А как я должен называть тебя? – Он замолчал, но, не дождавшись от меня никакого ответа, сказал: – Мальчик. Это не наши имена, но они подойдут на то время, пока мы вместе. Итак. Я Чейд, и я еще один учитель, которого Шрюд нашел для тебя. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить о моем существовании, и еще время, чтобы собраться с духом попросить меня. А мне потребовалось даже больше, чтобы согласиться взяться за твое обучение. Но теперь все

решено. Что же касается того, чему я буду учить тебя...

Чейд встал и подошел к огню. Он посмотрел в очаг, потом наклонился, чтобы взять кочергу, и поворошил угли.

– Это умение убивать людей. Тонкое искусство дипломатического убийства. Или ослеплять их, или лишать слуха, или вызывать слабость в членах, или паралич, или изнурительный кашель, или импотенцию. Или раннюю дряхлость, или безумие, или... ну, впрочем, это не имеет значения. Все это было моей работой. А теперь будет твоей, если ты согласишься. Только с самого начала знай, что я собираюсь учить тебя убивать людей. Для твоего короля. Убивать не открыто, как учит тебя Ходд, не на поле боя, на глазах у товарищей, ощущая за спиной их поддержку, нет. Я буду учить тебя отвратительному, тайному, изысканному способу убивать людей. Тебе это или понравится, или нет. Прививать любовь к этому не входит в мои обязанности. Но я удостоверюсь, что ты научился этому. И я прослежу еще за одной вещью, потому что таково было условие, которое я поставил королю Шрюду. Что ты будешь знать, чему ты учишься, – я в твоём возрасте этого не знал. Итак. Я должен научить тебя быть убийцей. Это тебя устраивает, мальчик?

Я снова кивнул, на сей раз неуверенно – просто не видел выбора. Чейд пристально посмотрел на меня.

– Ты ведь умеешь говорить, верно? Может быть, ты не только бастард, но еще и немой?

Я сглотнул:

– Нет, сир. Я могу говорить.

– Что ж, тогда говори. Не обходишь кивками. Скажи мне, что ты обо всем этом думаешь. О том, кто я такой, и о том, что я только что предложил тебе.

Хотя мне и велели говорить, я стоял молча. Я смотрел на испещренное шрамами лицо, бумажную кожу рук и ощущал на себе пристальный взгляд его сияющих зеленых глаз. Я пытался сказать что-нибудь, но слова не шли с языка. Слова Чейда располагали к разговору, но его вид все еще пугал меня.

– Мальчик, – сказал он, и мягкость в его голосе заставила меня посмотреть ему в глаза, – я могу учить тебя, даже если ты возненавидишь меня или будешь презирать эти уроки. Я могу учить тебя, если тебе быстро все надоедает или если ты ленив или глуп. Но я не смогу учить тебя, если ты будешь бояться разговаривать со мной. По крайней мере так, как я хотел бы учить тебя. Я не смогу учить тебя, если ты решишь, что этого тебе лучше не знать. Но ты должен сказать мне, что думаешь. Ты научился так хорошо оберегать свои мысли, что почти боишься сам узнать их. Но попытайся произнести их вслух – сейчас, мне. Ты не будешь наказан.

– Мне это не очень нравится, – внезапно выпалил я, – убивать людей.

– А-а...

Он ненадолго умолк, потом заговорил снова:

– Мне тоже не нравилось, когда я пришел к этому. И по-

прежнему не нравится. — Он глубоко вздохнул. — Когда настанет время, тебе придется каждый раз решать заново. Первый раз будет самым трудным. Но сейчас знай, что решение тебе придется принимать не скоро, через много лет, а до этого надо многому научиться. — Он помолчал. — Вот так, мальчик. И ты должен помнить об этом всегда, не только сейчас. Учиться никогда не плохо, даже учиться убивать. Не плохо и не хорошо. Убийство — просто предмет для изучения, наука, которую я могу преподать тебе. Вот и все. А теперь, как ты думаешь, ты можешь научиться делать это, а позже решить, хочешь ли этим заниматься?

Задать такой вопрос мальчишке! Даже тогда что-то во мне ошетинилось и недоверчиво принялось к предложению, но я был только ребенком и не мог придумать, что возразить. А любопытство терзало меня.

— Я могу учиться этому.

— Хорошо. — Чейд улыбнулся, но лицо его было усталым, и он не казался таким уж довольным. — Тогда хорошо. Может быть, это неплохо. Неплохо. — Он оглядел комнату. — Мы можем начать прямо сегодня. Давай начнем с уборки. Где-то там есть метла. О, но сперва смени ночную рубашку на что-нибудь... да, вон там лежит старый разодранный халат. Пока сойдет. Нельзя, чтобы прачки удивлялись, почему это твои ночные рубашки пахнут камфарой и болеутолителем, правда? Теперь подмети немного пол, а я пока уберу кое-что.

И так прошли следующие несколько часов. Я подмел, по-

том вымыл каменный пол. Чейд руководил мной, когда я убирал его личные принадлежности с огромного стола. Я перевернул травы на сушильной полке, я накормил трех ящериц, которых он поймал в углу, нарубив старое липкое мясо на кусочки, которые ящерицы проглотили целиком, я вычистил несколько горшков и мисок и убрал их. А Чейд работал рядом со мной, видимо благодарный за компанию, и болтал, как будто мы оба были стариками – или маленькими мальчиками.

– Никакой азбуки до сих пор? Никакой арифметики? Баграш! О чем думает старик? Что ж, я прослежу, чтобы это упущение вскорости было исправлено. У тебя лоб твоего отца, мальчик, и ты так же, как отец, его хмуришь. Кто-нибудь говорил тебе об этом раньше? А, вот ты где, Проныра, ах ты негодник! Что ты там успел натворить?

Коричневая ласка появилась из-за гобелена, и мы были представлены друг другу. Чейд позволил мне накормить ласку перепелиными яйцами из миски на столе и смеялся, глядя, как зверек бежит за мной и выпрашивает еще. Он отдал мне медный браслет, который я нашел под столом, предупредив, что от него мое запястье может позеленеть, и предостерег, что, если кто-нибудь спросит, откуда он у меня, я должен сказать, что, нашел его за конюшнями. Через некоторое время мы сделали передышку для медовых лепешек и горячего вина со специями и сидели вместе за низким столом на каких-то тряпках перед огнем, и я смотрел, как отсветы

пламени пляшут по покрытому шрамами лицу моего нового учителя, и недоумевал, почему оно казалось мне таким пугающим. Он заметил, что я смотрю на него, и улыбнулся:

– Кажется тебе знакомым, да, мальчик? Мое лицо, я имею в виду.

Не казалось. Я видел лишь шрамы и бледную кожу. Я не имел ни малейшего представления, о чем он говорит, и вопросительно взглянул на Чейда, пытаясь что-нибудь понять.

– Не думай об этом, мальчик. Это оставляет следы на всех нас, рано или поздно достанется и тебе. А теперь, что ж... – он встал, потягиваясь, так что его одеяние поднялось, обнажив его костлявые бледные лодыжки, – теперь уже совсем поздно – или рано, в зависимости от того, какая часть суток тебе больше нравится. Пришло время тебе отправляться обратно в постель. Ты запомнишь, что все это страшная тайна, да? Не только я и эта комната, но и то, что ты встаешь ночью, и уроки убийства, и все вместе?

– Запомню, – сказал я ему и, почувствовав, что это будет что-то для него значить, добавил: – Даю вам слово.

Чейд усмехнулся, а потом кивнул почти грустно. Я снова переоделся в ночную рубашку, и он провел меня вниз по ступеням. Он держал фонарь у моей постели, пока я забирался в нее, и потом поправил на мне одеяло, чего никто никогда не делал с тех пор, как я покинул Баррича. Думаю, я заснул даже раньше, чем Чейд отошел от моей постели.

На следующее утро я спал так долго, что разбудить ме-

ня послали Бранта. Я проснулся совершенно разбитым, в голове у меня болезненно стучало. Но как только посыльный ушел, я соскочил с постели и бросился в угол комнаты. Руки мои встретились с холодным камнем, когда я принялся толкать стену, и ни одна щель в каменной кладке не была похожа на потайную дверь, которая, как я считал, должна была здесь находиться. Ни на мгновение я не подумал, что Чейд был только сном, но, даже если бы и подумал, простой медный браслет на моем запястье легко доказал бы мне, что это не так.

Я поспешно оделся и прошел через кухню, чтобы перехватить кусочек хлеба и сыра, которые все еще жевал, когда добрался до конюшен. Баррич был рассержен моим опозданием и ко всему придирался, пока я ездил верхом и работал в стойле. Я отлично помню, как он выговаривал мне:

– Не думай, будто только потому, что у тебя комната в замке и герб на камзоле, ты можешь превращаться в лодыря-лежебоку, который допоздна храпит в постели и поднимается только для того, чтобы взбить волосы. Со мной этот номер не пройдет. Может, ты и бастард, но ты бастард Чивэла, и я сделаю из тебя человека, которым он сможет гордиться.

Я остановился, все еще сжимая в руках щетки.

– Ты имел в виду Регала, да?

Мой невольный вопрос ошеломил его.

– Что?

– Когда ты говорил о лодырях, которые лежат в постели

все утро и ничего не делают, кроме того что без конца возятся со своими волосами и одеждой, – ты же говорил про Регала.

Баррич раскрыл было рот, потом захлопнул его. Его обветренные щеки стали еще краснее.

– Ни ты, ни я, – пробормотал он наконец, – не в том положении, чтобы обсуждать недостатки принцев. Я говорил только о главном правиле: долгий сон не делает чести мужчине, а уж тем более мальчику.

– А принцу – и подавно, – сказал я и замолчал, удивляясь, откуда пришла эта мысль.

– А принцу – и подавно, – мрачно согласился Баррич.

Он был занят в соседнем стойле, осматривая поврежденную ногу мерина. Животное вело себя беспокойно, и я слышал, как Баррич кряхтит, пытаясь удержать его.

– Твой отец никогда не спал полдня из-за того, что пьянствовал всю предыдущую ночь. Конечно, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь умел пить так, как он, но тут еще была и дисциплина. И ему не требовалось, чтобы кто-то стоял рядом и будил его. Он сам вылезал из постели и того же ожидал от людей. Это не всегда прибавляло ему популярности, но солдаты уважали его. Люди любят, чтобы их вождь сам делал то, чего ждет от них. И вот что еще я тебе скажу: твой отец ни гроша не истратил на павлиньи наряды. Еще совсем молодым человеком, до того как обвенчаться с леди Пейшенс, он был как-то вечером на обеде в одном из малых замков.

Меня посадили недалеко от него – большая честь для меня была, – и я услышал кое-что из его беседы с дочерью хозяев, которую они предусмотрительно посадили рядом с будущим королем. Она спросила, что он думает об изумрудах, которые были на ней, и он сделал ей комплимент по этому поводу. «Я не знала, сир, нравятся ли вам драгоценности, потому что на вас ничего нет сегодня», – сказала она кокетливо. И он совершенно серьезно ответил, что его драгоценности сверкают так же ярко, как ее. «Ой, где же вы их держите, я бы так хотела посмотреть на них». Что ж, ответил Чивэл, он будет рад показать их ей позже вечером, когда станет темнее. Я увидел, как она вспыхнула, ожидая, что он назначит ей какое-нибудь свидание. И он в самом деле пригласил ее пройти с ним на стены замка, но взял с собой еще и половину остальных гостей. И он показал ей огни прибрежных сторожевых башен, которые ярко сверкали в темноте, и сказал, что считает их самыми лучшими драгоценностями и что он истратил деньги, которые получил в качестве налогов от ее отца, чтобы они горели так ярко. И потом он показал гостям мигающие огни сторожевых башен собственных часовых этого лорда и сказал им, что, когда они смотрят на своего герцога, они должны видеть это пламя, как драгоценности в его короне. Это был большой комплимент герцогу и герцогине, и гости его оценили. В то лето у островитян было всего несколько успешных набегов. Вот так управлял Чивэл. Личным примером и благородной речью. Так должен посту-

пать каждый настоящий принц.

– Я не настоящий принц. Я бастард.

Это слово будто имело какой-то странный привкус, потому что я очень часто его слышал и почти никогда не производил сам.

Баррич тихо вздохнул:

– Будь самим собой, мальчик, и не обращай внимания на то, что другие о тебе думают.

– Иногда я устаю, когда делаю что-нибудь трудное.

– И я тоже.

Я молча обдумывал это некоторое время, пока чистил Уголька. Баррич, все еще сидевший на корточках перед меринком, внезапно заговорил:

– Я не спрашиваю с тебя больше, чем с себя. Ты знаешь, что это правда.

– Знаю, – ответил я, удивленный, что он продолжает эту тему.

– Я просто хочу сделать для тебя все, что могу.

Это была совершенно новая для меня мысль. Немного подумав, я спросил:

– Потому что, если бы ты мог заставить Чивэла гордиться тем, что ты из меня сделал, он бы вернулся?

Ритмические движения рук Баррича, втирающих мазь в ногу мерина, внезапно замедлились, потом прекратились. Он продолжал сидеть на корточках около лошади и тихо заговорил через стенку стойла:

– Нет, я так не думаю. Я не думаю, будто что-нибудь может заставить его вернуться. Даже если бы он вернулся, – тут Баррич заговорил еще тише и медленнее, – даже если бы вернулся, он все равно уже не тот, что раньше.

– Это все я виноват, что он уехал, да?

Слова ткачихи всплыли в моей памяти: «Если бы не мальчик, Чивэл и посейчас оставался бы наследником трона».

Баррич долго молчал.

– Я не думаю, что в этом есть чья-то вина. Кто родился... – Он вздохнул и продолжал, казалось, с неохотой: – И конечно же, младенец не виноват в том, что родился вне брака. Нет. Чивэл сам обрек себя на падение, хотя мне и трудно об этом говорить.

Я услышал, как он снова принялся обрабатывать ногу мерины.

– И тебя тоже, – я сказал это в плечо Угольку и даже вообразить не мог, что Баррич услышит.

Но через пару мгновений он пробормотал:

– Я неплохо справляюсь сам, Фитц. Я неплохо справляюсь.

Он закончил с мерином и зашел в стойло Уголька.

– Ты сегодня чешешь языком похуже базарной сплетницы, Фитц. Что с тобой случилось?

Теперь была моя очередь замолчать и задуматься. Это как-то связано с Чейдом, решил я. Кто-то захотел, чтобы я понял, чему учусь, и выслушал мое мнение. Это развяза-

ло мне язык, и я смог задать вопросы, мучившие меня уже очень давно. Но поскольку мне не хватало слов, чтобы высказать это, я пожал плечами и честно ответил:

– Это просто то, что мне уже давно хотелось узнать.

Баррич заворчал, приняв к сведению мой ответ.

– Что ж, это хорошо, что ты спрашиваешь, хотя я не могу тебе обещать, что всегда смогу ответить. Приятно слышать, когда ты говоришь как человек. Теперь можно меньше беспокоиться, не уйдешь ли ты к зверям.

С этими словами он сердито глянул на меня и заковылял прочь. Я смотрел, как Баррич идет, и вспомнил первую встречу с ним и как одного его взгляда было достаточно, чтобы уговорить полную комнату грубиянов. Он стал другим. И не только хромота изменила его манеру держаться, но и то, как люди смотрели на него. Он все еще был господином конюшен, и это никто не подвергал сомнению. Но он больше не был правой рукой будущего короля. Если не считать надзора за мной, Баррич и вовсе не был больше человеком Чивэла. Неудивительно, что он не мог смотреть на меня без негодования. Ведь я был бастардом, который стал причиной его падения. Впервые, с тех пор как я узнал его, мое настоящее отношение к нему приобрело оттенок жалости.

Глава 5

Преданность

В некоторых королевствах и странах есть обычай, согласно которому дети мужского пола обладают преимуществом в вопросах наследования. В Шести Герцогствах такого не было никогда. Титулы наследовались исключительно по порядку рождения.

Тот, кто наследует титул, должен рассматривать его как должность управляющего. Если лорд или леди оказывались настолько глупы, что вырубали слишком много леса сразу, или запускали виноградники, или не заботились о том, чтобы улучшить породу животных в стадах, народ герцогства мог просить королевского правосудия. Такое бывало, и любой представитель знати понимает, что это может случиться и впредь. Благосостояние людей зависит от герцога, и народ имеет право протестовать, если герцог плохо им управляет.

Когда носитель титула вступает в брак, предполагается, что он должен помнить о своей ответственности. Избраннику или избраннице правителя также следует понимать, что, заключая союз, он или она берет на себя обязанности управляющего. По этой причине супруг, носящий более низкий титул, должен при вступлении в брак передать его наследнику. Закон позволяет управлять

только одним владением, что порой служило причиной раздоров. Король Шрюд женился на леди Дизайер, которая была бы герцогиней Фарроу, если бы не приняла его предложение и не решила стать королевой. Говорят, она начала сожалеть о своем решении и убедила себя, что если бы она оставалась герцогиней, то обладала бы гораздо большей властью. Она вышла замуж за Шрюда, прекрасно зная, что она его вторая жена и что первая уже родила ему двоих наследников. Она никогда не скрывала пренебрежения к двум старшим принцам и часто утверждала, что, поскольку она более знатного рода, чем первая жена короля, ее сын Регал Царственный более достоин трона, чем два его единокровных брата. Именно для того, чтобы подчеркнуть это, она нарекла сына таким именем. К несчастью для королевы, большинство восприняло эту уловку как проявление дурного вкуса. Некоторые насмешливо обращались к ней как к «королеве Внутренних герцогств», поскольку, будучи пьяна, она утверждала, что у нее достаточно политического влияния, чтобы объединить Фарроу и Тилт в новое королевство, которое по ее наказу отринет власть короля Шрюда. Но окружающие не обращали на нее внимания из-за пристрастия королевы к алкоголю и дурманящим травам. Очевидно, что прежде, чем пагубные привычки свели ее в могилу, королева успела употребить свое влияние, чтобы углубить раскол между Внутренними и Прибрежными герцогствами.

Я стал с нетерпением ожидать ночных встреч с Чейдом. Никакого расписания у него не было, было совершенно невозможно предсказать, когда снова придет пора подниматься в башню. Иногда между встречами могла пройти неделя или даже две, а порой наставник вызывал меня каждую ночь всю неделю кряду, я не высыпался и дни напролет клевал носом. Бывало, что он вызывал меня, как только замок отходил ко сну. А иногда – наоборот, в самые ранние утренние часы. Для растущего мальчика было нелегко выдерживать такое напряженное расписание, тем не менее мне и в голову не приходило упрекнуть Чейда или отказаться от одной из наших встреч. Похоже, он не представлял, насколько ночные занятия трудны для меня, так как сам был ночным человеком. Это время суток, очевидно, казалось ему наиболее естественным, чтобы учить меня. И ночные часы как нельзя лучше подходили к тому, что я узнавал на его уроках.

Наши занятия отличались удивительным разнообразием. Один вечер я мог провести, прилежно изучая иллюстрации огромного травника, причем мне было велено на следующий день собрать шесть образцов, соответствующих этим иллюстрациям. Наставник ни словом не намекнул, где я должен искать эти травы: в кухонном саду или в самых темных уголках леса. Но мне удалось отыскать их, а во время поисков я оттачивал наблюдательность.

А порой мы с Чейдом играли в игры. Например, он мог

дать мне задание подойти утром к Саре, поварихе, и спросить ее, какой в этом году бекон, более постный, чем в прошлом, или нет. А вечером надо было передать весь разговор Чейду настолько точно, насколько я мог, да в придачу ответить на дюжину вопросов о том, как стояла повариха, и не левша ли она, и не казалась ли она глуховатой, и что делала в это время. Мои застенчивость и сдержанность никогда не принимались как уважительная причина, оправдывающая неудачу при выполнении такого задания, и таким образом мне пришлось познакомиться со многими замковыми слугами. И хотя я задавал вопросы лишь по наущению Чейда, все, с кем я говорил, радовались моему интересу и с готовностью мне отвечали. Так, совершенно ненамеренно, я начал завоевывать репутацию шустрого мальчика и хорошего парня. Годы спустя я понял, что этот урок был не просто упражнением для памяти, но еще и наставлением, как быстро подружиться с простыми людьми и узнать, что у них на уме. Много раз с тех пор дружелюбная улыбка, комплимент по поводу того, как хорошо вычищена моя лошадь, и брошенный невзначай вопрос конюшенному мальчику позволяли мне получить сведения, которые он не выдал бы за все деньги королевства.

Другие игры развивали мое самообладание, равно как и наблюдательность. В один прекрасный день Чейд показал мне моток пряжи и сказал, что, не спрашивая мастерицу Хести, я должен точно выяснить, где она держит запас такой пряжи и какие травы она использовала для окраски ее. Тре-

мя днями позже мне было велено стащить ее лучшие ножицы, спрятать их за определенной полкой в винном погребе на три часа, а потом вернуть на место, оставшись никем не замеченным. Такие упражнения будили во мне естественную мальчишескую любовь к озорству, и я редко терпел неудачу. Если же это случалось, я сам должен был искать выход. Чейд предупредил, что не будет защищать меня ни от чьего гнева, и посоветовал иметь наготове достойный предлог, чтобы объяснить, почему я нахожусь там, где не должен был находиться, или беру то, что мне не принадлежит.

Я очень хорошо научился лгать. Думаю, подобные навыки наставник прививал мне не случайно. Эти умения были азами науки убийства. И еще – ловкость рук и умение подкрадываться. Как ударить человека, чтобы он умер, не закричав. Как заколоть жертву, чтобы было как можно меньше крови. Я учился всему этому быстро и хорошо, расцветая, когда Чейд признавал ловкость моего ума. Вскоре он начал давать мне небольшие поручения в замке. Он никогда не говорил мне до выполнения задания, было это очередное испытание моей сообразительности или настоящая работа, которая была нужна ему. Меня это и не интересовало. Я исполнял все в безоглядной преданности Чейду и всем его приказаниям. Весной он обработал винные чаши делегации торговцев Удачного так, что посланцы опьянели куда сильнее, чем им хотелось. Позже, в тот же месяц, я стащил у заезжего кукольника одну из кукол и спрятал ее, так что ему пришлось

представить «Две разбитые чашки» – легкомысленную коротенькую народную пьеску – вместо длинной исторической драмы, которую он планировал на вечер. На празднике Середины Лета я добавил некой травки в послеполуденную чашку чая одной служанки, и у нее и трех ее приятельниц сделалось расстройство желудка, и они не смогли прислуживать за столом. Осенью я обвязал ниткой копыто лошади гостившего в замке лорда, чтобы она захромала и лорд задержался в Баккипе на два дня дольше, чем собирался. Я никогда не узнал, почему Чейд давал мне все эти задания. Тогда я думал больше о том, как выполнить поручение, а не зачем это нужно. И, как я думаю теперь, эту науку наставник тоже преподавал мне намеренно: подчиняться, не спрашивая.

Было одно поручение, которое совершенно меня восхитило. Даже в то время я понял, что это распоряжение не было обычной прихотью Чейда. Он вызвал меня перед самым рассветом.

– Лорд Джессуп и его леди гостят у нас последние две недели. Ты знаешь их в лицо: у него очень длинные усы, а она все время носит со своими волосами, даже за столом. Вспомнил их?

Я сосредоточенно нахмурился. Множество лордов и леди собралось в Оленьем замке, чтобы держать совет и обсудить участвовавшие набеги пиратов с Внешних островов. Я сделал вывод, что Прибрежные герцогства хотели увеличить число военных кораблей, но Внутренние герцогства не соглаша-

лись давать средства от налогов на то, что они считали чисто прибрежной проблемой. Лорд Джессуп и леди Далия жили далеко от побережья. Джессуп отличался редкостно бурным темпераментом, равно как и его усы, которые постоянно возмущенно топорщились. Леди Далия, с другой стороны, казалось, совершенно не интересовалась этим советом, а проводила большую часть времени, обследуя замок.

– Она постоянно втыкает цветы в волосы, а они все время вываливаются? – спросил я.

– Она самая, – ответил Чейд выразительно. – Хорошо. Ты знаешь ее. Теперь вот твоя задача, и у меня нет времени, чтобы вместе с тобой планировать, как с ней справиться. Сегодня в какой-то момент леди Далия отправит посыльного в комнату принца Регала. Паж отнесет туда некую мелочь: записку, цветок, какой-нибудь предмет. Ты уберешь принесенное из комнаты Регала, прежде чем он это увидит.

Я кивнул и открыл рот, чтобы что-то сказать, но Чейд внезапно встал и почти выгнал меня из комнаты.

– Нет времени, уже светает! – заявил он.

Я ухитрился спрятаться в комнате Регала и дожждаться там посыльного – это оказалась девушка. По тому, как она прощмыгнула в покои принца, я уверился, что это не первое ее поручение. Она положила крошечный свиток и цветочный бутон на подушку Регала и выскользнула из комнаты. В мгновение ока и то и другое оказалось в моем камзоле, а позже под моей подушкой. Думаю, что самой трудной частью

задачи было удержаться и не открыть свиток. Поздно ночью я отдал Чейду свиток и цветок.

В течение следующих нескольких дней я ждал, уверенный, что последует какая-то бурная реакция, и надеясь увидеть Регала совершенно расстроенным. К моему удивлению, ничего не произошло. Регал оставался самим собой, если не считать того, что вел себя даже более резко, чем обычно, и, казалось, флиртовал даже более нагло с каждой дамой. Леди Далия внезапно заинтересовалась проведением Совета и огорошила мужа, горячо поддержав введение налогов в пользу строительства военных кораблей. Королева выразила недовольство этой переменой, отстранив леди Далию от дегустации вина в королевских покоях. Все это заинтриговало меня, но когда я наконец спросил об этом у Чейда, он упрекнул меня:

– Помни, ты человек короля. Ты получаешь задание и исполняешь его. И должен быть доволен уже тем, что ты справился с поручением: это все, что тебе следует знать. Только Шрюд может планировать и строить свою игру. Ты и я, мы, возможно, просто пешки, но лучшие из тех, что есть у него в распоряжении. Будь в этом уверен.

Но вскоре Чейд обнаружил границы моего подчинения. Чтобы заставить лошадь захромать, он предложил мне повредить копыта животного. Я с ходу отмел этот путь и с величайшей убедительностью человека, выросшего среди лошадей, сообщил ему, что есть много способов заставить ло-

шадь хромать, не причинив ей вреда, и что он должен доверить мне выбрать один из таких способов. До сегодняшнего дня я не знаю, как Чейд отнесся к моему отказу. Он тогда не сказал ничего, не одобрил мои действия, но и не отругал меня. Это был один из многих случаев, когда он оставил свое мнение при себе.

Примерно раз в три месяца король Шрюд вызывал меня в свои покои. Обычно приглашение мне передавали рано утром. Я стоял перед ним, часто в то время, когда он принимал ванну, или тогда, когда его волосы укладывали в перевитую золотой проволокой косу, которую мог носить только король, или пока камердинер раскладывал королевские одеяния. Ритуал всегда был один и тот же. Шрюд внимательно оглядывал меня, оценивая, насколько я вырос и хорошо ли ухожен, как будто смотрел на лошадь, которую собирается покупать. Обычно он задавал несколько вопросов о моих успехах в верховой езде и владении мечом и серьезно выслушивал мои краткие ответы. А потом он спрашивал почти официальным тоном:

– Ну как, я соблюдаю наш договор?

– Да, сир, – отвечал я.

– Тогда смотри тоже не отступай от него, – каждый раз говорил король, после чего мне разрешали удалиться.

И какой бы слуга ни прислуживал ему или ни открывал мне дверь, никто из них, казалось, не замечал ни меня, ни слов короля, ко мне обращенных. Год подошел к концу, и

приблизительно в это время я получил самое трудное задание.

Чейд вызвал меня к себе почти сразу после того, как я задул свечу, собираясь уснуть. Мы ели конфеты и пили вино со специями, сидя перед очагом в его комнате. Наставник хвалил меня за выполнение последнего поручения, в котором от меня требовалось вывернуть наизнанку все до единой рубашки, сушившиеся на веревке у прачечной, но так, чтобы меня никто не заметил. Это была трудная работа. Самая сложная часть ее заключалась в том, чтобы удержаться от громкого смеха и не выдать своего убежища в бочке из-под краски, в то время как два самых молодых парня из прачечной приписывали мою проделку водяным духам и отказывались стирать в этот день. Чейд, как обычно, знал всю историю еще до того, как я ему доложил. Он доставил мне большое удовольствие, рассказав, что мастер Лю из прачечной решил, что надо повесить в каждом углу двора травку синджона и обвить гирляндой из нее каждый колодец, чтобы духи не испортили завтрашнюю работу.

– У тебя дар к этому, мальчик, – посмеивался Чейд, взъерошивая мои волосы. – Я начинаю подозревать, что не в состоянии придумать задание, которое бы ты не смог выполнить.

Он сидел в кресле с прямой спинкой перед камином, а я устроился на полу около него, прислонившись к его ноге. Он поглаживал меня так, как Баррич мог бы поглаживать моло-

дую легавую собаку, которая хорошо себя вела. Потом Чейд наклонился и тихо сказал:

– Но у меня есть для тебя дело.

– Какое? – спросил я нетерпеливо.

– Но это будет трудно даже для того, у кого такая легкая рука, как у тебя, – предупредил он.

– Испытай меня! – бросил я ответный вызов.

– О, может быть, через месяц или два, когда ты еще немного подучишься. А пока я хочу тебя обучить одной игре. Она отточит твой глаз и твою память. – Он сунул руку в мешочек и вынул пригоршню чего-то, потом быстро раскрыл передо мной ладонь. Там оказались цветные камешки. Чейд тут же снова сжал кулак. – Были там желтые?

– Да, Чейд. А какое дело?

– Сколько?

– Два, по-моему. Чейд, бьюсь об заклад, я справлюсь с этим уже сейчас.

– А могло там быть больше двух?

– Может быть, если они были полностью скрыты под верхним слоем. Не думаю, что это вероятно. Чейд, что за дело?

Он раскрыл костлявую руку и размешал камни длинным указательным пальцем.

– Ты был прав. Только два желтых. Повторим?

– Чейд, я справлюсь.

– Ты так думаешь, да? Смотри еще раз. Вот камни. Раз, два, три. Все, больше нет. Были там красные?

– Да, Чейд. А что за задание?

– Там было больше красных, чем синих? Принеси мне кое-что личное с ночного столика короля.

– Что?

– Красных было больше, чем синих?

– Нет, я спрашиваю про работу.

– Неправильно, мальчик, – весело произнес Чейд. Он раскрыл кулак. – Видишь? Три красных и три синих. Совершенно одинаково. Тебе надо учиться запоминать быстрее, если ты хочешь принять мой вызов.

– И семь зеленых. Я знаю это, Чейд. Но... ты хочешь, чтобы я украл у короля? – Я не мог поверить своим ушам.

– Не украсть, а просто позаимствовать. Как ты сделал с ножницами Хести. В такой проделке нет никакого вреда, верно?

– Никакого, не считая того, что меня высекут, если поймают. Или еще похуже.

– А ты боишься, что тебя поймают? Видишь, я же говорил тебе, что лучше подождать месяц-другой, пока ты не станешь более ловким.

– Дело не в наказании. Дело в том, что, если меня поймают... Король и я... Мы заключили договор.

Слова застряли у меня в горле. Я в смущении смотрел на наставника. Обучение у Чейда было частью сделки, которую заключили Шрюд и я. Каждый раз, когда мы встречались, прежде чем начать учить меня, наставник официально на-

поминал мне об этом договоре. Я дал Чейду, так же как и Шрюду, слово, что буду верен королю. Конечно же, он должен понимать, что если я буду действовать против короля, то нарушу свою часть договора.

– Это игра, мальчик, – терпеливо сказал Чейд. – Маленькое озорство, вот и все. На самом деле это совсем не так серьезно, как ты, видимо, думаешь. Единственная причина, по которой я хочу дать тебе такое задание, это то, что за комнатой короля и его вещами очень тщательно наблюдают. Каждый может сбежать с ножницами портнихи. А сейчас мы говорим о настоящем воровстве – войти в личные покои короля и взять то, что принадлежит ему. Если бы ты смог это сделать, я бы поверил, что недаром тратил время, обучая тебя. Я бы почувствовал, что ты ценишь то, чему я тебя учу.

– Ты знаешь, что я ценю твои уроки, – сказал я быстро. Дело было совсем не в этом. Чейд, видимо, совершенно не понимал меня. – Я бы чувствовал, что изменяю королю. Как будто я использую то, чему ты меня научил, чтобы обмануть его. Почти как если бы я смеялся над ним.

– Ах! – Чейд откинулся на спинку кресла, он улыбался. – Пусть это тебя не беспокоит, мальчик. Король Шрюд может оценить хорошую шутку, если ему объяснят ее. Что бы ты ни взял, я сам верну это ему. Это будет для него знак того, как хорошо я учил тебя и как хорошо ты учился. Возьми что-нибудь простое, если это так тебя беспокоит. Это необязательно должна быть корона с его головы или кольцо с паль-

ца. Просто щетка для волос или любой клочок бумаги – сойдут даже перчатка или пояс. Ничего сколько-нибудь ценного. Просто знак.

Я подумал, что надо бы помолчать и поразмыслить, но знал, что не нуждаюсь в этом.

– Я не могу этого сделать. То есть я не буду это делать. Не у короля Шрюда. Назови любого другого, любую другую комнату – и я это сделаю. Помнишь, как я стащил письмо у Регала? Увидишь, я могу пробраться куда угодно, и...

– Мальчик! – Чейд говорил медленно, озадаченно. – Разве ты не доверяешь мне? Говорю тебе, все в порядке. Это просто испытание, о котором мы говорили, а не предательство. И на этот раз, если тебя поймают, я обещаю, что тут же вступлюсь и все объясню. Ты не будешь наказан.

– Не в этом дело, – горячо возразил я. Мне показалось, что Чейд все больше и больше удивляется моему отказу. Я копался в себе, чтобы найти слова и объяснить ему: – Я обещал хранить верность Шрюду, а это...

– Речь не идет о чем-то дурном, – отрезал Чейд.

Я поднял голову и увидел сердитый блеск его глаз. Испугавшись, я отшатнулся. Никогда раньше он не смотрел на меня так свирепо.

– Что ты несешь, мальчик? Что я прошу тебя предать твоего короля? Не будь дураком! Это простая проверка, мой способ испытать тебя и показать Шрюду, чему ты научился. А ты противишься. Да еще пытаешься прикрыть трусость

болтовней о преданности. Мальчик, ты позоришь меня. Я думал, что характер у тебя тверже, иначе никогда бы не согласился учить тебя.

– Чейд!.. – начал я в ужасе.

Его слова выбили у меня почву из-под ног. Он отвернулся, и я почувствовал, что мой маленький мир рушится, а наставник холодно продолжал:

– Лучше возвращайся в постель, маленький мальчик. Подумай хорошенько, как ты оскорбил меня сегодня. Сказать, что я каким-то образом хотел изменить нашему королю! Ползи вниз, ты, маленький трус! В следующий раз, когда я позову тебя... Ха, *если* я позову тебя, приходи, готовый подчиняться мне, или не приходи вовсе. Теперь ступай.

Никогда раньше Чейд так со мной не разговаривал. Даже не повышал голос. Я смотрел, почти не понимая, на тонкую, покрытую мелкими шрамами руку, на длинный палец, который с таким презрением указывал мне на дверь и лестницу. Когда я встал, мне было дурно. Меня шатало, и мне пришлось держаться за кресло, когда я проходил мимо. Но я шел, выполняя его приказ и не в силах найти другой выход. Чейд, ставший главной опорой моего мира, заставивший меня поверить, что я чего-то стою, сейчас отнимал у меня все это. Он лишал меня не только своего одобрения, но и часов, которые я проводил с ним, и чувства, что я все-таки стану чем-то в жизни. Спотыкаясь, я спускался по лестнице. Никогда раньше она не казалась мне такой длинной и такой хо-

лодной. Нижняя дверь со скрипом закрылась за мной, и я остался в полной темноте. Ощупью я нашел дорогу к постели. Одежда не могла меня согреть, и сон бежал от меня этой ночью. Я до утра мучительно ворочался с боку на бок. Хуже всего, что я ни на миг не усомнился в своем решении. Я не мог сделать то, о чем меня просил Чейд. Поэтому я потеряю его. Без его наставлений я не буду представлять для короля никакой ценности. Но страдал я не поэтому. Мне невыносима была мысль, что Чейд уйдет из моей жизни. Теперь я не мог вспомнить, как существовал прежде, когда был так одинок. Вернуться к прежней рутине, влачить жалкое существование день за днем от одного урока к другому – казалось, это невозможно. Я отчаянно пытался придумать, что делать, но ответа не находил. Я мог пойти к самому Шрюду, показать ему мою булавку и рассказать о своих терзаниях. Но что он ответит? Посмотрит ли на меня как на глупого маленького мальчика? Скажет, что мне следовало подчиниться Чейду? Или, еще хуже, скажет, что я был прав, не соглашаясь выполнить поручение Чейда, и рассердится уже на Чейда? Это были слишком трудные для мальчика вопросы, и я не нашел ни одного ответа, который мог бы мне помочь.

Когда наконец наступило утро, я проснулся, выполз из кровати и, как обычно, доложил Барричу. Я занимался своими делами почти в полусне. Сперва он выругал меня за это, потом провел расследование по поводу состояния моего желудка. Я просто сказал ему, что плохо спал, и он отпустил

меня без грозившего мне укрепляющего снадобья. Не лучше обстояли дела и в оружейной. Мое смятенное состояние настолько выбило меня из колеи, что я позволил мальчику, который был гораздо младше меня, обрушить мощный удар на мой череп. Ходд выругала нас обоих за небрежность и велела мне немного посидеть.

Когда я вернулся в замок, в голове у меня стучало, а ноги дрожали. Я пошел в свою комнату, потому что у меня не было сил ни для дневной трапезы, ни для громких разговоров, которые ей сопутствовали. Я лег, намереваясь только на мгновение прикрыть глаза, но погрузился в глубокий сон. Ближе к вечеру я проснулся и подумал о выволочке, которая предстояла мне за пропуск дневных уроков. Но этой мысли было недостаточно, чтобы прогнать дремоту, и я снова заснул. Перед самым ужином меня разбудила служанка, которая пришла поинтересоваться моим самочувствием по просьбе Баррича. Я отослал ее, сказав, что у меня расстройство желудка и я собираюсь поститься, пока мне не станет лучше. После того как она ушла, я задремал, но не спал. Не мог. Темнота сгустилась в моей неосвещенной комнате, и я слышал, как замок вокруг отходит ко сну. В темноте и тишине я лежал, ожидая вызова, на который все равно не посмел бы ответить. Что, если дверь откроется? И я не смогу пойти к Чейду, потому что не смогу подчиниться ему. Что хуже: если он не позовет меня или если он откроет мне дверь, а я не посмею войти? Я терзался всю ночь, и, когда за окошком

посветлело, ответ был найден: Чейд не удосужился позвать меня.

Даже сейчас я не люблю вспоминать следующие несколько дней. Сердце мое разрывалось, и я не мог ни есть, ни спать. Я не мог сосредоточиться ни на какой работе и принимал упреки моих учителей с хмурым безразличием. Голова моя раскалывалась от боли, а в желудке были такие спазмы, что я совершенно не мог есть. Мне становилось дурно при одной мысли о еде. Баррич терпел это два дня, а потом загнал меня в угол и влил мне в горло глоток согревающего и немного средства, очищающего кровь. Эта комбинация заставила мой желудок извергнуть из себя то небольшое, что я съел в тот день. После этого Баррич заставил меня промыть рот сливовым вином, и я по сей день не могу выносить его вкус. Потом он поразил меня до глубины души: отволок вверх по лестнице в свою комнату и грубовато приказал лежать там целый день. Когда наступил вечер, Баррич погнал меня в замок, и под его бдительным присмотром я был вынужден проглотить миску водянистого супа и толстый ломоть хлеба. Он хотел снова взять меня к себе на чердак, но я настоял на том, чтобы вернуться в мою собственную постель. На самом деле мне следовало быть в своей комнате. Я должен был знать, позовет меня Чейд или нет, вне зависимости от того, смогу ли я пойти. Всю следующую бессонную ночь я смотрел в темный угол моей комнаты. Но Чейд меня не позвал.

Небо за окном стало серым. Я перевернулся на другой бок

и остался в постели. Глубина одиночества, навалившегося на меня, была слишком всеобъемлющей, чтобы я мог с ней бороться. Все варианты, которые я тысячи раз перебирал в уме, должны были привести к печальному концу. Я не мог решиться даже на такое ничтожное дело, как вылезти из кровати. Что-то вроде болезненной апатии охватило меня. Любой звук рядом казался слишком громким, и мне было то слишком жарко, то слишком холодно, как я ни возился со своими одеялами. Я закрыл глаза, но даже мои сны были яркими и надоедливymi: спорящие голоса, такие громкие, как будто говорившие стояли у моей постели, и тем более неприятные, поскольку это звучало, как если бы один человек спорил сам с собой и принимал попеременно обе стороны.

«Сломай его, как сломал его предшественника, – бормотал сердито человек из моего сна. – Всё твои дурацкие испытания!» И потом: «Осторожность никогда не помешает. Нельзя обличать доверием кого попало. Кровь скажется. Испытай его силу воли, вот и все». И другой: «Сила воли! Железная воля! Ты хочешь получить безмозглое орудие. Иди и выковывай его сам. Бей – и получишь нужную форму». И тише: «Это мне не нравится. Я больше не позволю себя использовать. Если ты хотел испытать меня, то ты сделал это». Потом: «Не говори мне о крови и семье! Вспомни, кем я тебе прихожусь. Это не о его преданности она печется и не о моей».

Сердитые голоса стихли, слившись в единый гул, потом

начался новый спор, на этот раз более громкий. Я с усилием открыл глаза. Моя комната превратилась в поле недолгой битвы. Я проснулся под звуки жаркого спора Баррича и мастерицы Хести, под чью юрисдикцию я попал. У нее была плетеная корзинка, из которой торчали горлышки бутылок. Запах горчичного пластыря и ромашки был так силен, что меня чуть не вырвало. Баррич стоически преграждал ей путь к моей постели. Руки его были скрещены на груди, и Рыжая сидела у его ног. Слова Хести грохотали у меня в голове, как камнепад.

«В замке». «Эти чистые простыни». «Знаю мальчиков». «Эта вонючая собака». Я не помню, чтобы Баррич сказал хоть слово. Он просто стоял так твердо, что я мог ощущать его с закрытыми глазами.

Позже он исчез, но Рыжая осталась на кровати, и не в ногах, а рядом со мной. Она тяжело дышала, но отказывалась слезть и улечься на прохладном полу. Я снова открыл глаза еще позже, уже ранним вечером. Баррич вытащил мою подушку, немного повзбивал и неуклюже запихнул ее под мою голову холодной стороной кверху. Потом он тяжело опустился на кровать, откашлялся.

– Фитц, с тобой что-то стряслось. Раньше я такой хвори не видел. Во всяком случае, что бы с тобой ни случилось, ни твои потроха, ни твоя кровь тут ни при чем. Будь ты чуть постарше, я бы заподозрил, что у тебя какие-то проблемы с женщинами. Ты похож на солдата после трехдневного запоя,

хотя вина не пил. Мальчик, что с тобой случилось?

Баррич смотрел на меня с искренней тревогой. Такое же лицо было у него, когда он боялся, что кобыла может выкинуть, или когда охотники приводили собак, пораненных кабанами. Это каким-то образом дошло до меня, и, сам того не желая, я начал мысленно прощупывать его. Как всегда, стена была на месте, но Рыжая немного поскулила и положила морду поближе к моей щеке. Я пытался выразить то, что происходило у меня внутри, не выдавая Чейда.

– Мне ужасно одиноко сейчас, – услышал я собственные слова, и даже мне самому они показались жалкими.

– Одиноко? – Баррич поднял брови. – Фитц, я же здесь. Как ты можешь говорить, что тебе одиноко?

И на этом наш разговор закончился. Оба мы смотрели друг на друга и ничего не понимали. Позже Баррич принес мне завтрак, но не настаивал, чтобы я его съел. И он оставил со мной на ночь Рыжую. Часть меня волновалась о том, что будет делать собака, если вдруг откроется дверь, но большая часть меня знала, что беспокоиться не о чем: эта дверь не откроется больше никогда.

Снова пришло утро. И Рыжая ткнулась в меня носом и закулила, просясь выйти. Я чувствовал себя совсем разбитым и особенно не беспокоился о том, что Баррич может меня поймать. Поэтому я прощупал ее сознание. Она была голодна, хотела пить, и ее мочевого пузырь готов был лопнуть. Ее беспокойство неожиданно стало моим собственным. Я натя-

нул рубашку и спустился с собакой вниз по лестнице, а потом отвел ее на кухню, чтобы накормить. Повариха обрадовалась мне, чего я совершенно не ожидал. Рыжая получила большую порцию вчерашнего тушеного мяса. Кухарка настаивала на том, чтобы сделать мне шесть бутербродов из толстых кусков бекона и хрустящей корочки первого хлеба, испеченного этим утром. Тонкое чутье Рыжей и ее волчий аппетит обострили мои собственные чувства, и я обнаружил, что ем не вяло, а со свойственным юному существу азартом.

Из кухни Рыжая повела меня в конюшню, и хотя я уже оторвал от нее свое сознание, но все же почувствовал, что от этого контакта нечто во мне возродилось. Баррич занимался какой-то работой. При моем появлении он выпрямился, оглядел меня, посмотрел на собаку, проворчал что-то себе под нос и потом передал мне бутылку с молоком и тряпочку.

— В человеческой голове не много такого, что не может быть излечено работой и заботой о других. Крысоловка ошенилась несколько дней назад, и один щенок слишком слаб, чтобы бороться с остальными. Посмотри, сможешь ли сделать так, чтобы он прожил сегодняшний день.

Это был некрасивый маленький щенок, розовое брюшко просвечивало сквозь пеструю шерстку. Глаза его еще были плотно закрыты, а лишняя кожа, которая понадобится ему, когда он вырастет, топорщилась складками на мордочке. Тоненький хвостик выглядел совершенно как крысиный, я даже удивился, что его мать не замучила собственных щенят

из-за этого сходства. Он был слабенький и вялый, но я приставал к нему с соской и теплым молоком, пока он не пососал немного, и как следует обрызгал щенка, чтобы побудить Крысоловку его вылизать. Я оторвал одну из его сильных сестричек от соска и сунул щенка на ее место. В любом случае ее маленький животик был уже круглым и полным, она сосала уже только ради удовольствия. Эта девочка должна была стать белой, с черным пятнышком над одним глазом. Она поймала мой мизинец и принялась сосать его. Уже чувствовалась огромная сила, которая в будущем появится в этих челюстях. Баррич рассказывал мне о крысоловах, о том, как они вцепляются в нос быку и висят, что бы тот ни делал. Он не понимал, какой прок учить этому собаку, но не мог не уважать мужества собаки, которая не боится быка. Наши крысоловы предназначались для ловли крыс и охраняли амбары и кормушки с зерном.

Я провел в конюшне все утро и ушел в полдень, с наслаждением вспоминая маленькое брюшко моего щенка, круглое и тугое от молока. Вторая половина дня прошла за чистой стойл. Баррич держал меня там, все время находя для меня новые дела, чтобы у меня не оставалось времени ни для чего, кроме работы. Он не разговаривал со мной, не задавал никаких вопросов, но все время оказывалось, что Баррич работает всего в нескольких шагах от меня. Похоже, он воспринял мою жалобу на одиночество слишком буквально и решил все время держаться поблизости. Я закончил этот

день с моим щенком, который уже заметно окреп. Я прижал его к груди, и он забрался ко мне под подбородок, его тупая маленькая мордочка тыкалась мне в шею в поисках молока. Было щекотно. Я оторвал его от себя и посмотрел на него. У него будет розовый носик. Говорят, крысоловы с розовыми носами – самые свирепые драчуны. Но этот маленький разум сейчас был всего лишь теплым комочком, желающим молока, покоя и полным любви к моему запаху. Я окутал его своей защитой и похвалил за то, как он набрался силенок за этот день. Щенок вертелся у меня на руках. И Баррич, перегнувшись через стенку стойла, постучал кончиками пальцев по моей голове, вызвав двойной визг – щенка и мой.

– Хватит, – жестко предупредил он меня, – не мужское это дело. И это не снимет того, что грызет твою душу. Теперь верни щенка матери.

Так я и сделал, но без всякой охоты. Я был совсем не уверен, что Баррич прав и связь со щенком не залечит мою душу. Я тянулся к этому теплому маленькому миру – сена, щенков, молока и их матери. В тот момент я не мог представить себе ничего лучшего.

Потом Баррич и я пошли поесть. Он отвел меня в солдатскую столовую, где все было попросту и никто не требовал, чтобы с ним разговаривали. Никто не обращал на меня внимания, еду передавали прямо через мою голову, не было никаких слуг, и это меня успокаивало. Баррич, однако, проследил, чтобы я поел, а потом мы сидели снаружи, у зад-

них дверей кухни, и пили. Мне раньше случалось пить пиво, эль и вино, но я никогда специально не напивался. Теперь Баррич научил меня этому. Повариха посмела выйти и выбрать его за то, что он дает мальчишке крепкие напитки, но Баррич только молча и сердито взглянул на нее, отчего я сразу вспомнил о ночи, когда впервые встретил его, – тогда он противостоял целой комнате грубых солдат, защищая доброе имя Чивэла. И повариха ушла.

Баррич сам отвел меня в мою комнату в замке. Я стоял, покачиваясь, а он стащил с меня рубаху, небрежно толкнул к кровати и, когда я упал на нее, швырнул сверху одеяло.

– Теперь спи, – прохрипел он. – А завтра мы опять сделаем то же самое. И опять. До тех пор, пока в один прекрасный день ты не обнаружишь: что бы с тобой ни случилось, оно тебя не убило и жизнь продолжается.

Он задул мою свечу и ушел. Голова у меня кружилась, тело ломило от дневной работы. Но я все равно не спал. Внезапно я обнаружил, что плачу. Спиртное высвободило то, что я держал в себе все эти дни, и я зарыдал. Не тихо, нет. Я всхлипывал, икал, кричал, челюсть моя тряслась. Горло свело, нос тек, я плакал так сильно, что готов был задохнуться. Думаю, я выплакал все слезы, которых я не проливал с тех пор, как мой дед заставил мою мать бросить меня.

– Гнусь! – услышал я собственный крик.

И тут меня крепко обняли чьи-то руки. Это был Чейд. Он прижимал меня к себе и укачивал, как будто я был совсем

маленьким ребенком. Даже в темноте я узнал эти костлявые руки и запах травы и пыли. Не веря, я вцепился в него и плакал, пока не охрип, а рот мой не пересох так, что я уже не мог издать ни звука.

— Ты был прав, — успокаивающе прошептал он в мои волосы. — Ты был прав. Я просил тебя сделать что-то плохое, и ты был прав, когда отказался. Тебя никогда не будут больше так испытывать. Во всяком случае, я не буду.

И когда я наконец затих, он оставил меня на некоторое время, а потом принес тепловатый и почти безвкусный напиток — не воду. Он поднес кружку к моим губам, и я выпил все, не задавая вопросов. Потом я снова лег и тут же провалился в сон, даже не заметив, как Чейд покинул мою комнату.

Я проснулся перед рассветом, плотно позавтракал и доложил Барричу. Работа у меня спорилась, я был внимателен к его поручениям и никак не мог понять, почему Баррич проснулся таким ворчливым и с тяжелой головой. Он пробормотал что-то насчет отцовской устойчивости к выпивке, а потом рано отпустил меня, сказав, чтобы я насвистывал где-нибудь в другом месте.

Тремя днями позже король Шрюд вызвал меня к себе на рассвете. Он был уже одет, и на столе стоял поднос. Еды на нем было больше, чем на одну персону. Когда я вошел, он отослал слугу и велел мне сесть. Я опустился на стул у маленького стола, и король, не спрашивая, голоден ли я, собственноручно положил мне еды и сел напротив, чтобы раз-

делить со мной трапезу. Я уловил смысл этого жеста и все же не мог заставить себя много есть. Шрюд говорил только о еде и ничего не сказал о договоре, преданности и необходимости держать слово. Увидев, что я закончил, король отодвинул свою тарелку и неловко замялся.

– Это была моя идея, – сказал он наконец почти грубо. – Не его. Ему это с самого начала не понравилось. Я настаивал. Когда будешь старше – поймешь. Я не могу рисковать. Но я обещал ему, что ты узнаешь это от меня самого. Все это задумал я, он тут ни при чем. И я никогда снова не попрошу его испытывать тебя таким образом. Слово короля.

Он жестом отослал меня. Я встал, но, поднимаясь, взял с подноса маленький серебряный нож, украшенный гравировкой, которым король пользовался, чтобы резать фрукты. При этом я смотрел ему прямо в глаза и, ничуть не скрываясь, убрал нож себе в рукав. Глаза короля Шрюда расширились, но он не сказал ни слова.

Двумя ночами позже, когда Чейд позвал меня, наши уроки возобновились, как будто никогда не прекращались. Он говорил, я слушал. Я играл в его игру с камешками и ни разу не ошибся. Он давал мне задания, и мы перешучивались. Он показал мне, как Проньра, ласка, танцует за кусочек колбасы. Между нами все снова было хорошо. Но прежде чем покинуть его комнату этой ночью, я подошел к камину. Без единого слова я вонзил маленький ножик в дерево каминной полки. Потом я ушел, так ничего и не сказав и не встретив-

шись с Чейдом взглядом. Больше мы об этом никогда не говорили.

Я думаю, что нож остается там и по сей день.

Глава 6

Тень Чивэла

Есть два предания о том, откуда повелось давать королевским отпрыскам имена, внушающие им свойства или способности. Согласно первому, более известному, когда таких детей учат Силе, имя каким-то образом привязывается к человеку и он не может вырасти, не обладая свойством, которое обозначено именем. Этому особенно упорно верят те, кто наиболее склонен снимать шляпы в присутствии младшей знати.

Более древнее предание приписывает происхождение этой традиции воле случая. Говорят, что короля Тэйкера Завоевателя и короля Рулера Властвующего, первых пришедших с Внешних островов правителей страны, которая впоследствии стала Шестью Герцогствами, в действительности звали совершенно иначе. Их подлинные иноземные имена были лишь созвучны тем прозвищам, которые дал им народ завоеванной страны. Так и случилось, что эти правители стали известны и вошли в историю под именами, которые в действительности не более чем слова, близкие по произношению к именам, данным им при рождении. Простой народ стал верить, что мальчик, получивший звучное имя, вырастет благородным человеком. Такая вера только на руку

Мальчик!

Я поднял голову. Из полудюжины или около того других ребят, слоняющихся у огня, никто даже не вздрогнул. Девочки и вовсе не обратили внимания, когда я пересел к противоположной стороне низкого стола, где стоял на коленях мастер Федврэн. Он освоил какую-то интонацию, по которой все сразу определяли, когда «мальчик» означает «мальчик», а когда «бастард».

Я запихнул колени под низкий столик и сел, потом протянул Федврэну лист пористой бумаги. Пока он пробежал глазами мои аккуратные колонки букв, я позволил себе отвлечься.

Зима собрала и усадила нас здесь, в большом зале. Снаружи шторм хлестал стены замка, волны колотились о скалы с такой силой, что иногда даже чувствовалось, как вздрагивает каменный пол зала. Тяжелые тучи украли те несколько часов водянистого дневного света, которые нам оставила зима. Мне казалось, что темнота, будто туман, проникала всюду, затягивала мглой все вокруг, закрадывалась в души. Из-за постоянного полумрака глаза мои слипались, я чувствовал себя сонным, хотя и не устал. На мгновение я позволил своим чувствам выплеснуться на волю и ощутил зимнюю медлительность дремавших по углам собак. Даже они не смогли пробудить во мне ни мысли, ни образа.

Огонь горел во всех трех больших каминах, и разные

группы собрались перед каждым. У одного лучники занимались своей работой на случай, если завтра распогодится и можно будет отправиться на охоту. Мне хотелось быть там, где Шерф сочным голосом, который то становился громче, то интригуяюще затихал, рассказывал очередную историю. Время от времени его прерывал одобрителный смех слушателей. У последнего очага звенели голоса поющих детей. Я узнал отчетливый мотив пастушьей песенки. Несколько присматривающих за детьми матерей постукивали ногами в такт, плетя кружево, в то время как иссохшие пальцы старого Джердана, перебиравшие струны арфы, заставляли детские голоса звучать почти верно.

У нашего очага собрались дети, достаточно большие для того, чтобы сидеть смирно и учить буквы. За нами приглядывал Федврн. От его острых синих глаз ничего не могло укрыться.

– Вот, – поправил он меня, – ты забыл перекрестить хвостики. Помнишь, как я тебе показывал? Джустик, открой глаза и вернись к перу. Еще раз задремлешь – и я пошлю тебя за дровами. Чарити, ты можешь помочь ему, если еще раз хихикнешь. А в остальном, – продолжал он, снова обращаясь ко мне, – ты делаешь успехи, и не только в письме буквами Шести Герцогств, но и в рунах Внешних островов, хотя их трудно нарисовать правильно на такой плохой бумаге. Она очень рыхлая и слишком впитывает чернила. Хорошо отбитые листы коры – вот что нужно для рун. – Он оценивающе

глянул на лист, над которым работал. — Продолжай в том же духе, и еще до конца зимы я позволю тебе сделать копию Лечебника королевы Бидвелл. Что ты на это скажешь?

Я попытался улыбнуться, чтобы выглядеть надлежащим образом польщенным. Копирование редко поручали ученикам: хорошей бумаги было слишком мало, а одно небрежное движение кисти могло загубить целый лист. Я знал, что Лечебник был простым описанием свойств трав со списком предсказаний, но всякое копирование считалось особой честью, которую следовало стремиться заслужить. Федврэн дал мне новый лист пористой бумаги. Когда я поднялся, чтобы вернуться на свое место, он жестом остановил меня.

— Мальчик...

Я молчал. Федврэн казался смущенным.

— Я не знаю, кого просить об этом, кроме тебя. По правилам я должен был бы обратиться к твоим родителям, но... — Он замялся и задумчиво почесал бороду испачканными в чернилах пальцами. — Зима скоро кончится, и я снова отправлюсь в путь. Ты знаешь, что я делаю летом, мальчик? Брожу по всем Шести Герцогствам, собирая корни, травы и ягоды для чернил и делая запасы для изготовления нужной мне бумаги. Это замечательная жизнь: свободно бродить по дорогам летом и гостить здесь, в замке, всю зиму. Многое можно рассказать о том, как зарабатывают на жизнь письмом.

Федврэн задумчиво смотрел на меня. Я терялся в догад-

ках, к чему он клонит.

– Каждые несколько лет я беру помощника, – продолжал учитель. – Некоторые из них делают большие успехи и отправляются работать каллиграфами в меньшие замки. Другие – нет. У кого-то не хватает терпения для мелких деталей, или они не могут запомнить, как составлять чернила. Я полагаю, что ты достаточно упорен и у тебя хорошая память. Что ты думаешь о том, чтобы стать переписчиком?

Я не знал, что ответить, и молча смотрел на него. Дело было не только в том, чтобы стать переписчиком; удивляла сама идея Федврена сделать меня своим помощником, чтобы я ходил за ним по пятам и изучал секреты его мастерства. Несколько лет прошло с тех пор, как я заключил договор со старым королем. Не считая ночей в обществе Чейда и редких дней с Молли, меня никогда никто не находил достойным объектом для общения, не говоря уж о том, чтобы сделать меня своим помощником. Предложение Федврена лишило меня дара речи. Он, видимо, почувствовал мое смущение, потому что улыбнулся удивительной улыбкой – мудрой, но в то же время озорной.

– Подумай об этом, мальчик. Каллиграфия – это хорошее ремесло, а что еще тебя может ждать? Между нами говоря, думаю, время, проведенное вне Оленьего замка, может принести тебе пользу.

– Вне Оленьего замка? – повторил я удивленно.

Это было так, словно кто-то отдернул занавеску. Мне та-

кое никогда не приходило в голову. И тут мне ярко, радужно представились дороги, ведущие прочь из Баккипа, и потрепанные учебные карты обрели плоть, превратились в места, куда я мог бы пойти. Это как громом поразило меня.

– Да, – промолвил Федврэн, – вне Оленьего замка. Когда ты повзрослеешь, тень Чивэла станет тоньше. Она не всегда сможет прикрывать тебя. Лучше тебе, пока память о Чивэле не стерлась, стать самостоятельным человеком с собственной жизнью, которая бы удовлетворяла тебя. Но ты не должен отвечать мне сейчас. Подумай, может быть, обсуди это с Барричем.

Он протянул мне пористую бумагу и отослал меня на место. Я задумался над его предложением, но посоветоваться пошел не к Барричу. В самые ранние часы нового дня мы с Чейдом сидели на корточках, голова к голове, и я сгребал в кучу красные осколки разбитого горшка, который опрокинул Проныра, а Чейд собирал мелкие черные семена, разлетевшиеся по всему полу. Проныра взобрался по гобелену и виновато щебетал, но я чувствовал его восторг.

– Эти семена прибыли из самого Калибара, ты, маленький паршивец! – бранил его Чейд.

– Калибар... – эхом повторил я и попробовал закинуть удочку. – День пути от нашей границы с Песчаными пределами.

– Верно, мой мальчик, – одобрительно пробормотал Чейд.

– Ты там был когда-нибудь?

– Я? О нет. Я просто хотел сказать, что семена прибыли издалека. Мне пришлось посылать за ними в Фиркрест. У них там большой рынок, который притягивает купцов со всех Шести Герцогств и многих наших соседей.

– Фиркрест... А ты там бывал?

Чейд задумался.

– Раз или два, когда был моложе. Помню только шум и жару. На островах всегда так – слишком сухо и слишком жарко. Я был рад вернуться в Баккип.

– А был ты в каком-нибудь таком месте, которое понравилось бы тебе больше, чем Баккип?

Чейд медленно выпрямился с горстью мелких черных семян в бледной руке.

– Почему бы тебе не спросить прямо, вместо того чтобы бродить вокруг да около?

И я рассказал ему о предложении Федврена и о том, как понял внезапно, что карты – не просто линии и цветные пятна, а места и возможности. И я мог бы поехать туда и стать переписчиком или...

– Нет. – Чейд заговорил тихо, но твердо. – Не важно, куда ты поедешь, но все равно ты останешься бастардом Чивэла. Федврэн более проницателен, чем я думал, но тем не менее он не понимает. Не все понимает. Он видит, что здесь, при дворе, ты навсегда останешься бастардом и будешь отчасти парией. Чего он не понимает, так это того, что здесь, пользуясь щедростью короля Шрюда, обучаясь под его присмот-

ром, ты не являешься угрозой для государя. Конечно, здесь тебя прикрывает тень Чивэла. Конечно, это тебя защищает. Но, оказавшись далеко отсюда и по-прежнему нуждаясь в защите, ты будешь представлять опасность для короля Шрюда и еще большую опасность для его наследников. Ты не получил бы свободной жизни бродячего писца. Скорее всего, в одно прекрасное утро тебя найдут в постели в одном из трактиров с перерезанным горлом или на большой дороге со стрелой в спине.

Меня передернуло.

– Но почему? – спросил я тихо.

Чейд вздохнул. Он сбросил семена в блюдо и слегка отряхнул руки, чтобы избавиться от тех, которые прилипли к его пальцам.

– Потому что ты бастард королевского рода и заложник собственной крови. Потому что сейчас, как я уже сказал, ты ничем не опасен Шрюду. Ты слишком молод, и, кроме того, ты все время у него на виду. Но Шрюд Проницательный смотрит в будущее. И ты тоже должен этому научиться. Времена сейчас беспокойные. Набеги островитян случаются все чаще. Люди на берегу начинают роптать. Говорят, что нам нужно больше патрульных парусников, а некоторые подумывают о собственных военных кораблях, чтобы совершать ответные набеги.

Но Внутренние герцогства не хотят платить ни за какие корабли, и особенно за военные, которые могут втянуть нас в

настоящую войну. Они утверждают, что король думает только о побережье, а их крестьяне ему совершенно безразличны. И горцы становятся более несговорчивыми, когда мы пользуемся их перевалами, так что торговые пошлины повышаются с каждым месяцем. Поэтому купцы тоже ропщут и жалуются друг другу. На юге, в Песчаных пределах и дальше, за ними, засуха и времена очень тяжелые. Там все так и сыплют проклятиями, как будто король и Верити имеют и к этому какое-то отношение.

Верити хороший товарищ, и с ним приятно распить бутылку вина, но он не такой солдат и дипломат, каким был Чивэл. Он бы скорее охотился зимой на оленя или слушал менестреля у очага, чем путешествовал по зимним дорогам в пургу только для того, чтобы не терять связи с другими герцогствами. Рано или поздно, если дела не пойдут на лад, люди начнут поговаривать: «Что ж, бастард не бастард, нечего поднимать из-за него шум. Чивэл должен прийти к власти. Он бы быстро прекратил все это. Он, может, немного зануда, но по крайней мере делает дело и не позволит чужеземцам давить нас».

– Значит, Чивэл еще может стать королем?

Этот вопрос вызвал во мне странный трепет. Мне тут же представились триумфальное возвращение моего отца в Баккип, наша возможная встреча и... что тогда?

Чейд, казалось, читал мои мысли.

– Нет, мальчик, это совершенно невероятно. Даже если бы

весь народ хотел видеть его на престоле, я сомневаюсь, что он пошел бы против собственного решения или против воли короля. Но это бы вызвало ропот и пересуды. Мог бы вспыхнуть бунт, а свободно разгуливающий по стране бастард стал бы опасен. Тебя пришлось бы уговорить, превратив в марионетку короля, его орудие, или в труп – одно из двух.

– «Орудие короля». Понимаю.

Я был совершенно подавлен услышанным. Короткое видение синего неба над желтой дорогой, по которой я еду верхом на Уголке, внезапно исчезло. Вместо этого я подумал о собаках в будках или о ястребе, который сидит, накрытый колпаком, на руке у короля и может взлететь только с высочайшего дозволения.

– Необязательно все будет так плохо, – промолвил Чейд. – В большинстве случаев мы сами строим свою тюрьму. И так же человек создает свою свободу.

– Значит, я никогда никуда не поеду, да?

Хотя сама мысль о путешествиях раньше совсем не приходила мне в голову, теперь мне казалось, что не может быть ничего важнее.

– Этого я бы не сказал. – Чейд зашарил вокруг в поисках чего-нибудь, чем можно закрыть тарелку с семенами. В конце концов он накрыл ее блюдечком. – Ты попадешь в разные места. Без лишней шумихи и лишь тогда, когда того требуют семейные интересы. Но ведь то же относится и к принципам крови. Думаешь, Чивэл мог выбирать, где заниматься

дипломатией? Думаешь, Верити нравится ездить в пострадавшие от набега островитян города и слушать жалобы людей, что, если бы только у них были хорошие укрепления и много солдат, ничего не случилось бы? Настоящему принцу не приходится выбирать, куда он поедет и как проведет время. У Чивэла, вероятно, сейчас свободы больше, чем когда-либо раньше.

– Но он не может вернуться в Олений замок? – осенило меня, и от этой мысли я заledenел.

В руках у меня по-прежнему было полно осколков.

– В замок он вернуться не может. Не годится будоражить народ визитами бывшего наследника. Лучше, чтобы он тихо исчез.

Я бросил осколки в очаг.

– По крайней мере, он может куда-нибудь поехать, – пробормотал я. – А я не могу даже пойти в город.

– А это для тебя так важно? Пойти в грязный, протухший маленький порт – такой, как город Баккип.

– Там есть люди... – я запнулся. Даже Чейд ничего не знал о моих городских товарищах. И я очертя голову ринулся вперед: – Они называют меня Новичком. И они не думают: «Вот бастард» – каждый раз, когда смотрят на меня.

Никогда раньше я не облакал это в слова, но теперь вдруг очень ясно понял, в чем состояла для меня привлекательность города.

– А-а, – произнес Чейд.

Плечи его шевельнулись, как будто он вздохнул, но ничего не сказал. Через мгновение он уже учил меня, как можно заставить человека захворать, просто накормив его ревенем и шпинатом одновременно, и даже убить его таким образом, если порции будут достаточно велики. При этом можно не подавать к столу ни капли яда. Я спросил, как уберечь от расстройства остальных людей за тем же столом, и наша беседа потекла по обычному руслу. Только позже я понял, что слова Чейда о Чивэле были почти пророческими.

Двумя днями позже я был удивлен, когда мне сказали, что Федврэн попросил моих услуг на день или на два. Я был удивлен еще больше, когда он дал мне список того, что ему нужно было в городе, и достаточно серебра, чтобы купить все это, и еще две лишние медные монеты, которые я мог потратить по своему усмотрению. Я затаил дыхание, ожидая, что Баррич или кто-нибудь другой из моих наставников запретит это, но вместо того мне было велено поторопиться. Я вышел из ворот с корзиной на руке, голова у меня кружилась от неожиданной свободы. Я сосчитал месяцы, прошедшие с тех пор, как мне последний раз удалось ускользнуть из замка, и пришел в ужас, обнаружив, что миновал уже год, а то и больше. Никто не сказал мне, когда я должен вернуться. Я был уверен, что смогу прихватить час или два для себя и никто ничего не узнает.

Список Федврэна был весьма обширным, и я обошел весь город. Зачем-то писарю понадобились сушеные волосы мор-

ской девы и немалое количество орехов лесника. Может быть, он использует все это, чтобы делать цветные чернила, решил я. Не найдя требуемого в обычных лавках, я отправился на базар в гавани. Там всякий, у кого было одеяло и что-нибудь для продажи, мог объявить себя купцом. Морские водоросли нашлись достаточно быстро, и я сразу выяснил, что это обычный ингредиент для приготовления тушеной рыбы. Поиски орехов заняли больше времени, потому что они поступали не из моря, а с материка и было не так много продавцов с такими товарами. Но все-таки я нашел их среди корзин с иглами дикобраза, резных деревянных бус, горок семечек и листов отбитой коры. Женщина, которая торговала всем этим, сидя на одеяле, была стара, и волосы ее с возрастом стали скорее серебряными, чем белыми или серыми. У нее был крепкий прямой нос и широкие скулы. Она принадлежала к расе одновременно и чужой, и странно мне знакомой. Мурашки пробежали у меня по спине, когда я внезапно понял, что эта женщина с гор.

– Кеппет, – сказала женщина на соседнем коврике, когда я сделал покупку.

Я взглянул на нее, думая, что она обращается к своей товарке, которой я только что заплатил, но женщина смотрела на меня.

– Кеппет, – повторила она довольно настойчиво, и я стал ломать голову, что же это может означать на ее языке.

Очевидно, это была просьба, но старуха надменно смот-

рела в сторону, и я только недоуменно пожал плечами, а потом отвернулся, запихивая орехи в корзинку. Я не сделал и дюжины шагов, когда снова услышал ее визг:

– Кеппет!

Я обернулся и увидел, что женщины дерутся. Старуха схватила младшую торговку за запястье, а та билась, пытаюсь освободиться. Остальные торговцы вокруг встревоженно поднимались на ноги и убирали свой товар от греха подальше. Я мог бы постоять и посмотреть еще некоторое время, если бы мне на глаза не попало другое, более знакомое лицо.

– Расквашенный Нос! – воскликнул я.

Она повернулась ко мне, и на мгновение я решил, что ошибся. Год прошел с тех пор, как я в последний раз видел Молли. Как она могла так сильно измениться? Темные волосы, которые прежде были практично зачесаны за уши, теперь свободно лежали на ее плечах. И она была хорошо одета – не в камзол и широкие штаны, а в блузку и юбку. При виде ее взрослой одежды я потерял дар речи. Я мог бы повернуться и притвориться, что обращаюсь к кому-то другому, если бы не вызывающий взгляд ее темных глаз, когда она холодно спросила:

– Расквашенный Нос?

Я настаивал:

– Разве ты не Молли Расквашенный Нос?

Она подняла руку и откинула прядь волос со щеки.

— Я Молли Свечница. — Я увидел искру узнавания в ее глазах, но голос ее оставался холодным, когда она добавила: — Я не уверена, что знаю вас. Ваше имя, сударь?

Я так растерялся и смутился, что стал действовать инстинктивно. Я прощупал ее сознание, обнаружил, что она нервничает, и был удивлен этим. Мыслями и голосом я попытался успокоить ее страх.

— Я Новичок, — поспешно выпалил я.

Глаза ее удивленно расширились, а потом она рассмеялась над тем, что восприняла как шутку. Барьер между нами лопнул как мыльный пузырь, и внезапно я увидел Молли такой, какой она была раньше. Между нами вновь была та же теплота, которая больше всего напоминала мне о Востроносе. Неловкость исчезла.

Вокруг дерущихся женщин собралась толпа, но мы оставили ее позади и пошли вниз по улице. Я похвалил наряд Молли, и она спокойно сообщила мне, что носит юбки уже несколько месяцев и предпочитает их брюкам. Эта принадлежала ее матери; ей сказали, что теперь нигде не найти такой хорошей шерсти и такого прекрасного ярко-красного оттенка. Она одобрила мою одежду, и я внезапно понял, что в ее глазах изменился не меньше, чем она в моих. На мне была моя лучшая рубашка, мои штаны были выстираны всего несколько дней назад, а сапоги были такими же добротными, как у любого солдата, хотя Баррич и твердил, что я очень скоро из них вырасту. Молли спросила, что я делаю,

и я сказал, что пришел по поручению писца из замка. Я сказал ей также, что ему нужны две восковые свечи, это было чистейшей выдумкой, но зато позволило мне идти рядом с ней по опустевшим улицам.

Наши локти дружески соприкасались, а Молли весело болтала. У нее на руке тоже была корзина – она сказала, что там лежат несколько пакетов и связки трав для ароматизации свечей. По мнению Молли, пчелиный воск впитывал запахи гораздо лучше, чем сало. Она делала лучшие благовонные свечи в Баккипе; это признавали даже два других свечника. «Вот эту понюхай, эту. Правда, замечательно?» Это была лаванда. Любимый запах ее матери и самой Молли. Это фруктовый сок, а это пчелиный бальзам. А тут молотильный корень, она его не любит, нет, но некоторые говорят, что из него выходят хорошие свечи, чтобы разгонять головную боль и зимнее уныние. Мэвис Тредснип сказал ей, что мать Молли смешивала его с другими травами и делала замечательные свечи, такие, которые могли успокоить даже младенчика с коликами. Так что Молли решила попробовать, поэкспериментировать и посмотреть, не удастся ли ей найти нужные травы и воспроизвести рецепт матери. Ее спокойная гордость своими познаниями и мастерством вызвала во мне жгучее желание хоть как-то поднять себя в ее глазах.

– Я знаю молотильный корень, – вспомнил я. – Некоторые делают из него мазь для больных плеч и спины. Вот почему он так называется. Но если сделать из него тинктуру и

смешать с вином, это не будет иметь никакого вкуса и заставит взрослого человека проспять весь день, всю ночь и потом еще один день, а ребенка убьет во сне. – По мере того как я говорил, глаза Молли расширялись, а при последних словах на ее лице отразился ужас. Я замолчал и снова почувствовал сильную неловкость.

– Откуда ты знаешь... такие вещи? – спросила она, задыхаясь.

– Я... я слышал, как старая бродячая акушерка разговаривала с нашей акушеркой в замке, – импровизировал я. – Это была... грустная история, которую она рассказывала. О том, как раненому человеку хотели помочь заснуть, а его ребенок тоже отпил немного. Очень, очень грустная история.

Ее лицо смягчилось, и я почувствовал, что она снова потеплела ко мне.

– Говорю это тебе только для того, чтобы ты была осторожнее с этим корнем. Не оставляй его где попало, чтобы его случайно не нашел ребенок.

– Спасибо. Не буду. Ты изучаешь корни и травы? Я не знала, что писаря могут интересоваться такие вещи.

Внезапно я понял, что она считает меня помощником писаря. Никаких причин ее разубеждать не было.

– Федврэн чего только не использует для красок и чернил. Некоторые копии он делает очень простыми, но зато другие разукрашены птицами, кошками, черепахами и рыбами. Он давал мне посмотреть травник, где показано, как рисовать в

обрамлении страницы зелень и цветы каждого растения.

— Это я бы очень хотела увидеть, — сказала Молли искренне, и мне тут же захотелось стащить этот травник и показать ей.

— Может быть, я смогу достать тебе копию почитать. Не насовсем, а только чтобы полистать несколько дней, — предложил я нерешительно.

Молли засмеялась, но в ее смехе было легкое раздражение:

— Как будто бы я умею читать! О, но я думаю, что ты-то подобрал пару букв, бегая по поручениям писаря.

— Подобрал, — сказал я и показал ей свой список и признался, что могу прочесть в нем все семь слов.

К моему удивлению, в глазах Молли мелькнула зависть.

Вдруг Молли сбавила шаг, между нами возникла какая-то неловкость, и я понял, что мы подходим к свечной мастерской. Я подумал, по-прежнему ли отец бьет ее, но не посмел спросить об этом. По крайней мере, на лице Молли не было никаких следов побоев. Мы подошли к дверям мастерской и остановились. Молли внезапно пришла к какому-то решению, потому что положила руку на мой рукав, набрала в грудь воздуха и спросила:

— Как думаешь, ты сможешь прочесть для меня кое-что? Ну, хотя бы что удастся разобрать.

— Попробую.

— Когда я... Теперь, когда я стала носить юбки, мой отец

отдал мне вещи моей матери. Когда была девочкой, она работала горничной и там научилась грамоте. У меня есть несколько исписанных ее рукой табличек. Мне бы хотелось знать, что там написано.

– Попробую, – повторил я.

– Мой отец в лавке.

Больше она ничего не прибавила, но что-то в том, как ее сознание отзывалось во мне, сказало мне достаточно.

– Я должен принести писарю Федврену две восковые свечи, – напомнил я. – Мне попадет, если я вернусь без них.

– Не показывай, что мы хорошо знакомы, – предупредила Молли и открыла дверь.

Я последовал за ней, но не сразу, как будто мы лишь случайно оказались у дверей лавки в одно и то же время. Но моя предосторожность оказалась излишней. Отец Молли крепко спал в кресле у очага. Я был потрясен переменой в нем. Он и прежде был худым, но сейчас превратился в настоящий скелет. Кожа на его лице сморщилась, как печеное яблоко. Уроки Чейда не прошли даром. Я посмотрел на ногти и губы этого человека и, даже стоя на другом конце комнаты, понял, что долго он не протянет. Вероятно, он больше не бил Молли, у него просто не было на это сил. Молли сделала мне знак, чтоб я не шумел. Она исчезла за занавеской, отделяющей их жилье от магазина, предоставив мне осматривать помещение лавки.

Это была приятная комната, небольшая, но с более высо-

ким потолком, чем в большинстве домов Баккипа. Я подозревал, что лавка выглядела такой опрятной и уютной только стараниями Молли. Приятные запахи и мягкий свет плодов ее ремесла. Свечи висели на штырях специальной вешалки попарно, соединенные длинными фитильками. Толстые практичные свечи для кораблей были сложены на полке. Среди всего прочего даже были выставлены три глазированные глиняные лампы для тех, кто мог это себе позволить. Кроме того, на полках стояли горшки с медом – естественный побочный продукт пчелиных ульев, которые Молли держала на заднем дворе лавки, чтобы собирать воск для своего лучшего товара.

Потом снова появилась Молли и сделала мне знак следовать за ней. Она подошла к столу, поставила подсвечник и положила рядом пачку табличек. Потом снова выпрямилась и поджала губы, как будто сомневалась, разумно ли то, что она сделала.

Таблички оказались такими, какие делали много лет назад: простые деревянные пластинки, вырезанные вдоль волокон и отшлифованные песком. Аккуратно выписанные буквы были для лучшей сохранности покрыты желтоватым смоляным лаком. Всего было пять великолепно написанных табличек. На четырех из них был точный перечень травяных рецептов для лекарственных свечей. Я начал тихо читать Молли рецепты, а она старалась запомнить их наизусть. Дойдя до пятой таблички, я замялся.

– Это не рецепт, – сказал я ей.

– Что же это? – прошептала она.

Я пожал плечами и начал читать:

– «В этот день родилась моя Молли Задорный Носик. Маленькая, как букетик цветов. Чтобы облегчить ее появление на свет, я зажгла две тоненькие свечки из восковницы и две чашечные свечи, куда для аромата добавила два пучка маленьких фиалок, какие растут у мельницы Доуэла, и одну пригоршню очень мелко порубленного красного корня. Пусть она поступит так же, когда придет ее время носить ребенка, и тогда роды ее будут такими же легкими, как мои, а плод их таким же прекрасным. В это я верю». – Это было все, и, когда я дочитал, воцарилась тишина.

Молли приняла последнюю табличку из моих рук и очень долго смотрела на нее, как будто читала что-то, чего мне не дано было увидеть. Я переступил с ноги на ногу, и шарканье напомнило ей о моем присутствии. Молча она собрала все свои таблички и снова скрылась за занавеской.

Вернувшись, Молли быстро подошла к полке, сняла с нее две длинные восковые свечки, а потом шагнула к другой полке и достала две толстые розовые свечи.

– Мне только нужно...

– Ш-ш-ш. За это платить не надо. Свечки с душистыми ягодами принесут тебе спокойные сны. Я очень люблю их и надеюсь, что тебе они тоже понравятся.

Голос Молли был полон дружелюбия, но, когда она поло-

жила свечи в мою корзинку, я понял, что она ждет, чтобы я скорее ушел. Тем не менее она подошла со мной к двери и тихо открыла ее, чтобы не разбудить отца.

– До свидания, Новичок, – сказала она и наконец улыбнулась мне по-настоящему. – «Задорный Носик»! Никогда не знала, что она меня так называла. На улицах все звали меня Расквашенный Нос. Наверное, старшие знали, как меня звала мать, и думали, что это смешно. Но потом они, скорее всего, забыли, что меня когда-то звали по-другому. Что ж. Я не обижаюсь. Теперь оно у меня есть. Имя, которое дала мне мама.

– Оно тебе очень идет, – сказал я во внезапном приступе галантности.

Молли удивленно посмотрела на меня, щеки мои вспыхнули, и я кинулся прочь от двери.

Я был очень удивлен, обнаружив, что уже поздно, почти вечер. Я бегом обежал лавки, где можно было выполнить недостающие заказы Федврена. Последний предмет из моего списка – кожу ласки – я умолял продать мне, стуча в уже закрытое ставнями окно торговца. Он впустил меня, ворча, что любит есть ужин горячим, но я так горячо благодарил его, что торговец, видимо, счел меня немного глуховатым. Я бежал по самой крутой части дороги назад в замок, когда слышал за спиной стук копыт. Лошади приближались от портовой части города, и кто-то гнал их во весь опор. Это было странно. Никто в Баккипе не держал лошадей, потому

что дороги были слишком крутыми и каменистыми, чтобы от них была какая-то польза. К тому же город был невелик, его легко можно было обойти пешком, так что лошади были скорее предметом пустого тщеславия, чем необходимостью. Значит, меня догоняли лошади из конюшен замка. Я отошел на обочину и стал ждать – мне было интересно посмотреть, кто это рискует вызвать ярость Баррича, так гоняя лошадей по скользкому неровному булыжнику да еще и под вечер, когда в сумерках почти ничего не видно.

К моему величайшему удивлению, это оказались Регал и Верити на вороной паре, которая была гордостью Баррича. Верити держал жезл с плюмажем, который обычно носили посланники, доставляющие в Олений замок новости особой важности. При виде меня, тихо стоящего около дороги, оба принца натянули поводья так резко, что конь Регала шарахнулся в сторону и едва не упал на колени.

– Баррича удар хватит, если вы разобьете колени этого жеребца! – крикнул я в смятении и побежал к нему.

Регал издал невнятный вопль. Верити засмеялся над ним, но смех вышел хриплым.

– Ты думал, что это привидение, да и я тоже. Уфф, парень, ну и напугал ты нас! Стоять так тихо! Да еще так похож на него. А, Регал?

– Верити, ты дурак. Придержи язык. – Регал свирепо рванул поводья, так что чуть не порвал коню губы, потом оправил на себе камзол. – Что ты делаешь на дороге так поздно,

ублюдок? С чего это ты решил удрать из замка в город в такой час?

Я привык к презрению Регала, однако это резкое замечание было чем-то новым. Обычно он просто избегал меня, обходил, будто кучу свежего навоза. От неожиданности я растерялся и выпалил:

– Я иду в замок, а не в город, сир. Я выполнял поручение для Федврена. – В доказательство я продемонстрировал свою корзинку.

– Да уж конечно, – усмехнулся он. – Очень правдоподобная история. Немного чересчур для простого совпадения, ублюдок. – Он снова швырнул в меня это слово.

Видимо, я выглядел одновременно уязвленным и смущенным, потому что Верити фыркнул в своей грубоватой манере и сказал:

– Не обращай на него внимания, мальчик. Ты и правда задал нам страху. Речной корабль только что вошел в город с вымпелом срочного сообщения на мачте. Когда мы с Регалом поехали, чтобы взять его, – прости господи! – оказалось, что это от Пейшенс: сообщение, что Чивэл мертв. А потом мы поднимаемся по дороге – и что мы видим? Точную его копию – ну, когда он был мальчиком, конечно, – стоящую перед нами. И само собой разумеется, мы были в таком настроении, что...

– Ты полный идиот, Верити, – выплюнул Регал. – Трубишь об этом на весь город, хотя сам король еще ничего не знает.

И не вкладывай в голову ублюдка мыслей о том, что он похож на Чивэла. Судя по всему, у него их и без тебя хватает, и за это мы должны благодарить нашего драгоценного папеньку. Поехали. Надо доставить послание.

Регал снова вздернул голову жеребца и вонзил шпоры в его бока. Я смотрел, как он удаляется, и мгновение, клянусь, думал только о том, что сразу, как приду в замок, должен пойти в стойло и посмотреть, насколько поранены губы несчастного животного. Но почему-то я поднял голову, посмотрел на Верити и сказал:

– Мой отец умер.

Верити неподвижно сидел на лошади. Выше и плотнее, чем Регал, он тем не менее лучше ездил верхом. Думаю, это потому, что он был настоящим солдатом. Некоторое время он смотрел на меня молча, потом сказал:

– Да. Мой брат умер. – Он подарил мне это, мой дядя, – мгновение настоящего родства. Думаю, что именно тогда я стал совершенно иначе относиться к Верити. – Залезай мне за спину, мальчик, и я отвезу тебя в замок, – предложил он.

– Нет, спасибо. Баррич снял бы с меня шкуру за езду на лошади вдвоем по такой дороге.

– Это верно, мальчик, – добродушно согласился Верити. Потом сказал: – Мне жаль, что ты узнал об этом вот так. Я не думал... Просто я еще не могу поверить, что это случилось на самом деле.

На миг в его глазах промелькнула искренняя скорбь, кото-

рую он тщательно сдерживал, потом принц наклонился к лошади, шепнул ей что-то, и она рванулась вперед. Через мгновение я снова остался на дороге один.

Начался морозящий дождь, и совсем стемнело, а я все еще стоял на дороге. Я смотрел вверх, на замок – черный силуэт с несколькими светящимися окнами на фоне звезд. И на мгновение мне захотелось бросить корзинку, бежать в темноту и никогда не возвращаться. «Интересно, кто-нибудь когда-нибудь будет искать меня?» – подумал я. Но, вместо этого, я переложил корзину в другую руку и начал медленно подниматься назад, в гору.

Глава 7

Задание

После смерти королевы Дизайер ходили слухи, что она была отравлена. Я решил письменно изложить здесь то, что мне известно доподлинно. Королева Дизайер действительно умерла от отравления, но она травила себя сама в течение долгого времени, и король Шрюд был совершенно в том неповинен. Он, напротив, пытался отучить ее от дурманящих снадобий. Советовался с врачами и травниками, но как только удавалось убедить королеву отказаться от одной сладкой отравы, тотчас же находилось что-то другое.

К концу последнего лета своей жизни она стала еще более безрассудной, употребляя несколько снадобий одновременно и не делая больших никаких попыток скрыть свои пристрастия. Ее поведение было величайшим испытанием для Шрюда, так как, когда королева была пьяной от вина или обезумевшей от трав, она выкрикивала дикие обвинения и подстрекала людей к бунту, нимало не заботясь о том, кто мог это услышать и что происходило вокруг. Казалось, ее невозддержанность должна была лишить ее приверженцев пустых иллюзий, но, напротив, они утверждали, что Шрюд или довел королеву до самоубийства, или отравил. Но я могу сказать с

полнейшей осведомленностью, что ее смерть не была делом рук короля.

Баррич остриг мои волосы в знак траура. Он оставил их длиной в толщину пальца. В знак скорби собственную голову он обрил наголо, не пожалев даже бороды и бровей. Бледная кожа резко контрастировала с его покрасневшими щеками и носом. От этого он выглядел очень странно, даже более странно, чем лесные люди, которые приходили в город и чьи волосы были склеены смолой, а зубы выкрашены красным и черным. Дети смотрели на этих дикарей и перешептывались за их спинами, когда те проходили мимо, но испуганно шарахались от Баррича. Думаю, что дело было в его глазах. Мне случалось видеть пустые глазницы черепов, в которых было больше жизни, чем в глазах Баррича в те дни.

Регал послал человека попенять Барричу на то, что он обрил свою голову и остриг мои волосы. Так полагалось скорбеть по коронованному королю, а не по человеку, который отрекся от престола. Баррич сверлил этого посланца тяжелым взглядом, пока тот не ушел. Верити постриг волосы и бороду на ширину ладони, и это было трауром по брату. Некоторые из стражников замка отрезали куски от заплетенных косиц, как делают солдаты в память о погибшем товарище, но то, что Баррич сделал с собой и со мной, было чрезмерным. Люди косились на нас. Мне хотелось спросить его, почему я должен носить траур по отцу, которого никогда не видел, по отцу, который ни разу не приехал посмотреть

на меня, но довольно было одного взгляда на его застывшие глаза и сжатые губы, чтобы я поперхнулся собственным вопросом. Никто не донес Регалу, что Баррич срезал в знак траура по пряди с гривы каждой лошади, никто не рассказал о едком дыме, поднявшемся над этими жертвенными волосами. У меня было смутное ощущение, что так он посылает части наших духов вместе с духом Чивэла. Это был какой-то обычай, который он перенял еще от бабушки.

Баррич как будто умер. Холодная необходимость оживляла его тело, и он исполнял всю работу безукоризненно, но без радости или удовлетворения. Подручные, которые прежде соперничали, стараясь заслужить его рассеянный кивок или брошенную мимоходом похвалу, теперь избегали взгляда Баррича, как бы стыдясь за него. Только Рыжая не покидала его. Старая сука украдкой следовала за ним, куда бы он ни пошел, не получая в награду ни взгляда, ни прикосновения. Она всегда была с ним. Однажды я приласкал ее из сочувствия и даже осмелился прощупать ее сознание, но нашел только немоту, к которой страшно было прикоснуться. Она скорбела вместе с хозяином.

Зимние штормы свирепо бились о скалы. В эти дни холод был особенно безжизненным, отрицавшим всякую возможность лета. Чивэла похоронили в Ивовом Лесу. В замке был мягкий траурный пост, но он быстро закончился. Это было в большей степени соблюдение приличий, нежели настоящий траур. Те, кто искренне его оплакивал, по-видимому, обви-

нялись в дурновкусии. Общественная жизнь принца Чивэла должна была закончиться с его отречением; и так бестактно с его стороны было продолжать приковывать к себе внимание и после смерти.

Спустя целую неделю после кончины моего отца я проснулся, ощутив знакомый сквозняк с тайной лестницы и увидев приглашающий желтый свет. Я встал и пошел наверх в свое убежище. Хорошо будет уйти от всего этого, чтобы снова вместе с Чейдом смешивать травы и вдыхать аромат странных курений. Я не хотел больше оставаться в подвешенном состоянии, в котором пребывал после смерти Чивэла.

Но рабочая часть комнаты была темной, очаг там не горел. Чейд сидел у камина на другой, жилой половине. Он кивнул мне на место рядом со своим креслом. Я сел и поднял взгляд на него, но Чейд смотрел в огонь. Потом, не говоря ни слова, положил на мои встопорщенные волосы свою покрытую шрамами руку. Некоторое время мы просто сидели так, молча глядя на языки пламени в камине.

– Что ж, вот так, мой мальчик, – промолвил Чейд наконец и не стал продолжать, как будто сказано было уже достаточно.

Он взъерошил мои короткие волосы.

– Баррич меня постриг, – сказал я внезапно.

– Вижу.

– Я ненавижу их. Они колются, и я не могу спать. Капю-

шон не держится, и я выгляжу глупо.

– Ты выглядишь как мальчик, оплакивающий отца.

Некоторое время я молчал. Я думал о своих волосах как о немного более длинном варианте стрижки Баррича. Но Чейд был прав. Волосы были подстрижены как у мальчика, оплакивающего отца, а не как у подданного, скорбящего по своему королю. Это рассердило меня еще больше.

– Но почему я должен оплакивать его? – У Чейда можно было спросить то, о чем я не осмеливался заговорить с Барричем. – Я даже не знал его.

– Он был твоим отцом.

– Он зачал меня с неизвестной женщиной. Узнав обо мне, он уехал. Отец! Он никогда не думал обо мне.

Я чувствовал себя бунтовщиком, произнося это вслух. Меня приводило в ярость безумное страдание Баррича, а теперь еще и тихая скорбь Чейда.

– Этого ты не знаешь. Ты слышал только сплетни. Ты недостаточно взрослый, чтобы понимать некоторые вещи. Ты никогда не видел, как дикая птица отвлекает хищников от птенцов, притворяясь раненой.

– Не верю в это, – сказал я, но между тем уже не был так уверен в праведности своего негодования. – Он никогда ничего не сделал, чтобы дать мне знать, что беспокоится обо мне.

Чейд обернулся, чтобы посмотреть на меня, глаза его были запавшими и покрасневшими.

– Если бы ты знал, что он беспокоится, знали бы и остальные. Когда ты станешь мужчиной, может быть, поймешь, чего ему это стоило. Не знать тебя, чтобы ты оставался в безопасности. Чтобы враги Чивэла не замечали тебя.

– Что ж, теперь я не узнаю его до конца моих дней, – сказал я сердито.

Чейд вздохнул:

– И конец твоих дней наступит гораздо позже, чем наступил бы, если бы твой отец признал тебя наследником. – Он помолчал, потом осторожно спросил: – Что бы ты хотел узнать о нем, мой мальчик?

– Все. Но откуда ты его знаешь? – Чем спокойнее был Чейд, тем увереннее я себя чувствовал.

– Я знал Чивэла всю его жизнь. Я... работал с ним. Много раз. Мы были, так сказать, рука и перчатка.

– Ты был рукой или перчаткой?

Каким бы грубым я ни был, сегодня Чейд упорно отказывался сердиться.

– Рукой, – сказал он, немного подумав. – Рукой, которая действует исподволь, незаметно, прикрытая бархатной перчаткой дипломатии.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

Против собственной воли я был заинтригован.

– Можно кое-что сделать. – Чейд откашлялся. – Что-то может случиться, и это облегчит работу дипломату или заставит противную сторону с большей охотой вести перегово-

воры. Что-то может произойти...

Мой мир перевернулся. Реальность нахлынула на меня внезапно, как видение. Я вдруг понял, чем был Чейд и чем должен был стать я.

– Ты хочешь сказать, что один человек может умереть и с его преемником будет из-за этого легче вести переговоры. Он будет более уступчив из страха или из...

– Благодарности. Да.

Холодный ужас сковал меня, когда все кусочки внезапно сложились в общую картину. Все уроки и заботливые наставления – вот к чему они вели. Я начал подниматься с места, но рука Чейда внезапно сжала мое плечо.

– Или человек может прожить на пять или десять лет дольше, чем кто-либо мог подумать, и принести на переговоры мудрость и терпимость, приходящие с возрастом. Или ребенок может излечиться от коклюша, и его мать внезапно с благодарностью поймет, что наше предложение идет на пользу обеим сторонам. Рука не всегда приносит смерть, мой мальчик. Не всегда.

– Достаточно часто.

– Я никогда не скрывал этого от тебя.

В голосе Чейда я услышал две нотки, которых никогда не слышал раньше: желание оправдаться и боль. Но молодость безжалостна, и я сказал:

– Я не думаю, что хочу чему-нибудь у тебя учиться. Наверное, я пойду к Шрюду и скажу ему: пусть найдет себе ко-

го-нибудь другого, чтобы тот убивал для него людей.

– Воля твоя. Но сейчас я тебе этого не советую.

Его спокойствие застало меня врасплох.

– Почему?

– Потому что это сведет на нет все, что Чивэл пытался для тебя сделать. Это привлечет к тебе внимание. А сейчас оно тебе совсем ни к чему. – Чейд говорил медленно, с расстановкой, слова его были весомыми.

– Почему? – Я невольно понизил голос до шепота.

– Потому что кое-кто захочет окончательно поставить точку на истории Чивэла. А это лучше всего можно сделать, устранив тебя. Они будут следить за тем, как ты переживаешь смерть отца. Не возникают ли у тебя вредные идеи, не строишь ли ты планов? Не станешь ли ты теперь такой же костью в горле, какой был для них Чивэл?

– Что?

– Мой мальчик, – сказал Чейд и притянул меня к себе. Впервые он заговорил со мной таким тоном. – Сейчас тебе надо быть тихим и осторожным. Я понимаю, почему Баррич остриг твои волосы, но, по правде говоря, я хотел бы, чтобы он этого не делал. Я хотел бы, чтобы никто не вспомнил, что Чивэл был твоим отцом. Ты еще такой цыпленок... Но выслушай меня. Сейчас не меняй ничего в жизни. Делай то же, что раньше. Подожди шесть месяцев или год. Потом решай. Но сейчас...

– Как умер мой отец?

Чейд испытующе посмотрел на меня:

– Разве ты не слышал, что он упал с лошади?

– Да. Но я слышал, что Баррич ругал человека, который сказал это, утверждая, что Чивэл не мог упасть, а лошадь не могла его сбросить.

– Барричу лучше бы придержать язык.

– Так как же умер мой отец?

– Не знаю. Но, как и Баррич, я не верю в то, что он упал с лошади. – Чейд замолчал.

Я опустился на пол, сел у его голых костлявых ног и уставился на огонь.

– Меня тоже убьют?

Он долго молчал.

– Не знаю. Нет, если я смогу помешать этому. Думаю, сперва твоим врагам придется убедить короля Шрюда, что это необходимо. А если они это сделают, я буду знать.

– Значит, ты думаешь, что это идет из замка.

– Да. – Чейд долго ждал, но я молчал, не желая спрашивать. Тем не менее он ответил: – Я ничего не знал. И уж давно не прикладывал свою руку. Они даже не обращались ко мне. Вероятно, они понимали, что я не просто откажусь. Я бы проследил, чтобы это никогда не произошло.

– А-а. – я немного успокоился. Но мой наставник к тому времени уже слишком хорошо обучил меня придворному образу мыслей. – Тогда они, наверное, не пришли бы к тебе, если бы решили покончить со мной. Побоялись бы, что ты

и меня предостережешь.

Он взял меня рукой за подбородок и повернул мое лицо так, что наши глаза встретились.

– Смерть твоего отца должна быть самым серьезным предостережением, которое тебе потребуется – сейчас или когда бы то ни было. Ты незаконнорожденный, мальчик. Мы всегда делаем их уязвимыми и представляем для них опасность. Нас всегда готовы убрать, за исключением тех случаев, когда мы совершенно необходимы для их собственной безопасности. Я кое-чему научил тебя за последние несколько лет. Но этот урок ты должен запомнить лучше всех прочих и никогда не забывать о нем. Если когда-нибудь окажется, что ты им не нужен, они убьют тебя.

Я посмотрел на него, широко раскрыв глаза.

– Я им и сейчас не нужен.

– Не нужен? Я старею. Ты молод и послушен, в твоём лице и манерах видна королевская кровь. До тех пор пока ты не выразишь никаких ненужных амбиций, с тобой ничего не случится. – Он помолчал, потом осторожно подчеркнул: – Ты мальчик *короля*. Исключительно его. Ты, возможно, и не представлял себе, до какой степени это так. Никто не знает, что я делаю, и, вероятно, все забыли, кто я такой. Или кем я был. Если кто-нибудь и знает о нас, то только от короля.

Я сидел и пытался собрать все это воедино.

– Тогда... ты сказал, что это идет из замка. И если тебя не использовали, значит это не от короля... Королева! – я

сказал это с внезапной уверенностью.

Глаза Чейда оставались непроницаемыми.

– Это опасное предположение. И еще более опасное, если ты думаешь, что каким-то образом можешь на него опереться.

– Почему?

Чейд вздохнул:

– Когда у тебя появляется идея и ты решаешь, что это правда, то иногда становишься слепым к другим возможностям. Обдумай их все, мальчик. Возможно, это был несчастный случай. Может быть, Чивэл был убит кем-то, кого он оскорбил в Ивовом Лесу. Может быть, это не имеет никакого отношения к тому, что он принц. Или, может быть, у короля есть еще один убийца, о котором я ничего не знаю, и это была рука короля.

– Ты ничему этому не веришь.

– Нет. Не верю. Потому что у меня нет никаких доказательств в пользу всех этих предположений. Так же как у меня нет ничего, позволяющего утверждать, что смерть твоего отца была делом рук королевы.

Это все, что я помню о том разговоре. Но я уверен, что Чейд намеренно предлагал мне обдумать, кто мог действовать против моего отца, чтобы исподволь внушить мне настороженность к королеве. Я все время размышлял об этом, и не только в те дни, которые последовали за этим разговором. Я исполнял свои обязанности, мои волосы постепен-

но отрастали, и к началу лета жизнь, казалось, вернулась в обычную колею. Раз в несколько недель меня посылали в город с поручениями. Вскоре я заметил, что, независимо от того, кто посылал меня, один или два пункта в списке исходили от Чейда, и догадался, кто стоит за редкими глотками свободы. Мне не удавалось проводить время с Молли каждый раз во время выходов в город, но я стоял под окном ее лавки, пока она не замечала меня и мы не обменивались кивками. Однажды я слышал, как кто-то на рынке рассказывал о ее прекрасных душистых свечах и говорил, что никто не делал таких со времени смерти ее матери. И я улыбнулся и порадовался за нее.

Наступило лето и принесло к нашим берегам тепло, а с ним и лодки жителей Внешних островов. Некоторые приезжали как честные торговцы и привозили товары из дальних стран: меха и амбру, слоновую кость и бочонки жира – и длинные истории, от которых у меня до сих пор мурашки бегут по коже, как и в годы моего детства. Наши моряки не доверяли им и называли их шпионами, а то и похуже. Но товары островитян были богатыми, а золото, которым они расплачивались за вина и зерно, было чистым и тяжелым, так что наши купцы охотно брали его.

Но навещали наши берега и другие островитяне, хотя и довольно далеко от Баккипа. Они приходили с ножами и факелами, с луками и стенобитными таранами, чтобы грабить и насиловать в тех же селениях, в которых они грабили и на-

силовали долгие годы. Иногда это казалось кровавым и тщательно разработанным состязанием: они искали неподготовленные и плохо вооруженные селения, а мы пытались заманить их уязвимыми на вид целями, а потом убивать и грабить самих пиратов. Но если это и было состязание, то в это лето счет был не в нашу пользу. Каждый мой визит в город был полон новостями о новых разрушениях и возрастающем ропоте.

Наверху, в замке, солдаты поговаривали о странной глупости командования, и я разделял это мнение. Островитяне с легкостью уходили от наших патрульных кораблей и никогда не попадали в наши ловушки. Они нападали именно там, где наша оборона была слабее всего, где мы меньше всего ожидали набега. Наиболее тяжело это ударило по Верити, потому что после отречения Чивэла именно на него легла обязанность защищать королевство. В тавернах ворчали, что с тех пор, как он лишился добрых советов брата, все пошло наперекосяк. Никто еще не роптал на Верити, но плохо было уже и то, что никто особенно не защищал его.

По детской наивности я считал набеги островитян чем-то не имеющим ко мне отношения. Конечно, это было очень плохо, и мне даже было жалко несчастных, чьи дома были сожжены или разрушены. Но, будучи в безопасности стен Оленьего замка, я мало понимал, в каком постоянном страхе и настороженности вынуждены жить другие портовые города или до какого отчаяния доведены люди, которые каждый год

строятся заново только для того, чтобы все их усилия пошли прахом следующим летом. Но мне недолго было суждено пребывать в своем невинном невежестве.

В одно прекрасное утро я пошел на «урок» к Барричу, хотя по-прежнему проводил не меньше времени, занимаясь лечением животных и объезжая молодых лошадей. В некоторой степени я занял в конюшне место Коба, а он стал личным грумом и псарем Регала. Но в этот день, к моему удивлению, Баррич отвел меня наверх, в свою комнату, и посадил у стола. Я испугался, что придется все утро скучать за починкой упряжи.

– Сегодня я буду учить тебя, как себя вести. Манерам то есть, – внезапно заявил Баррич. В его голосе звучало сомнение, как будто он скептически относился к моим способностям в этом вопросе.

– С лошадьми? – спросил я недоверчиво.

– Нет. Это ты уже умеешь. С людьми. За столом и потом, когда они сидят и разговаривают друг с другом. Вот таким вот манерам.

– Почему?

Баррич нахмурился:

– Потому что по непонятным мне причинам ты будешь сопровождать Верити, когда он поедет в Ладную Бухту, чтобы встретиться с герцогом Келваром из Риппона. Лорд Келвар не дает лорду Шемши людей для охраны береговых башен. Шемши обвиняет его в том, что он оставил башни без

часовых и островитяне могут проплывать мимо и даже бросать якоря возле Сторожевого острова и оттуда совершать набеги на города Шемши в герцогстве Шокс. Принц Верити собирается поговорить с Келваром об этих обвинениях.

Я полностью уловил суть дела. В Баккипе на всех углях говорили об этой истории. У лорда Келвара из герцогства Риппон были три сторожевые башни. Две из них стояли у Ладной Бухты и всегда были хорошо подготовлены, поскольку защищали лучшую гавань герцогства Риппон. Но башня на Сторожевом острове защищала малую часть Риппона, которая не представляла особой ценности для лорда Келвара. Несколько поселков были защищены высокой береговой линией, и пиратские корабли, скорее всего, разбились бы о камни. Южный берег этого острова морские разбойники редко тревожили. Сам остров был домом только для чаек, коз и морских моллюсков. Тем не менее эта башня очень много значила для раннего предупреждения нападений на южную бухту герцогства Шокс. С нее были видны оба пролива, внутренний и внешний, кроме того, башня находилась на естественном возвышении, так что огни ее маяка было нетрудно заметить с материка. У самого Шемши была сторожевая башня на Яичном острове, но этот клочок суши был всего-навсего кучей песка, едва торчавшей из воды во время прилива. Шторма размывали непрочный берег, и его требовалось постоянно укреплять. Но именно с башни Яичного острова был виден предупреждающий огонь Сторожевого, и

маяк мог бы передавать сигнал дальше, если бы башня Сторожевого острова зажигала такой огонь.

Традиционно рыбные угодья и берега Сторожевого острова были территорией герцогства Риппон, и, таким образом, охрану башни тоже должны были осуществлять солдаты Риппона. Но содержать там гарнизон означало необходимость привозить туда людей и провизию, а также заготавливать дрова и масло для маяка и содержать саму башню, защищая ее от свирепых океанских штормов, которые терзали бесплодный маленький остров. Солдаты не любили нести там службу, и молва утверждала, что Сторожевой остров был легкой формой наказания для непокорных или просчитавшихся в служебной дипломатии гарнизонов. Неоднократно, будучи навеселе, Келвар разглагольствовал о том, что, если эта башня так важна для Шокса, пусть лорд Шемши сам ею и занимается, хотя герцогство Риппон не было заинтересовано в том, чтобы отказаться от рыбных угодий или богатых устричных отмелей.

Однажды, не получив предупреждения со сторожевой башни, поселки Шокса пострадали от пиратов во время праздника Встречи Весны. После опустошительного набега нечего было и надеяться, что крестьяне успеют вовремя засеять поля, а бóльшая часть весеннего помета в овечьих стадах была уничтожена. Лорд Шемши стал открыто жаловаться королю, что Келвар пренебрегает своими обязанностями. А Келвар возражал, что небольшой гарнизон, помещенный

им на башне, вполне подходил для места, которое редко требует защиты.

«Часовых, а не солдат – вот чего требует башня Сторожевого острова», – заявлял он. И для этой цели Келвар завербовал некоторое количество пожилых мужчин и женщин, которых и поселил в башне. Среди них было несколько настоящих солдат, но большинство составляли беженцы из города Ладная Бухта – по слухам, должники, карманники и престарелые проститутки, хотя сторонники Келвара и утверждали, что это просто пожилые горожане, нуждающиеся в верном заработке.

Все это я знал гораздо лучше, чем мог вообразить Баррич, – из разговоров в тавернах и политических лекций Чейда. Но я прикусил язык и сидел молча во время подробного и пространного объяснения. Не в первый раз я замечал, что Баррич считает меня немного туповатым. Мое молчание он ошибочно приписывал нехватке ума, а не умению держать язык за зубами.

Итак, Баррич начал старательно учить меня правилам поведения, которые, как он сказал, большинство прочих мальчиков усваивают, просто следуя примеру старших. Надо приветствовать людей, если встречаешь их первый раз на дню или еслиходишь в комнату, в которой уже кто-то есть. Уходить, не сказав ни слова, невежливо. Надо называть людей по имени, а если они старше меня или выше по положению (как почти все, с кем я встречаюсь в этом путешествии, напомнил

он мне), к обращению должно присовокуплять титул. Потом Баррич познакомил меня с тонкостями этикета: кто должен раньше меня выходить из комнаты и при каких обстоятельствах (почти все и почти при любых обстоятельствах имели тут преимущество). И дальше, к поведению за столом. Обращать внимание на то, какое место за столом мне отведено; обращать внимание на то, кто сидит во главе стола, и приступать к еде лишь после него; как поддерживать тост или несколько тостов, чтобы не перепить, и как научиться поддерживать светскую беседу или, что более полезно, внимательно слушать того, кто будет сидеть подле меня за обедом. И так далее, и так далее.

Скоро я стал мечтать о конюшне и чистке стойл.

Баррич призвал меня к порядку резким толчком:

– И этого ты тоже не должен делать! Ты похож на слабоумного. Сидишь тут и киваешь, а мысли бродят неизвестно где. Не воображай, что никто не видит, когда ты так делаешь. И не сверкай глазами, когда тебя поправляют. Сядь прямо, придай лицу приятное выражение и убери эту бессмысленную улыбку, болван. Ах, Фитц, что мне с тобой делать? Как я могу защитить тебя, когда ты сам нарываешься на неприятности? И почему они хотят тебя вот так забрать?

Последние два вопроса, которые Баррич задавал уже самому себе, выдали его подлинное беспокойство. Возможно, я был трижды глупцом, не увидев этого. Он не ехал. Я ехал. Причины этого он понять не мог. Баррич достаточно долго

жил при дворе и чувствовал, что это неспроста. Впервые, после того как ему был доверен присмотр за мной, меня уволили из-под его надзора. Прошло не так много времени с тех пор, как похоронили моего отца. И поэтому Баррич не знал, возвращусь я или кто-нибудь использует подходящую возможность избавиться от меня. Конечно, мне он об этом ничего не сказал. Понимаю, каким ударом по его гордости и репутации было бы мое «исчезновение». Так что я вздохнул, а потом осторожно заметил, что, возможно, понадобился лишний помощник для присмотра за лошадьми и собаками. Верити никогда не разлучался с Леоном, своим волкодавом. Всего двумя днями раньше он похвалил меня за то, как я хорошо с ним управляюсь. Я повторил его слова Барричу и был вознагражден, увидев, что эта маленькая уловка хорошо сработала. На его лице отразилось сперва облегчение, потом гордость за то, как хорошо он меня выучил. Тема беседы внезапно сменилась, перейдя от манер к правильному уходу за волкодавами. Если лекция о поведении наскучила мне, то повторение собачьих преданий едва не заставило меня заснуть. Когда Баррич отпустил меня на другие занятия, я вылетел из конюшен, как будто у меня за спиной выросли крылья.

Оставшуюся часть дня я провел как в тумане, и Ходд пригрозила мне хорошей поркой, если я не стану внимательнее. Потом она покачала головой и со вздохом сказала, что я могу немного погулять, чтобы развеяться, но должен вернуть-

ся, когда у меня вновь появится способность сосредоточенно работать. Я с радостью подчинился ей. У меня в голове помещалась только одна мысль: я покину Баккип и буду путешествовать, путешествовать всю дорогу до Ладной Бухты! Я знал, что мне бы следовало задуматься о том, почему я еду, но был уверен, что Чейд скоро все объяснит. Интересно, мы поедем по суше или по морю? Я пожалел, что не спросил Баррича. Как я слышал, дорога до Ладной Бухты не относилась к числу самых лучших, но мне было все равно. Уголек и я никогда не предпринимали вместе такого длинного путешествия. Но поездка по морю на настоящем корабле...

Я выбрал более длинный путь назад в замок и пошел по дорожке, которая вела через небольшой лесок на каменистом склоне горы. Несколько хилых берез и ольшаник боролись с буйным кустарником. Солнечный свет и легкий ветерок играли в кронах самых высоких деревьев, отчего день казался пестрым и грустным. Я поднял глаза на солнце, бьющее сквозь листья берез, а когда опустил взгляд, передо мной стоял королевский шут. Я оторопело остановился. Машинально я огляделся в поисках короля, хотя его странно было бы даже представить себе в таком месте. Но шут был один. И здесь, среди бела дня!

Мурашки побежали у меня по спине. Все в замке знали, что королевский паяц не выносит дневного света. Все. Тем не менее, несмотря на это обстоятельство, о котором со знанием дела говорили все пажи и кухарки, шут стоял передо

мною, и его светлые волосы развевались на легком ветерке. Синий и красный шелк его шутовской куртки и штанов казался еще ярче по контрасту с бледной кожей. Но его глаза не были такими бесцветными, какими они казались в темных переходах замка. Встретив их взгляд на расстоянии всего нескольких футов и при свете дня, я обнаружил, что они были бледно-голубыми, словно капля светло-голубого воска упала на белую табличку. Белизна его кожи тоже, оказывается, была иллюзией, потому что здесь, в пестрых пятнах солнечного света, я мог разглядеть розовый отблеск – кровь, понял я с внезапным страхом. Красная кровь, просвечивающая сквозь кожу.

Дурак не обратил внимания на шепот, который вырвался у меня от потрясения. Он воздел указательный палец, как бы желая заставить замереть не только мои мысли, но и весь мир вокруг нас. Но он и без того уже всецело завладел моим вниманием, и, удовлетворенный, шут улыбнулся, показав маленькие белые редкие зубы, – так улыбается едва научившийся делать это младенец.

– Фитц, – пропищал он. – Фитц саломаз. Фитц салом спас. Фитц Песопас. – Он внезапно остановился и снова улыбнулся мне. Я неуверенно смотрел на него, не говоря ни слова и не шевелясь. Шут снова поднял палец, и на этот раз он грозил мне: – Фитц! Фитц сало припас. Паспса, спаспса. Сала запас. – Он наклонил голову набок, и от этого движения одуванчиковый пух его волос взметнулся в воздух.

Я понемногу успокоился.

– Фитц, – сказал я осторожно и постучал себя по груди пальцем. – Фитц – это я. Да. Меня зовут Фитц. Ты заблудился? – Я старался говорить мягко и успокаивающе, чтобы не испугать беднягу.

Наверняка несчастный дурачок каким-то образом вышел за ворота замка, потерялся и теперь страшно рад увидеть знакомое лицо.

Он втянул носом воздух, а потом бешено затряс головой, пока волосы его не встали дыбом, напоминая пламя свечи на ветру.

– Фитц! – сказал он выразительно. Голос его был слегка надтреснутым. – Фитц пас, пас, да припас. Пса-спас. Пса-пса-пса.

– Все хорошо, – сказал я ласково и немного нагнулся, хотя на самом деле был не настолько выше дурака. Я тихо поманил его открытой ладонью. – Пойдем, пойдем. Я покажу тебе дорогу домой. Хорошо? Не бойся.

Шут вдруг резко опустил руки. Он поднял голову и закатил глаза к небу. Потом пристально посмотрел на меня и выпятил губы, как будто хотел плюнуть.

– Пойдем, – снова поманил я его.

– Нет, – сказал он совершенно отчетливо раздраженным голосом, – слушай меня, ты, дубина. Фитц сало припас. Псаспас.

– Что? – спросил я испуганно.

– Я сказал, – произнес он, тщательно выговаривая слова, – Фитц сала запас. Припас как раз. Псаспас. – Он поклонился, повернулся и пошел прочь от меня по дороге.

– Подожди! – требовательно крикнул я. Уши мои покраснели от смущения. Как можно вежливо объяснить кому-то, что многие годы вы считали его не только шутком, но и слабоумным? Я не мог. И потому спросил:

– Что значат все эти спазпасы? Ты издеваешься надо мной?

– Едва ли. – Он обернулся ко мне и сказал: – Фитц сала как раз припас. Пса Фитц спас. Это послание, я думаю. Призыв к важному действию. Поскольку ты единственный, кого я знаю, кто терпит, чтобы его называли Фитцем, я думаю, это для тебя. Что касается того, что это значит, откуда я могу знать? Я шут, а не толкователь снов. До свидания. – Он снова отвернулся от меня, но на этот раз не пошел по дороге, а свернул в гущу кустарника.

Я поспешил за ним, но, когда дошел до того места, где он скрылся, шута уже не было. Я стоял тихо, вглядываясь в пронизанный солнцем лес, надеясь увидеть, как шевельнутся кусты, или заметить его шутовскую куртку. Но паяца и след простыл. И вовсе никакого смысла я не находил в этом дурацком послании. Я раздумывал над этой странной считалочкой всю дорогу назад в замок и наконец отбросил ее как странное, но бессмысленное происшествие.

Чейд позвал меня не в эту ночь, а на следующую. Сго-

рая от любопытства, я бросился вверх по ступенькам, но, когда поднялся в жилище наставника, понял, что с вопросами придется повременить. Потому что за каменным столом сидел Чейд, на его плече устроился Проныра, а перед ним лежал полуразвернутый свиток. Стакан вина прижимал к столу один конец пергамента, а согнутый палец Чейда медленно двигался по какому-то списку. Я подошел и взглянул на него. Это был список поселков и дат. Под каждым названием поселка был перечень количества воинов, купцов, овец, бочек эля, мер зерна и так далее. Я сел на другой стороне стола и стал ждать. Я научился не прерывать Чейда.

– Мой мальчик, – промолвил он, не отрываясь от свитка, – что бы ты сделал, если бы какой-то хулиган подошел к тебе сзади и стукнул по голове? Но только в тот момент, когда ты стоишь к нему спиной. Как бы ты поступил?

Я быстро подумал и ответил:

– Подставил бы спину и сделал вид, что смотрю куда-то в другое место. Только у меня была бы длинная толстая палка, так что, когда он собрался бы ударить меня, я бы резко повернулся и разбил ему голову.

– Да. Хм, что ж, это мы пробовали. Но какими бы беспечными мы ни казались, островитяне всегда знают, где мы готовим им западню, и не нападают. Нам и правда удалось одурачить пару банд обычных пиратов, но никогда пиратов с красных кораблей. А нас волнуют именно они.

– Почему?

– Потому что именно они приносят нам самый большой ущерб. Видишь ли, мальчик, мы привыкли к набегам. Почти можно сказать, что мы приспособились к ним. Засеять на акр больше, соткать еще один рулон ткани, вырастить лишних бычков. Наши фермеры и горожане всегда пытаются делать запасы, и когда во время набега сгорает чей-то амбар или склад, все вместе восстанавливают утраченное. Но пираты с красных кораблей не грабят, уничтожая по ходу дела. Если они что-то и забирают с собой, то это выглядит почти случайностью. Они именно целенаправленно уничтожают.

Чейд помолчал и стал смотреть в стену, как будто бы видел сквозь нее.

– Это бессмысленно, – продолжал он задумчиво, обращаясь больше к себе, чем ко мне. – По крайней мере, я не вижу в этом смысла. Это все равно что убивать корову, которая каждый год приносит хорошего теленка. Пираты с красных кораблей сжигают зерно и сено прямо на полях. Они уничтожают то, что не могут унести с собой. Три недели назад в Торнсби они подожгли мельницу и взрезали мешки с зерном и мукой. Какая в этом для них выгода? Почему они рискуют своими жизнями только ради уничтожения? Они ни разу не делали попыток захватить и удержать территорию. Они не предъявляли нам никаких претензий. От разбойника можно защититься. Но они убивают и уничтожают без всякой цели. Торнсби не будет восстановлен; у выживших нет ни желания, ни средств. Они ушли – некоторые к семьям в другие города,

другие нищенствовать. Это схема, которую в последнее время мы наблюдаем слишком часто. — Он вздохнул и потряс головой, чтобы освободиться от тяжелых мыслей.

Когда Чейд поднял глаза, все его внимание уже было отдано мне. Это он умел. Он мог отбросить проблему в сторону, и вы готовы были поклясться, что Чейд давно забыл о ней. Теперь он сказал, как будто только это его и волновало:

— Ты будешь сопровождать Верити, когда он поедет в Ладную бухту убеждать лорда Келвара.

— Баррич сказал мне. Но он удивился, и я тоже. Почему я еду?

Чейд тоже выглядел удивленным.

— Разве не ты заявлял несколько месяцев назад, что устал от Баккипа и хочешь путешествовать по Шести Герцогствам?

— Конечно. Но я немного сомневаюсь, что Верити взял меня только поэтому.

Чейд усмехнулся:

— Как будто Верити обращает хоть какое-то внимание на то, кто входит в его свиту! У него нет желания вдаваться в подробности, а значит, нет и дара Чивэла обращаться с людьми. Тем не менее Верити хороший солдат. Может быть, по нынешним временам это как раз то, в чем мы нуждаемся. Нет, ты прав. Верити и не подозревает, почему ты едешь... пока. Шрюд скажет ему, что тебя готовят в шпионы, и пока это все. Мы с королем советовались об этом. Ты готов начать

платить за все то, что он сделал для тебя? Ты готов начать свою службу семье?

Он сказал это так спокойно и смотрел на меня так открыто, что я тоже был почти спокоен, когда спросил:

– Мне придется убить кого-нибудь?

– Возможно. – Чейд поерзал в кресле. – Тебе самому решать. Решить и сделать это... Это совсем не то, когда тебе просто говорят: «Вот этот человек, и ты должен сделать это». Это гораздо труднее, и я совсем не уверен, что ты к этому готов.

– А буду я когда-нибудь готов? – Я попытался улыбнуться, но вышла ухмылка, больше похожая на судорогу. Я хотел убрать ее и не мог. Странная дрожь охватила меня.

– Вероятно, нет. – Чейд замолчал. Потом он решил, что я принял поручение. – Ты поедешь как паж старой благородной дамы, которая отправляется навестить родственников в Ладной бухте. Это не будет для тебя слишком тяжелой работой. Она очень стара, и здоровье ее оставляет желать лучшего. Леди Тайм путешествует в закрытом паланкине. Ты будешь ехать рядом, приглядывать, чтобы ее не слишком трясло, приносить воду, если она попросит, и выполнять другие мелкие просьбы.

– По-моему, это не очень-то отличается от ухода за волкодавом Верити.

Чейд помолчал, потом улыбнулся:

– Великолепно. Забота о собаке тоже ляжет на твои пле-

чи. Стань совершенно необходимым всем и каждому в этом путешествии. Тогда у тебя будет повод быть повсюду и слышать все, и никто не будет удивляться твоему присутствию.

– А мое настоящее задание?

– Слушать и узнавать. Нам обоим, Шрюду и мне, кажется, что эти пираты красных кораблей слишком хорошо знакомы с нашей стратегией и силой. Келвар недавно поскупился надлежащим образом оснастить башню Сторожевого острова. Дважды он пренебрег этим, и дважды береговые поселки герцогства Шокс заплатили за его небрежение. Сделал ли он роковой шаг от небрежения к измене? Сговорился ли с врагом ради собственной выгоды? Мы хотим, чтобы ты это разнюхал, и посмотрим, что ты сможешь там обнаружить. Если ты встретишься с полной невиновностью Келвара или у тебя просто появятся сильные, но не подтвержденные доказательствами подозрения, то сообщи нам об этом, когда вернешься. Но если ты обнаружишь измену и будешь в этом уверен, тогда надо избавиться от него как можно скорее.

– А средства? – я не был уверен, что это мой голос. Он был таким небрежным, таким сдержанным.

– Я приготовил порошок. Безвкусный в тарелке, бесцветный в вине. Его применение мы доверяем твоей изобретательности и осторожности.

Он поднял крышку с глиняной тарелки на столе. Там лежал пакет, сделанный из очень высококачественной бумаги – тоньше и лучше той, которую раньше мне показывал

Федврэн. Странно, моя первая мысль была о том, как понравилось бы моему учителю письма работать с такой бумагой. Внутри пакета была горка тончайшего белого порошка. Он лип к бумаге и плавал в воздухе. Чейд прикрыл рот и нос тканью, когда аккуратно стряхнул немного в фунтик из промасленной бумаги. Этот фунтик он протянул мне и положил смерть на мою открытую ладонь.

– И как он действует?

– Не слишком быстро. Жертва не упадет замертво за столом, если ты об этом спрашиваешь. Но если засидится допоздна, то почувствует себя плохо. Пожалуй, ляжет в постель, чтобы успокоить бурлящий живот, и уже не проснется утром.

Я опустил фунтик в карман.

– Верити знает что-нибудь об этом?

Чейд задумался.

– Верити Истина достоин своего имени. Он не мог бы сесть за стол с человеком, которого собирается отравить, и не выдать своих намерений. Нет, в данном случае ложь послужит нам вернее, чем Верити. – Он посмотрел мне прямо в глаза. – Ты будешь работать один, и у тебя не будет другого советника, кроме тебя самого.

– Ясно. – Я поерзал на высоком деревянном табурете. – Чейд?

– Да?

– С тобой в первый раз было так же?

Он посмотрел вниз на свои руки, на мгновение коснулся мелких красных шрамов, испещривших тыльную сторону его левой ладони. Молчание затягивалось, но я ждал.

– Я был на год старше тебя, – сказал он наконец. – И мне пришлось просто сделать что велено, а не решать, есть ли в том нужда. Этого тебе достаточно?

Я внезапно смутился, не знаю почему.

– Наверное, – пробормотал я.

– Хорошо. Я знаю, что ты не хотел ничего плохого. Но мужчины не говорят о том времени, которое провели на подушках с леди. А убийцы не говорят о... нашем ремесле.

– Даже учитель ученику?

Чейд отвел от меня глаза и поглядел в темный угол потолка.

– Да. – Мгновением позже он добавил: – Спустя две недели ты, вероятно, поймешь почему.

И это все, что было сказано. Раз и навсегда.

По моим подсчетам, мне было тринадцать лет.

Глава 8

Леди Тайм

«История Шести Герцогств – это их география». Писарь Оленьего замка, некий Федврэн, очень любил это высказывание. Не могу сказать, что когда-нибудь убедился в обратном. Возможно, любая история является только пересказом существующих связей. Моря и лед, разделявшие жителей материка и островитян, сделали нас разными, а богатые степи и плодородные луга герцогств создали богатство, из-за которого мы стали врагами. Возможно, это должно было стать первой главой истории Шести Герцогств. Медвежья и Винная реки напоили водой богатые виноградники и фруктовые сады Тилта, а горы Красных Вершин, поднимающиеся над Песчаными пределами, и укрывали, и изолировали жителей тех мест, оставив их уязвимыми для наших организованных армий.

Я внезапно проснулся еще до того, как скрылась луна, удивленный тем, что вообще заснул. Прошлой ночью Баррич так тщательно надзирал за моими приготовлениями к путешествию, что, будь моя воля, я уехал бы, едва проглотив овсянку.

Но когда много людей сразу решают сделать что-либо сообща, быстро не получается. Солнце стояло уже высоко над

горизонтом, когда все наконец собрались и были готовы.

— Королевская семья никогда не путешествует налегке, — предупредил Чейд. — Верити отправляется в эту поездку под защитой королевского меча. И те, кто теперь увидит его, прекрасно знают это. Весть о его приближении раньше нас должна дойти до Келвара и Шемши. Верховная власть собирается уладить их спор. Их обоих надо заставить пожалеть о том, что у них вообще были какие-то разногласия. В этом весь секрет правильного управления государством — люди должны хотеть вести себя так, чтобы их отношения не требовали вмешательства короля.

Итак, Верити путешествовал с помпой, которая явно раздражала живущего в нем солдата. Отряд его личной стражи носил его цвета и оленьи знаки Видящих и ехал перед регулярными войсками. Для моих юных глаз это было достаточно впечатляющее зрелище. Но чтобы наша кавалькада не выглядела слишком военизированной, Верити взял с собой благородных спутников, в том числе для бесед и развлечений в конце дня. Ястребы и собаки со своими дрессировщиками, музыканты и барды, один кукольник, те, кто прислуживал благородным лордам и леди, те, кто ухаживал за их одеждой, укладывал им волосы, те, кто следил за приготовлением их любимых блюд, и еще выучные животные — все они двигались вслед за знатью, скачущей на великолепных лошадях, и замыкали процессию.

Мое место было примерно в середине кавалькады. Я сидел

на безропотной кобыле Уголек подле разукрашенного паланкина, закрепленного между двумя спокойными серыми меринами. Хендс, один из самых шустрых конюшенных мальчиков, получил пони и задание править лошадьми, везущими паланкин. Я должен был следить за выючным мулом и приглядывать за обитательницей паланкина. Это была та самая престарелая леди Тайм, которую я никогда прежде не видел. Она явилась, чтобы занять место в паланкине, вся закутанная в плащи, вуали и шарфы. Я понял только, что это скорее тощая, чем толстая, старуха и от ее духов Уголек чихает. Леди уселась в носилки, устроившись в гнезде из подушек, одеял, мехов и пледов, потом немедленно приказала задернуть занавески и закрепить их, хотя утро было ясным и солнечным. Две ее маленькие служанки радостно убежали, и я остался ее единственным слугой. Сердце мое упало. Я надеялся, что хотя бы одна из девушек будет путешествовать с ней в носилках. Кто будет прислуживать ей, когда поставят ее шатер? Я представления не имел, как прислуживать женщине, да еще такой старой. Я решил последовать совету Баррича, учившего меня, как молодому человеку следует обращаться со старой дамой: будь внимательным, вежливым и веселым и сохраняй приятное выражение лица. Красивому и представительному молодому человеку нетрудно завоевать старую женщину. Так сказал Баррич. Я подъехал к носилкам.

– Леди Тайм, вам удобно? – спросил я. Прошло довольно много времени, но ответа не последовало. Может быть, она

немного глуховата. — Вам удобно? — спросил я погромче.

— Прекрати беспокоить меня, молодой человек! — на удивление громко ответила она. — Если будешь мне нужен, я скажу.

— Прошу прощения, — поспешно извинился я.

— Я сказала, прекрати немедленно меня беспокоить! — проскрежетала она негодуя. И добавила немного тише: — Глупый невежа.

После этого у меня хватило ума замолчать, хотя моя неприязнь десятикратно возросла. Неплохо для веселой совместной поездки! Наконец я услышал звук горнов и увидел, как впереди поднимается вымпел Верити. Взметнулась пыль, и я понял, что наш передовой отряд выступил. Долгие минуты прошли, прежде чем лошади впереди нас начали двигаться. Хендс тронул паланкин, а я подбодрил Уголька. Она охотно пошла вперед, а мул лениво последовал за ней.

Я хорошо помню этот день. Помню густую пыль, висевшую в воздухе, после того как проехали все те, кто предшествовал нам. Помню, как мы с Хендсом беседовали — вполголоса, потому что, когда мы однажды засмеялись, леди Тайм потребовала прекратить шум. Я также помню ясное голубое небо над вершинами холмов и мягкие повороты прибрежной дороги. От вида моря, синеего далеко внизу, захватывало дух, воздух долин был напоен запахом цветов. На каменной стене стояли пастушки, которые краснели, хихикали и показывали на нас пальцами, когда мы проезжали. Их

покрытые шерстью подопечные бродили по склону за стеной, и мы с Хендсом обменялись тихими восклицаниями, глядя, как пастушки, чтобы залезть на стену, приподнимают яркие юбки, подставляя солнцу и ветру икры и колени. Беспокойная Уголек быстро устала от медленного шага, а бедный Хендс беспрестанно понукал старенького пони, не давая ему отстать. За день мы дважды останавливались, чтобы дать возможность всадникам размяться и напоить лошадей. Леди Тайм не вылезала из носилок, но резко напомнила мне, что пора бы уже принести ей воды. Я прикусил язык и сделал, что было велено. Больше мы на тех привалах не разговаривали.

Наша кавалькада остановилась, когда солнце еще не зашло. Мы с Хендсом поставили маленький шатер леди Тайм, пока она ела лежавшее в плетеной корзинке холодное мясо, сыр и пила вино, которым предусмотрительно запаслась. У нас с Хендсом была более скромная трапеза, состоявшая из черствого хлеба, еще более черствого сыра и сушеного мяса. Не успел я поесть, как леди Тайм потребовала, чтобы я отвел ее из носилок в шатер. Она вышла, закутанная и замотанная вуалью, как будто на дворе был буран. Ее наряды были разных цветов и разной степени изношенности, но очень дорогие и прекрасно сшитые. Теперь, когда, тяжело навалившись на меня, она ковыляла рядом, я ощутил отталкивающую смесь пыли, плесени и духов со слабым запахом мочи. У двери она резко отпустила меня, предварительно предупредив, что у нее есть нож, которым она непременно воспользу-

ется, если я попытаюсь войти и побеспокоить ее любым способом.

— И я очень хорошо знаю, как с ним обращаться, молодой человек, — пригрозила она мне.

Наши с Хендсом спальные принадлежности ничем не отличались от солдатских — земля и плащи. Но ночь была хорошая, и мы разожгли маленький костер. Хендс всячески хихикал по поводу моего предполагаемого вожделения к леди Тайм и ножа, который ожидал меня, если я попытаюсь поддаться низменной страсти. Мы затеяли возню и боролись, пока леди Тайм не осыпала нас визгливymi проклятиями, поскольку мы не давали ей спать. Тогда мы заговорили тихо, и Хендс сказал мне, что никто не завидует моему назначению к ней и что все, кто когда-нибудь с ней путешествовал, с тех пор всегда ее избегали. Он предупредил меня также, что худшая часть работы еще впереди, и, хотя глаза его искрились от смеха, наотрез отказался рассказать мне, в чем она заключается. Я заснул легко, потому что, как свойственно мальчику, выкинул мою подлинную миссию из головы до той поры, пока не придется встретиться с суровой действительностью лицом к лицу. Я проснулся на рассвете от пения птиц и сокрушительной вони переполненного ночного горшка, стоявшего у шатра леди Тайм. Хотя мой желудок был закален чисткой стойл и псарни, я с трудом заставил себя вылить и вычистить его, прежде чем вернуть ей. После этого она нудила через дверь шатра, требуя воды, горячей и холод-

ной, и возмущаясь, что до сих пор не сварена каша, ингредиенты для которой она выставила наружу. Хендс исчез, чтобы разделить с отрядом костер и завтрак, оставив меня разбираться с моим тираном. Я подал старой леди все требуемое на подносе, который, как она утверждала, был неряшливо сервирован, вымыл тарелки и кастрюлю, а потом вернул все это ей. Процессия к этому времени была почти готова к отправлению. Но леди Тайм не позволяла складывать шатер до тех пор, пока не будет благополучно сидеть в паланкине. В страшной спешке мы закончили укладывание, и я наконец оказался в седле, не проглотив ни крошки. После всех утренних дел я был страшно голоден. Хендс смотрел на мое мрачное лицо с некоторым сочувствием и сделал мне знак подъехать к нему поближе. Он наклонился и заговорил со мной:

– Все, кроме нас, слышали о ней раньше. – Он украдкой кивнул в сторону носилок леди Тайм. – Вонница, которую она устраивает каждое утро, стала просто легендой. Вайтлок говорит, что она часто путешествовала с Чивэлом... У нее родственники во всех Шести Герцогствах, и ей нечего делать, кроме как навещать их. Все в отряде говорят, что давным-давно научились держаться от нее подальше, потому что она готова любого завалить мешками бессмысленных поручений. О, и вот что Вайтлок просил передать тебе: и не надейся сесть и поесть, пока ты прислуживаешь ей. Но он попытается откладывать для тебя кое-что каждое утро.

Хендс передал мне два ломтя хлеба с жирным беконом,

вложенным между ними. Это было потрясающе вкусно. Я жадно вонзил зубы в угощение.

– Невежа! – завопила леди Тайм из носилок. – Что ты там делаешь? Лясы точишь, уж я-то знаю! А ну вернись на место! Как ты можешь прислуживать мне, если слоняешься неизвестно где?

Я быстро натянул поводья и вернул Уголька к паланкину. Поспешно проглотив огромный кусок хлеба с беконом, я спросил:

– Леди что-нибудь нужно?

– Не разговаривай с полным ртом, – огрызнулась она. – И прекрати беспокоить меня, дурень!

Так оно и продолжалось. Дорога шла вдоль побережья, и нам понадобилось целых пять дней, чтобы добраться до Ладной Бухты. Не считая двух маленьких поселков, вокруг нас обычно были голые скалы, чайки, луга и редкие рощицы изогнутых и малорослых деревьев. Но мне все это казалось прекрасным и чудесным, потому что за каждым поворотом дороги открывалось что-то новое. Чем дольше продолжалось наше путешествие, тем больше третировала меня леди Тайм. После четвертого дня пути она извергала бурный фонтан жалоб и придинок. С некоторыми из них я ничего не мог поделать. Ее паланкин слишком трясло, от этого ее тошнило. Вода, которую я принес из ручья, была слишком холодной, а из моего водяного меха – слишком теплой. Люди и лошади перед нами поднимали слишком много пыли. Она была уве-

рена, что они делают это нарочно. И надо было сказать им, чтобы перестали петь такие грубые песни. Она совершенно не давала мне подумать о том, стоит ли убивать лорда Келвара.

На утро пятого дня мы увидели поднимающиеся дымки Ладной бухты. К полудню можно было различить крупные здания и сторожевую башню на скалах над городом. Город Ладная бухта был гораздо красивее Баккипа. Дорога вилась по широкой долине. Голубые воды бухты раскинулись перед нами. Повсюду желтели песчаные пляжи, рыболовецкий флот состоял из мелких судов с низкой осадкой или отважных маленьких плоскодонок, которые прыгали по волнам, как чайки. Здесь не было таких глубоких якорных стоянок, как у Баккипа, поэтому не было и такого оживленного торгового порта, как у нас, но мне все же казалось, что в Ладной Бухте хорошо было бы жить.

Келвар послал почетного гвардейца нас встретить, так что мы задержались на время обмена формальными приветствиями с отрядом Верити. «Как два пса, нюхающие под хвостами друг у друга», – кисло заметил Хендс. Встав в стременах, я мог видеть достаточно далеко, чтобы наблюдать парадное построение, и кивнул, соглашаясь с ним. Наконец мы снова двинулись в путь и вскоре въехали на улицы города.

Все остальные проследовали прямо в замок Келвара, но Хендс и я должны были сопровождать паланкин леди Тайм через несколько переулков, чтобы пройти к тому трактиру, в

котором она собиралась остановиться. Судя по выражению лица горничной, старая леди гостила в нем и раньше. Хендс увел лошадей и носилки на конюшню, но мне пришлось смириться с тем, что леди Тайм всей тяжестью навалилась на мою руку, когда я сопровождал ее в комнату. Я думал, что же это она такое ела, что было приправлено такими отвратительными специями. Каждый ее выдох был для меня пыткой. Она отпустила меня у дверей, угрожая рядом наказаний, если я не вернусь вовремя через семь дней. Уходя, я от всей души сочувствовал горничной, потому что леди Тайм громко рассказывала о том, как она поступала с вороватой прислугой, которую встречала в прошлом, и как следует стелить постель.

С легким сердцем я вскочил на Уголька и крикнул Хендсу, чтобы он поторопился. Мы галопом проскакали по улицам Ладной бухты и умудрились присоединиться к арьергарду процессии Верити, как раз когда они въезжали в замок Келвара, Страж Вод. Замок был построен на равнине, почти не предоставлявшей естественной защиты, поэтому его окружали несколько крепостных стен и рвов, которые врагу пришлось бы преодолеть, прежде чем оказаться перед прочной каменной громадой замка. Хендс сказал мне, что пираты никогда не заходили дальше второго рва, и я не видел оснований ему не верить. Рабочие что-то ремонтировали на стенах и во рвах, когда мы проходили, но они прекратили работу и устали на будущего короля, въезжающего в Страж

Вод.

Когда ворота замка закрылись за нами, последовала еще одна бесконечная приветственная церемония. Люди и лошади жарились под лучами палящего полуденного солнца, пока Келвар и его замок приветствовали Верити. Звучали трубы, а потом бормотание официальных речей заглушалось шумом лошадей и людей. Наконец все закончилось. Мы с Хендсом, стоявшие в задних рядах, поняли это по внезапному общему движению людей и животных, когда строй перед нами сломался.

Всадники спешили, и внезапно среди нас оказались конюшенные Келвара, которые показывали нам, где напоить лошадей, где мы будем спать и, что самое главное для каждого солдата, где мы можем вымыться и поесть. Я пристроился к Хендсу, и мы повели Уголька и его пони в конюшню. Я услышал, как кто-то зовет меня по имени, и, повернувшись, увидел Сига из Баккипа, который показывал меня кому-то, одетому в цвета Келвара:

– Вот он, здесь. Вот это Фитц. Хо, Фитц. Сицвелл говорит, тебя вроде кличут! Верити зовет тебя. Леон заболел. Хендс, отведи Уголька в конюшню.

Я почти чувствовал, как еду вырвали у меня изо рта, но набрал в грудь воздуха и весело улыбнулся Сицвеллу, как учил меня Баррич. Сомневаюсь, чтобы суровый Сицвелл заметил это. Для него я был только еще один мальчик, который вертится под ногами в сумасшедший день. Он отвел меня в

комнату Верити и оставил там, явно испытывая облегчение, что может наконец вернуться в конюшни. Я тихо постучал, и слуга Верити тут же открыл дверь.

— А, слава Эде, это ты. Входи скорей, эта зверюга не желает есть, и Верити уверен, что это серьезно. Поспеши, Фитц.

У слуги был значок Верити, но я никогда не видел его раньше. Иногда меня немного смущало то, что множество людей знали, кто я такой, хотя я не имел ни малейшего представления, кто они. В смежной комнате Верити плескался в тазу и громко наставлял кого-то, какой костюм следует приготовить ему на вечер. Но это была не моя забота. Моей заботой был волкодав Леон.

Я прощупал его сознание, поскольку, когда Баррича не было рядом, мне нечего было бояться. Леон поднял тяжелую голову и страдальчески посмотрел на меня. Он лежал на пропотевшей рубашке Верити в углу у холодного очага. Ему было очень жарко и очень скучно, и если мы не собираемся на охоту, тогда он хочет домой.

Я изобразил маленький спектакль, ощупав его, посмотрев на его десны и положив руку ему на живот, а потом почесал его за ухом и обратился к слуге Верити:

— С ним все в порядке. Он просто не голоден. Давайте дадим ему миску холодной воды и подождем. Если захочет есть, то даст нам знать. И лучше уберем все это, потому что еда испортится от такой жары, а он съест ее и по-настоящему заболеет.

Я направился к миске, уже переполненной остатками пирожных с подноса, который был прислан Верити. Для собаки ничто из этого не годилось, но я был так голоден, что с радостью пообедал бы этим сам. Мой желудок просто зарычал при виде миски с едой.

— Может быть, на кухне у них найдется для него свежая говяжья кость. Это скорее игрушка, чем еда, и она понравится ему сейчас больше всего...

— Фитц? Это ты? Иди сюда, мальчик! Что беспокоит моего Леона?

— Я принесу кость, — заверил меня слуга, и я поднялся и пошел в соседнюю комнату.

Мокрый Верити встал из ванны и взял протянутое слугой полотенце. Он быстро промокнул волосы и, вытираясь, спросил еще раз:

— Что случилось с Леоном?

Таков был Верити. Недели прошли с тех пор, как мы разговаривали в последний раз, но он не тратил времени на приветствия. Чейд сказал, это его недостаток, раз он не дает людям чувствовать, что они важны для него. Думаю, Верити считал, что, если бы со мной случилось что-нибудь значительное, ему бы об этом обязательно рассказали. Но его грубоватая сердечность мне была по душе. Он считал, что раз никто не говорит ему противоположного, значит все идет хорошо.

— Ничего особенного, сир. Он немного не в форме от жары

и от путешествия. Ночной отдых в прохладном месте оживит его. Но я бы не давал ему остатки пирожных и жирную еду. По крайней мере, в такую жару.

– Хорошо. – Верити нагнулся, чтобы вытереть ноги. – Скорее всего, ты прав, мальчик. Баррич говорит, что ты знаешь подход к собакам, и я не буду пренебрегать твоим советом. Просто Леон казался таким апатичным! И обычно у него хороший аппетит, особенно если он получает что-нибудь с моей тарелки. – Верити казался смущенным, как будто его застали сюсюкающим с ребенком.

Я не знал, что сказать.

– Если это все, сир, я могу вернуться в конюшни?

Он озадаченно посмотрел на меня через плечо:

– По-моему, это напрасная трата времени. Хендс приглядит за твоей лошастью, верно? Тебе следует выкупаться и одеться, если ты не хочешь опоздать к обеду. Чарим? У тебя найдется для него вода?

Слуга, раскладывавший на кровати одежду Верити, выпрямился.

– Одну секунду, сир. И я приготовлю его одежду тоже.

В течение следующего часа мое положение в мире, казалось, перевернулось. Я знал, что это должно произойти. И Баррич, и Чейд пытались подготовить меня к этому. Но так неожиданно было превратиться из мелкого подручного в Баккипе в человека из официального окружения Верити! Я немного нервничал. Все остальные считали, что я в курсе

происходящего. Верити оделся и вышел из комнаты прежде, чем я залез в ванну. Чарим сообщил мне, что он отправился посоветоваться с капитаном стражи. Я был благодарен за то, что Чарим оказался таким сплетником. Он не считал меня слишком важной персоной, чтобы удерживаться от болтовни и жалоб в моем обществе.

– Я тебе здесь постелю. Скорее всего, ты не замерзнешь. Верити сказал, что хочет, чтобы тебя разместили поблизости от него, и не только для того, чтобы ты ухаживал за собакой. У него есть для тебя и другая работа.

Чарим с надеждой помолчал. Чтобы не отвечать, я погрузил голову в тепловатую воду и стал смывать пыль и пот с волос, потом вынырнул, чтобы вдохнуть.

Чарим печально покачал головой:

– Я разложу для тебя одежду. Оставь мне эту, грязную. Я ее выстираю.

Странно было, что кто-то прислуживает мне, пока я моюсь, и еще более странно, что кто-то заботится о моем наряде. Чарим настоял на том, чтобы разгладить складки на моем камзоле, и проследил, чтобы рукава на новой лучшей рубашке висели в полную длину, что крайне меня раздражало. Волосы мои уже достаточно отросли, чтобы запутаться, и Чарим разодрал колтуны быстро и очень болезненно. Мальчику, привыкшему одеваться самому, эта процедура казалась бесконечной.

– Кровь-то сказывается, – почти с благоговейным страхом

произнес кто-то у меня за спиной.

Я обернулся и увидел Верити – он стоял в дверях и глядел на меня со смесью боли и удивления на лице.

– Он просто копия Чивэла в этом возрасте, разве нет, мой лорд? – в голосе Чарима слышалась нескрываемая гордость за проделанную работу.

– Да. – Верити откашлялся. – Ни один человек не усомнится в том, кто твой отец, Фитц. Хотел бы я знать, о чем думал король, когда велел мне показать тебя в выгодном свете? Шрюд Проницательный его зовут, проницательный он и есть. Хотел бы я знать, на что он рассчитывал? А, ладно. – он вздохнул. – Таков его способ править, и предоставим это ему. А мой способ – это просто спросить фатоватого старика, почему он не может должным образом содержать сторожевые башни. Пойдем, мальчик. Нам пора идти.

Он повернулся и пошел вперед, не ожидая меня. Когда я поспешил вслед за ним, Чарим поймал меня за руку:

– Три шага позади него и слева. Запомни.

Я последовал этим указаниям. Верити шел по коридору, а сопровождающие его в поездке аристократы выходили из комнат и следовали за принцем. Все были одеты в лучшие, тщательно продуманные костюмы, чтобы покрасоваться и вызвать зависть за пределами Баккипа. Длина моих рукавов вполне соответствовала общей картине. По крайней мере, мои туфли не были увешаны крошечными колокольчиками и тихо брякающими янтарными бусами.

Верити поднялся, остановился на верхней ступеньке лестницы, ведущей в пиршественный зал. Сразу наступила тишина. Я смотрел на лица людей, обращенные к принцу. Каких только чувств не отражалось на них! Некоторые женщины жеманно улыбались, другие усмехались. Некоторые молодые люди норовили принять картинные позы, чтобы выставить свои наряды в выгодном свете, другие, одетые попроще, вытянулись, словно по стойке смирно. Я читал на лицах зависть, любовь, пренебрежение, страх и даже ненависть. Но Верити удостоил их только быстрым скользящим взглядом и начал спускаться. Толпа расступилась перед нами, остался лишь сам лорд Келвар, который ждал нас, чтобы провести в обеденный зал.

Келвар оказался не таким, как я ожидал. Верити называл его фатоватым, но я увидел быстро стареющего человека, тощего и суетливого. Келвар носил экстравагантный наряд, словно доспехи, которые должны были защитить его от неумолимого времени. Его седеющие волосы были затянуты сзади в тонкий хвост, как будто он все еще воин, его походка выдавала в нем человека, прекрасно владеющего мечом.

Я видел его так, как Чейд учил меня видеть людей, и думал, что достаточно хорошо понял его даже прежде, чем мы расселись. Но только после того, как мы сели за стол (отведенное мне место, к моему удивлению, оказалось довольно близко к главе стола), мне удалось глубже проникнуть в душу этого человека. Нет, сам Келвар ничем не выдал себя, но

я все понял, когда к нам за столом присоединилась его леди.

Леди Грейс была всего на несколько лет старше меня. Она вышла к гостям, обвешанная побрякушками, как сорочье гнездо. Я никогда прежде не видел наряда, который так громко кричал бы о своей баснословной цене и дурном вкусе его хозяйки. Она заняла место за столом, совершив множество выпренних и неестественных жестов, по-птичьи резких и дерганных. Аромат ее духов волнами распространился по залу и донесся даже до меня, и в запахе этом тоже было больше от денег, нежели от цветов. Леди Грейс принесла с собой маленькую собачку – комок шелковистой шерсти с большими глазами. Посюсюкав над песиком, она устроила его у себя на коленях, и маленький зверек лег, положив подбородок на край стола. И все это время она не спускала глаз с принца Верити, пытаясь понять, заметил ли он ее и произвела ли она на него впечатление.

Глядя на то, как Келвар наблюдал за нелепым представлением, которое устроила его жена, и ее флиртом с принцем, я понял, почему лорд не желает содержать сторожевые башни.

Обед стал для меня пыткой. Я был голоден, но правила приличия не разрешали выдавать этого. Я ел, как меня учили, поднимая ложку, когда это делал Верити, и откладывая ее, как только принц переставал ею интересоваться. Мне хотелось большую тарелку горячего мяса с хлебом, но нам предлагали маленькие кусочки мяса со странными специями, экзотические фруктовые компоты, белые хлебцы и

тушеные овощи, соответствующим образом приправленные. Это был типичный пример хорошей еды, загубленной во имя моды. Я видел, что у Верити такой же слабый аппетит, и раздумывал, все ли видят, что на принца эта еда не произвела впечатления.

Чейд учил меня лучше, чем я думал. Я мог вежливо кивать моей соседке по столу, веснушчатой молодой женщине, говорившей о том, как трудно нынче достать в Риппоне хорошую льняную ткань, и в то же время улавливать ключевые фразы застольных бесед. Никто не говорил о том, что привело нас сюда. Верити и лорд Келвар завтра обсудят дела наедине. Но многое из того, что мне удалось услышать, касалось оснащения сторожевой башни и установки на ней добавочных огней.

Я слышал, как люди ворчали, что за дорогами теперь следят не так хорошо, как раньше. Какая-то дама заметила, как она была рада увидеть, что закончено восстановление укреплений замка Страж Вод. Другой человек сокрушался, что во Внутренних герцогствах грабежи на дорогах стали обычным делом и он едва может рассчитывать на две трети купцов, проходящих из Фарроу. Должно быть, именно из-за участвовавшего разбоя моя соседка по столу никак не могла купить добротную ткань. Я смотрел на лорда Келвара и на то, как он ловит каждый жест своей молодой жены. Казалось, я слышу шепот Чейда: «Вот герцог, чьи мысли далеки от управления его герцогством». Я подозревал, что леди Грейс носит в каче-

стве платьев хорошие дороги и защиту караванов от разбойников. Возможно, драгоценности, висевшие в ее ушах, должны были пойти на плату людям, которым следовало нести вахту на башнях Сторожевого острова.

Обед наконец закончился. Мой желудок был полон, но аппетит не уменьшился, потому что еда была несерьезной. После этого нас развлекали два менестреля и поэт, но я прислушивался к случайным фразам, оброненным за столом, а не к красивым строфам поэта и пению менестреля. Келвар сидел по правую руку Верити, а его супруга по левую, ее собачка примостилась на коленях у хозяйки. Леди Грейс явно наслаждалась обществом принца. Она касалась пальчиками то серьги, то браслета, – видимо, она не привыкла носить так много украшений. Я подозревал, что она вышла из простого рода и испытывала страх и благоговение перед собственным положением. Один менестрель спел «Прекрасную розу среди клевера», не спуская глаз с ее лица, и был вознагражден румянцем, вспыхнувшим на щеках леди.

Но вечер все длился и длился, я начал уставать и заметил, что леди Грейс тоже увядает. Один раз она зевнула и слишком поздно подняла руку, чтобы прикрыть рот. Собачка уснула у нее на коленях и поскуливала от своих простеньких снов. Чем более сонной становилась Грейс, тем больше она напоминала мне ребенка. Она нянчила собаку, как будто это была кукла, и откидывала голову назад. Дважды она начинала клевать носом. Я видел, как она тайком пощипы-

вала кожу у себя на запястье, чтобы не заснуть. Грейс явно испытала большое облегчение, когда Келвар подозвал поэта и менестрелей, чтобы поблагодарить их за работу. Она приняла руку лорда, и они удалились в опочивальню, не забыв и собачку, уютно устроившуюся на руках у хозяйки.

Я испытал облегчение, отправившись наверх, в переднюю Верити. Чарим нашел для меня перьевую перину и несколько одеял. Мне было так же удобно, как на моей кровати в Баккипе. Хотелось спать, но Чарим жестом указал мне на спальню Верити. Принц, настоящий солдат, не пользовался услугами лакеев, чтобы раздеться перед сном. Только мы с Чаримом ухаживали за ним. Чарим кудахтал и бормотал, следуя за Верити, поднимая и разглаживая одежду, которую принц разбрасывал по углам. Сапоги принца он немедленно отнес в угол и начал натирать кожу ваксой. Верити натянул через голову рубашку и повернулся ко мне:

– Ну, что ты можешь мне сказать?

И я доложил ему, как докладывал Чейду, стараясь излагать все услышанное как можно ближе к тексту и отмечая, кто и кому говорил. Под конец я добавил мои собственные догадки о значении всего этого.

– Келвар взял в жены юную девушку, у которой от роскоши и богатых даров кружится голова, – подытожил я. – Она не имеет никакого представления об ответственности своего положения, не говоря уж о положении мужа. Все мысли, деньги и время Келвара уходят на то, чтобы производить

впечатление на жену, а не на управление герцогством. Если бы это не выходило за рамки приличия, я бы предположил, что мужская сила покидает его и он пытается заменить ее подарками и развлечениями для молодой жены.

Верити тяжело вздохнул. Он улегся в постель во время последней части моего доклада и теперь возился со слишком мягкой подушкой, складывая ее.

– Эх, был бы здесь Чивэл, – сказал он рассеянно. – Это задачка для него, а не для меня. Фитц, ты говоришь как твой отец. Будь он здесь, сразу нашел бы какой-нибудь тонкий ход, чтобы разрешить ситуацию. Чив бы уже к концу первого вечера справился с этим делом, поцеловав кому-нибудь руку и улыбнувшись. Но я так не умею и пытаться не стану. – Он неловко заворочался в постели, словно ожидал, что я скажу что-нибудь по поводу его обязанностей. – Келвар мужчина и герцог. И у него есть долг. Он обязан послать на эту башню нужное количество людей. Это не так уж сложно, и я намереваюсь сказать ему об этом прямо. Он обязан поместить подходящих солдат в эту башню и платить им достаточно, чтобы они хорошо делали свою работу. По-моему, это очень просто. И я не собираюсь устраивать по этому поводу дипломатические танцы. – Он снова заворочался, потом внезапно повернулся ко мне спиной. – Погаси свет, Чарим.

Чарим немедленно исполнил приказание, и я оказался в полной темноте. Пришлось мне на ощупь искать выход из комнаты и свою постель.

Я улегся и стал размышлять о том, почему Верити видит так мало. Да, он может вынудить Келвара отправить отряд на башню. Но он не может заставить его набрать хороших солдат или считать это делом чести. Это был вопрос дипломатии. А разве герцог не обязан заботиться о хороших дорогах, починке укреплений и охране торговых путей? Но он не делал ничего, надо указать Келвару на это так, чтобы не оскорбить его достоинство. И необходимо примирить их с лордом Шемши. И кто-нибудь должен взять на себя труд научить леди Грейс ее обязанностям. Так много забот! Но как только моя голова коснулась подушки, я уснул.

Глава 9

Полные закрома

Шут появился в Оленьем замке на семнадцатый год правления короля Шрюда. Это один из немногих фактов, которые о нем известны. По слухам, король получил его в подарок от торговцев Удачного. О происхождении шута можно было только догадываться. Ходила разная молва. Говорили, например, что шут был пленником пиратов красных кораблей и торговцы Удачного отбили его. По другой версии, шута нашли младенцем, плывущим в маленькой лодке. Он якобы был защищен от солнца зонтиком из акульей кожи и лежал на подстилке из вереска и лаванды. Эту версию можно отбросить как плод фантазии. У нас нет достойных доверия свидетельств о прошлом шута до его появления при дворе короля Шрюда.

Шут почти наверняка был рожден людьми, хотя в полной мере человеком его назвать нельзя. Истории о том, что он был потомок Иного Народа, наверняка лживы, поскольку между пальцами на его руках и ногах не было и следа перепонки. Кроме того, он никогда не выказывал ни малейшего страха перед кошками. Странный облик шута (например, бледные, почти бесцветные волосы, глаза и кожа), видимо, скорее связан с его необычным происхождением, чем с

индивидуальными отклонениями, хотя в этом я могу ошибаться.

Когда речь идет о шуте, то, чего мы не знаем о нем, почти всегда более значительно, чем то, что известно. Когда шут впервые появился в Оленьем замке, о его возрасте можно было только догадываться. Я могу поручиться, что раньше шут выглядел во всех отношениях более юным, чем сейчас. Но поскольку шут почти не выказывает признаков взросления, он, возможно, не был таким юным, каким казался, а скорее находился в конце периода затянувшегося детства. Пол шута тоже является предметом споров. Когда его прямо спрашивали об этом люди более молодые и более развязные, чем я ныне, шут отвечал, что это не касается никого, кроме него самого. Я признаю за ним это право. Что же касается его способности к ясновидению и причудливых надоедливых форм, которые оно принимает, то никто не знает в точности, является ли оно свойством расы или его собственным талантом. Некоторые верят, что он знает все заранее и даже что он всегда в курсе, если кто-нибудь где-нибудь говорит о нем. Другие считают, что он просто очень часто повторяет: «Я же вас предупреждал!» – и берет свои наиболее темные высказывания и впоследствии истолковывает их как пророчество. Может быть, порой так и случалось, но сохранились многочисленные свидетельства того, что он не раз предсказывал грядущие события.

Голод разбудил меня вскоре после полуночи. Некоторое

время я лежал без сна, прислушиваясь к бурчанию в животе. Я закрыл глаза, но мне так хотелось есть, что меня мучило. Тогда я встал и пошел к столу. Вечером там стоял поднос со сладостями, но слуги убрали его. Некоторое время я боролся с собой, но мой желудок вскоре взял верх над благоразумием.

Открыв дверь комнаты, я шагнул в слабо освещенный коридор. Двое часовых, которых там поставил Верити, вопросительно посмотрели на меня.

– Умираю от голода, – сказал я им. – Вы не знаете, где здесь кухня?

Нет такого солдата, который не мог бы ответить на этот вопрос. Я поблагодарил их и пообещал, что принесу им что-нибудь перекусить, и осторожно двинулся по темному коридору. Когда я спускался по ступенькам, мне казалось очень странным, что под ногами не камень, а дерево. Я шел, как меня учил Чейд, – бесшумно передвигая ноги, держась в тени, у самых стен, там, где доски пола меньше скрипели. И притом со стороны никто бы не заметил, что я пускаюсь на все эти ухищрения, – просто мальчик идет по коридору.

Похоже, все обитатели замка крепко спали. Несколько стражников, которых мне пришлось миновать, дремали, никто из них меня не окликнул. В то время я приписал это моей ловкости; а теперь думаю, что они сочли тощего взъерошенного парнишку не стоящим внимания.

Кухню я нашел легко. Это была просторная комната, пол и стены ее были выложены камнем для защиты от огня. Там

было три огромных очага, огонь во всех трех был тщательно засыпан на ночь. Несмотря на поздний (или ранний, это как посмотреть) час, здесь было светло. Кухня замка никогда не спит полностью. Я увидел закрытые сковороды и ощутил запах дрожжевого теста, оставленного на ночь. Большой котел тушеного мяса на краю одного очага был еще теплым. Заглянув под крышку, я решил, что никто не заметит, если я немного подкреплюсь. Я пошарил вокруг и вскоре нашел все, что мне было нужно. От завернутой буханки хлеба на полке я отломил хрустящую горбушку, а в бочке с ледяной водой обнаружилась кадушка с маслом. Это было как раз то, чего мне не хватало: не изысканные яства, а добрая вкусная еда.

Я уже доедал вторую миску мяса, когда услышал шорох и легкие шаги. Я поднял глаза и постарался обезоруживающе улыбнуться, в надежде, что здешняя повариха окажется такой же мягкосердечной, как Сара из Оленьего замка. Но это оказалась не кухарка, а горничная. Она шла, кутаясь в одеяло, накинутое на плечи поверх ночной рубашки, на руках она держала ребеночка. Служанка рыдала. Я смущенно отвел глаза.

Она едва удостоила меня взглядом. Положив запеленатого малыша на стол, она достала миску и зачерпнула холодной воды, все время что-то бормоча. Потом склонилась над младенцем.

– Вот, мой миленький, мой ягненок. Вот, мой дорогой.

Это поможет. Выпей немножечко. Ой, миленький, неужели ты не можешь даже глотать? Ну, открой ротик! Ну... Ну, давай открой ротик.

Я не мог не смотреть на них. Она неловко держала миску и пыталась лить воду в рот ребеночка. Второй рукой она открывала ему рот, применяя гораздо больше силы, чем любящая виденная мною мать. Служанка наклонила миску, и вода выплеснулась. Я услышал приглушенное бульканье и потом кашляющий звук. Когда я вскочил, чтобы сделать что-нибудь, из свертка высунулась голова маленькой собаки.

– О, он снова задыхается! Он умирает! Мой маленький Шалунишка умирает, и никому, кроме меня, нет до этого дела. Он хрипит, а я не знаю, что делать, и мое солнышко умирает! – она прижимала к себе собачку, а та кашляла и задыхалась, бешено трясая маленькой головкой, потом затихла.

Если бы я не слышал затрудненного дыхания, то готов был бы поклясться, что бедный песик умер на руках у хозяйки. Его темные глаза встретились с моими, и я ощутил всю силу ужаса и боли маленького существа.

«Не бойся, все хорошо», – постарался мысленно внушить ему я.

– А ну-ка, – услышал я свой голос, – не сжимай его так, этим ты ему не поможешь. Он едва дышит. Поставь его. Разверни одеяльце. Пусть сам решает, как ему удобнее всего. Когда он так запеленат, ему слишком жарко, он пытается вдохнуть и тут же давится. Поставь его.

Служанка была на голову выше меня, и на миг я испугался, что она не послушается, но девушка позволила мне взять собаку у нее из рук и развернуть несколько стеганых одеял. Я поставил песика на стол.

Маленькое существо ужасно страдало. Он стоял, голова его висела между передними ногами, грудь и мордочка были скользкими от слюны, живот – раздувшимся и твердым. Он снова начал давиться и кашлять. Он широко открыл пасть, губы оттянулись, оскалив острые зубки. Цвет языка свидетельствовал о непомерных усилиях. Девушка пискнула и кинулась вперед, пытаясь снова схватить его, но я грубо ее оттолкнул.

– Не трогай его! – прикрикнул я на нее. – Он хочет, чтобы его вырвало, но не может, когда ты его сжимаешь.

Она остановилась.

– Вырвало?

– Он выглядит и ведет себя, как будто у него что-то застряло в глотке. Мог он добраться до костей или перьев?

Она потрясенно уставилась на меня.

– В рыбе были кости, но только очень маленькие.

– Рыба? Какой дурак подпустил его к рыбе? Свежая она была или тухлая?

Мне случалось видеть, как худо бывает собакам, когда они добираются до протухшей выпотрошенной лосося на берегу реки. Если маленький песик сожрал что-то в этом роде, ему не выжить.

– Та же самая форель, которую я ела за обедом.

– Ну что ж, по крайней мере, это, видимо, не ядовито. Тогда это просто кость. Но если она уйдет вниз, то может убить его.

Горничная ахнула.

– Нет, не может! Он не должен умереть! Он поправится. У него просто испортился желудок. Я его слишком много кормила. Он поправится. Откуда ты, поваренок, разбираешься в собаках?

Я наблюдал за очередным приступом судорожной рвоты у песика. Ничего не выходило, кроме желтой слюны.

– Я не поваренок, я псарь. Личный псарь Верити, если хочешь знать. И если мы не поможем этому маленькому глупышу, он умрет.

Я схватил ее маленького питомца. Девушка смотрела на меня со смесью благоговейного страха и ужаса.

«Я стараюсь помочь», – нашептывал я. Песик не верил мне. Я разжал его челюсти и запустил два пальца ему в глотку. Собачка стала давиться еще сильнее и изо всей силы царапала меня передними лапами. Когти его, кстати, требовали подрезания. Кончиками пальцев я нащупал кость. Я пошевелил ее и почувствовал, что она поддается. Но кость застряла поперек маленькой глотки. Собачка приглушенно завыла и яростно забилась в моих руках. Я отпустил ее.

– Что ж. Сам он от этой кости не избавится, – заключил я.

Я оставил служанку хныкать и причитать над песиком.

По крайней мере, она не хватает и не тискает его. Я достал немного масла из кадки и положил его в свою миску из-под мяса. Теперь мне нужно было что-то вроде крючка, но не слишком большое. Я порылся в ящиках и наконец нашел изогнутый металлический крючок с рукояткой. Возможно, им пользовались, чтобы вынимать горшки из огня.

– Сядь, – приказал я девице.

Она очумело уставилась на меня, но послушно села на скамейку, на которую я ей указал.

– А теперь зажди его между коленями и не отпускай, как бы он ни царапался, ни брыкался и ни визжал. И придержи-вай его передние лапы, чтобы он не процарапал меня до ребер, пока я буду помогать ему. Поняла?

Горничная глубоко вздохнула, потом сглотнула и кивнула. Слезы ручьями бежали по ее лицу. Я поставил собаку к ней на колени и положил руки девицы на спину песика.

– Держи крепко, – сказал я ей и зачерпнул комочек масла. – Я хочу смазать ему глотку жиром. Потом мне придется раскрыть ему пасть и выдернуть косточку. Ты готова?

Девушка кивнула. Слезы больше не лились, губы ее были сжаты. Я был рад, что в ней нашлась хоть какая-то сила воли, и кивнул в ответ.

Запихнуть ему в глотку масло было легко. Однако оно заткнуло песику горло, и ему стало еще страшнее. Мое самообладание содрогнулось под волнами его ужаса. У меня не было времени на нежности. Я силой развел его челюсти и за-

пустил крючок в глотку. Я надеялся, что крючок не воткнется в плоть. Ну а если бы это и произошло, песик, если ему не помочь, все равно был обречен. Я повернул инструмент у него в горле, а пес извивался и визжал и описал всю хозяйку. Крючок зацепил кость, и я потянул ровно и уверенно.

Она вышла вместе с комком слюны, пены и крови, злобная маленькая косточка, и вовсе не рыба, а грудная кость маленькой птицы. Я швырнул ее на стул.

– И птичьих костей ему тоже нельзя давать, – свирепо сказал я девице.

Не думаю, что она слышала меня. Собака благодарно хрипела у нее на коленях. Я поднял миску с водой и протянул песику. Он обнюхал ее, полакал немного и потом свернулся в изнеможении. Девица подняла его и стала баюкать, прижимая к груди, как младенца.

– Пообещай мне кое-что, – начал я.

– Что угодно. – она говорила, уткнувшись в шерстку любимца. – Проси, и это твое.

– Во-первых, перестань кормить его своей едой. Некоторое время давай ему только баранину или говядину и каши. Столько, сколько поместится у тебя в горсти, – для такой маленькой собачки больше не нужно. И не носи его повсюду. Заставляй его бегать, чтобы у него появились мускулы и стерлись когти. И вымой его. Он отвратительно пахнет. Шкура и дыхание. Это от слишком жирной пищи. Иначе он не проживет больше года-двух.

Девушка подняла на меня глаза, во взгляде ее застыло изумление. Ее рука метнулась к губам почти тем же движением, каким она самодовольно ощупывала свои драгоценности за обедом, – и я вдруг понял, кому читаю нотации. Леди Грейс. А я заставил собаку описать ее ночную рубашку.

Что-то в моем лице, видимо, выдало меня. Она восторженно улыбнулась и крепче прижала к себе собачку.

– Я сделаю все, что ты сказал, маленький псарь. Ну а для тебя? Неужели ты ничего не попросишь?

Она думала, что я попрошу монетку или кольцо, а может быть, даже место при ее дворе; вместо этого я посмотрел на нее так твердо, как только мог, и сказал:

– Пожалуйста, леди Грейс, я прошу вас убедить вашего лорда отправить на башню Сторожевого острова лучших людей. Пора положить конец разногласиям между Риппоном и герцогством Шокс.

– Чего?

Это единственное слово рассказало мне о ней целые тома. Такому выговору и интонациям в высшем свете не учат.

– Попросите вашего лорда как следует содержать сторожевые башни. Пожалуйста.

– Какое дело мальчику-псарю до таких вещей?

Это был слишком прямой вопрос. Не знаю, где Келвар отыскал себе жену, но до замужества она не была ни богатой, ни благородной. Ее восторг, когда я узнал ее, и то, что она принесла собаку вниз, к привычному уюту кухни, сама,

завернув в свое одеяло, — все это выдавало в ней девушку из простонародья, слишком быстро и слишком резко возвысившуюся по сравнению с ее прежним положением. Она была одинокой, неуверенной в себе и совершенно не умела делать то, чего от нее ожидали. Что еще хуже, она знала, что невежественна, и это знание грызло ее и отравляло ей жизнь страхом. Если она не научится быть герцогиней, прежде чем ее молодость и красота потускнеют, ее будут ждать лишь долгие годы одиночества и насмешек. Эта юная леди нуждалась в наставнике, который помогал бы ей тайно, как Чейд учил меня.

И еще леди Грейс нуждалась в том совете, который я мог ей дать. Но мне следовало действовать осторожно, потому что она не приняла бы совета от мальчика-псаря. Это могла бы сделать только простая девушка, а если Грейс и была в чем-то уверена, так это в том, что она больше не простая девушка, а герцогиня.

— Я видел сон, — сказал я, ощутив внезапный прилив вдохновения. — Такой ясный... Как видение. Или предупреждение. Он разбудил меня, и я почувствовал, что должен прийти на кухню. — Я постарался сделать взгляд рассеянным, словно смотрю куда-то в неведомые дали. Юная герцогиня во все глаза смотрела на меня. Я добился своего. — Мне снилась женщина, которая говорила мудрые слова и превратила трех сильных мужчин в единую стену, которую не смогли сломить пираты красных кораблей. Она стояла перед ними, и на ру-

ках ее были драгоценности, и она сказала: «Пусть сторожевые башни сияют ярче, чем самоцветы в этих кольцах. Пусть бдительные часовые охватят наши берега, как эти жемчуга охватывают мою шею. Пусть заново отстроятся крепости и будут готовы отразить любую напасть, угрожающую нашему народу. Потому что я буду рада, если моим единственным украшением в глазах короля и народа будут бриллианты наших защищенных земель». И король, и его герцоги были потрясены благородством ее души и мудростью ее сердца. Но сильнее всех ее полюбил народ, потому что люди знали, что она любит и ценит их больше, чем золото или серебро.

Получилось коряво и совсем не так красиво, как мне хотелось, но мои слова зацепили воображение леди Грейс. Я по ее глазам видел, что она представляет себе, как прямо и благородно стоит перед будущим королем и покоряет его сердце своей жертвой. Я чувствовал в ней горячее желание прославиться, чтобы люди, среди которых она выросла, восхищались ею. Это показало бы им, что теперь она истинная герцогиня, а не просто жена правителя. Лорд Шемши и его приближенные донесли бы весть о ее поступке до герцогства Шокс, менестрели воспели бы ее слова в балладах. И ей наконец-то удалось бы произвести впечатление на мужа, поразить его. Пусть увидит в ней женщину, которая заботится о земле и людях больше, чем о красивых безделушках, которыми он заманил ее. Я почти воочию видел, как все эти мысли бушуют в ее голове. Глаза леди Грейс смотрели вдаль, на

лице блуждала улыбка.

– Спокойной ночи, мальчик-псарь, – сказала она тихо и величественно выплыла из кухни, прижав к груди собачку.

Одеяло ниспадало с ее плеч, словно горностаевая мантия. Завтра леди Грейс прекрасно сыграет роль. Я усмехнулся про себя – мне вдруг подумалось, что, похоже, я выполнил свою миссию без помощи яда. Не то чтобы я действительно разнюхал, был ли Келвар виновен в измене, но интуиция подсказывала, что мне удалось нащупать корень здешних бед. Я готов был поспорить, что не пройдет и недели, как сторожевые башни будут обеспечены всем необходимым.

И я отправился назад в постель, прихватив из кухни буханку свежего хлеба, – я отдал ее стражам, которые впустили меня обратно в спальню Верити. Где-то далеко на башне замка горн протрубил час ночи. Я не обратил на это особого внимания и зарылся обратно в постель. Желудок мой был доволен, я предвкушал дивный спектакль, который сыграет завтра леди Грейс. Засыпая, я поспорил сам с собой, что на ней будет что-нибудь прямое, простое и белое, а волосы будут распущены.

Этого мне так и не суждено было узнать. Казалось, всего через мгновение меня разбудили, трясая за плечо. Я открыл глаза и увидел согнувшегося надо мной Чарима. Слабый свет одной свечи отбрасывал слабые тени на стены комнаты.

– Просыпайся, Фитц, – прошептал он хрипло. – В замок прибыл гонец от леди Тайм. Она требует, чтобы ты пришел

немедленно. Твою лошадь уже готовят.

– Меня? – глупо спросил я.

– Конечно. Я приготовил тебе одежду. Одевайся, но не шуми. Верити еще спит.

– Зачем я ей понадобился?

– Ну, я не знаю. В послании об этом не говорилось. Может быть, леди Тайм заболела, Фитц. Гонец сказал только, что она требует тебя немедленно. Я думаю, ты все узнаешь, когда приедешь к ней.

Слабое утешение. Но этого было достаточно, чтобы возбудить во мне любопытство. Как бы там ни было, а ехать все равно бы пришлось. Я не знал точно, в каком родстве леди Тайм была с королем, но она была по положению много выше меня. Я не смел пренебречь ее приказом. Я быстро оделся при свете свечи и покинул свою комнату – второй раз за эту ночь. Хендс уже оседлал Уголька, и она была готова – вместе с парой непристойных шуток о моей ночной поездке. Я посоветовал ему не скучать, пока меня не будет, и уехал. Стражи, предупрежденные о моем скором появлении, без задержек выпустили меня из замка. Дважды в городе я спутал поворот. Ночью все выглядело по-другому, вдобавок днем я не особенно обращал внимание на дорогу. Наконец я нашел двор трактира. Обеспокоенная трактирщица не спала, и в окне ее горел свет.

– Она стонет и зовет вас уже почти час, – встревоженно сказала она. – Боюсь, что это серьезно, но она не хочет впус-

кать никого, кроме вас.

Я поспешил по коридору к ее двери и осторожно постучал, ожидая, что в ответ вредная старуха вполне может визгливо приказать мне убираться и не беспокоить ее. Вместо этого я услышал дрожащий стон:

– А, Фитц, это ты наконец? Поспеш, мальчик, ты мне нужен.

Я набрал в грудь побольше воздуха и поднял щеколду. Я вошел в полутемную душную комнату, задерживая дыхание от водопада запахов, хлынувших мне в ноздри. «Запах смерти вряд ли был бы хуже этого», – подумал я про себя. Тяжелые занавеси закрывали кровать. Единственным источником света в комнате была оплывающая в подсвечнике свеча. Я поднял ее и подошел ближе к кровати.

– Леди Тайм, что случилось? – спросил я тихо.

– Мальчик, – тихий голос раздался из темного угла комнаты.

– Чейд, – сказал я и мгновенно почувствовал себя полным дураком.

– Нет времени для объяснений. Не огорчайся, мальчик. Леди Тайм одурачила в свое время много народу и будет продолжать в том же духе. По крайней мере, я на это надеюсь. Теперь доверься мне и не задавай вопросов. Просто делай то, что я скажу. Сперва иди к трактирщице. Скажи ей, что у леди Тайм приступ и ее нельзя трогать несколько дней. Скажи, чтобы ее не тревожили ни при каких обстоятельствах.

Ее правнучка придет ухаживать за ней.

– Кто...

– Это уже устроено. Ее правнучка будет приносить ей еду и все необходимое. Просто подчеркни, что леди Тайм нужна тишина и пусть ее оставят в покое. Пойди и скажи это.

Так я и сделал. Я был так потрясен, что говорил весьма убедительно. Трактирщица заверила меня, что не позволит никому даже постучать в дверь, потому что очень бы не хотела потерять благоволение леди Тайм к ее трактиру и ее услугам. Из чего я заключил, что леди Тайм платит ей воистину щедро.

Я снова тихо вошел в комнату, бесшумно закрыв за собой дверь. Чейд задвинул засов и зажег новую свечу от мерцающего огарка, потом разложил на столе небольшую карту. Я заметил, что на нем была дорожная одежда: черный плащ, такие же черные сапоги, камзол и штаны. Он внезапно стал выглядеть другим человеком, очень подтянутым и энергичным. Может, и старик в изношенном халате – лишь одна из его масок, подумалось мне. Чейд посмотрел на меня, и на мгновение я готов был поклясться, что смотрю на Верити, солдата. Наставник не дал мне времени на размышления.

– Здесь, между Верити и Келваром, все пойдет как пойдет. А у нас с тобой есть дело в другом месте. Сегодня я получил послание. Пираты красных кораблей нанесли удар по городку под названием Кузница. Это так близко к Бакипу, что уже не просто оскорбление – это настоящая угроза. И

они атаковали как раз в то время, когда Верити отправился в Ладную бухту. Не говори мне, будто они не знали, что он уехал из Оленьего замка. Но это не все. Они взяли заложников. И утащили их на свой корабль. И отправили послание в Баккип самому королю Шрюду. Они требуют золота, много золота, а иначе вернут заложников в поселок.

– Ты хочешь сказать, что пираты убьют их, если не получат золота?

– Нет. – Чейд свирепо замотал головой. Вылитый медведь, на которого напали пчелы. – Нет. Послание было совершенно ясным. Если мы заплатим, они убьют их. Если нет – отпустят. Посланец был из Кузницы, человек, чьи жена и сын тоже попали в плен. Он настаивал на том, что все передает правильно.

– Тогда я не понимаю, что здесь думать, – фыркнул я.

– На первый взгляд я тоже не вижу, о чем тревожиться. Но человек, который доставил послание Шрюду, все еще дрожал, хотя ему пришлось довольно долго скакать. Он не смог ничего объяснить и даже не смог сказать, стоит ли, по его мнению, платить золото или нет. Все, что он мог, – это снова и снова повторять, как улыбался капитан корабля и как остальные пираты хохотали, когда он обещал отпустить заложников, если мы не заплатим.

– Поэтому, – продолжал Чейд, – мы с тобой отправимся посмотреть, в чем там дело, ты и я. Сейчас. Прежде чем король даст какой-нибудь официальный ответ, даже прежде

чем узнает Верити. Теперь будь внимателен. Вот это дорога, по которой мы прибыли в Ладную Бухту. Видишь, как она следует изгибу береговой линии? А вот это тропа, по которой мы поедем теперь. Она идет гораздо прямее, но там местами болота и крутые склоны, так что по ней никогда не ездили на телегах. Но всадники выбирают этот путь, если им дорого время. Вот здесь, на берегу, нас ждет маленькая лодка; переплыв залив, мы выиграем много времени и сократим путь на много миль. Мы высадимся тут и поднимемся наверх, в Кузницу.

Я изучал карту. Кузница была севернее Баккипа; я подумал, сколько же времени понадобится посланнику, чтобы добраться до нас, и не исполнят ли пираты красных кораблей свою угрозу к тому времени, когда мы доберемся до места. Но это было пустое любопытство.

– А откуда мы возьмем тебе лошадь?

– Это было устроено. Тем, кто принес это послание. Там, снаружи, стоит гнедой с тремя белыми ногами. Он для меня. Тот, кто доставил послание, обеспечит также правнучку для леди Тайм. Лодка ждет.

– Один вопрос, – сказал я, не обращая внимания на то, что он нахмурился. – Я должен спросить это, Чейд. Ты здесь, потому что не доверяешь мне?

– Что ж, прямой вопрос, на мой взгляд. Нет. Я приехал сюда, чтобы слушать то, что говорят в городе – женские разговоры, сплетни, слухи, – как ты должен был слушать в зам-

ке. Шляпницы и продавщицы пуговиц могут знать больше, чем советник высокого короля, и при этом даже не догадываться о своей осведомленности. Так мы едем?

И мы поехали. Мы вышли через боковой вход, гнедой был привязан у самых дверей. Угольку он не очень-то пришелся по нраву, но она была воспитанной лошадкой и не стала открыто возражать. Я ощущал нетерпение Чейда, но он не давал лошадям ускорять шаг, пока мы не оставили позади мощенные булыжником улицы Ладной бухты. Когда свет домов угас вдаль, мы пустили лошадей легким галопом. Чейд ехал впереди, и я удивлялся, как хорошо он держится в седле и выбирает дорогу в темноте. Угольку не нравилось такое быстрое путешествие среди ночи. Если бы не почти полная луна, не думаю, что мне удалось бы заставить ее не отставать от гнедого.

Никогда не забуду этой ночной скачки. Не потому, что мы мчались во весь опор спасать несчастных пленников, а именно потому, что никакого безумного галопа не было. Чейд использовал лошадей, как будто они были игральными фишками на доске. Он не играл на скорость, он играл ради победы. И поэтому временами лошади шли шагом и отдыхали, и иногда мы спешили, чтобы помочь им преодолеть опасные места. Когда небо из черного стало серым, мы остановились, чтобы перекусить запасами из седельных сумок Чейда. Мы устроили привал на вершине холма, так густо заросшего лесом, что небо едва проглядывало над головой. Я слышал

океан и чуял его запах, но ничего не видел. Дорога превратилась в узкую стежку, немногим шире оленьей тропы. Теперь, когда мы не двигались, я чувствовал бурную жизнь вокруг нас. Птицы перекликались, и я слышал шорохи мелких зверьков в кустарнике и в ветвях над головой. Чейд потянулся, потом опустился и сел в глубокий мох, прислонившись спиной к дереву. Он долго пил воду из меха, потом, почти столь же долго, бренди из фляжки. Он казался усталым, и дневной свет выдавал его возраст более беспощадно, чем это когда-либо делал свет фонаря. «Выдержит ли он такую поездку?» – подумал я.

– Со мной все будет в порядке, – сказал он, заметив, что я за ним наблюдаю. – Мне приходилось делать и более трудную работу, чем эта, и спать еще меньше. Кроме того, если переправа пройдет благополучно, мы сможем пять-шесть часов передохнуть в лодке. Так что нет нужды думать о сне. Поехали, мальчик.

Примерно через два часа мы добрались до развилки и снова выбрали менее торную тропу. Вскоре я почти лежал на шее Уголька, чтобы избежать ударов низких веток. Воздух был сырым и теплым, кроме того, мы были осчастливлены посещением мириад мелких мошек, которые терзали лошадей и забирались в мою одежду, движимые желанием попить. Их было так много, что когда я наконец набрался храбрости спросить Чейда, не заблудились ли мы, то чуть не задохнулся из-за целой тучи мух, норовивших влететь мне

в рот.

В середине дня мы оказались на овеваемом ветром склоне. Я снова увидел океан. Ветер остудил вспотевших лошадей и смел насекомых. Было огромным наслаждением снова выпрямиться в седле. Дорога стала достаточно широкой, так что я мог ехать рядом с Чейдом. Лиловато-синие точки резко выделялись на его бледном лице. Мой наставник казался теперь даже более белокожим, чем шут. Под глазами Чейда залегли черные тени. Он заметил, что я смотрю на него, и нахмурился.

– Лучше бы доложился, вместо того чтобы пялиться на меня.

Так я и сделал. Трудно было в одно и то же время следить за дорогой и за его лицом, но, когда он фыркнул во второй раз, я посмотрел на него и увидел кривую улыбку. Я закончил доклад, и он покачал головой:

– Везение. То же везение, что было у твоего отца. Если все дело действительно только в леди Грейс, твоей кухонной дипломатии может оказаться достаточно, чтобы спасти положение. То, что я слышал в городе, вполне согласуется с твоими выводами. Что ж. Раньше Келвар был хорошим герцогом; похоже, его просто сбила с толку молодая жена. – он внезапно вздохнул. – И все-таки хорошего мало. Верити отправляется в Ладную Бухту, чтобы попенять нерадивому правителю, а во время отсутствия принца пираты нападают чуть ли не на Баккип. Проклятье! Мы так многого не знаем! Как

могли пираты пройти мимо наших башен незамеченными? Откуда они знали, что Верити уехал из Баккипа? Или пиратам просто повезло? И что означает этот странный ультиматум? Это угроза или издевательство?

Некоторое время мы ехали молча.

– Хотел бы я знать, что собирается предпринять Шрюд? Когда король отправлял мне послание, он еще не решил, как поступить. Может статься, мы приедем в Кузницу и обнаружим, что все уже устроилось. И хотел бы я точно знать, что Шрюд передал Верити при помощи Силы. Говорят, что в прежние дни, когда больше людей владело Силой, человек мог узнать, что думает его вождь, просто некоторое время помолчав и послушав.

Но возможно, это всего лишь легенда. Теперь Силой владеют не многие. Мне кажется, это пошло еще со времен короля Баунти. Держать Силу в тайне, чтобы она была доступна лишь избранным, и тогда она станет более ценной – вот логика того времени. Я никогда особенно не понимал ее. Ведь то же самое можно сказать и о хороших лучниках или штурманах. Тем не менее я думаю, что аура таинственности может придать вождю больше веса среди его людей... Или для такого человека, как Шрюд. Ему бы было очень приятно, что его подчиненные никогда не знают, читает он их мысли или нет... Да, это бы ему понравилось, понравилось...

Сперва я думал, что Чейд очень огорчен или даже рассержен. Я никогда не слышал, чтобы он был так многословен.

Но когда его лошадь шарахнулась от белки, перебежавшей дорогу, Чейд чуть не упал. Я протянул руку и схватил его поводья.

– Ты здоров? Что случилось?

Он медленно покачал головой:

– Ничего. Когда мы доберемся до лодки, я буду в порядке.

Мы просто должны ехать, уже не очень далеко.

Его бледная кожа стала серой, и при каждом шаге лошади он покачивался в седле.

– Давай немного отдохнем, – предложил я.

– Прилив не ждет. Отдых мне не поможет. Что это за отдых – сидеть и переживать, как бы наша лодка не разбилась о скалы, пока мы тут прохлаждаемся. Нет. Мы должны продолжать путь. – И он добавил: – Доверься мне, мальчик. Я знаю, что я могу сделать, и не так глуп, чтобы пытаться сделать больше.

И мы ехали. Больше мы, в сущности, почти ничего не могли сделать. Но я ехал чуть впереди его лошади, чтобы перехватить поводья в случае необходимости. Шум океана становился громче, а дорога резко пошла в гору. Вскоре, хотел я того или нет, мне пришлось ехать впереди.

Мы совсем уже выбрались из кустарника на отвесный берег, выходивший на песчаный пляж.

– Благодарение Эде, они здесь, – пробормотал Чейд у меня за спиной, и я увидел плоскодонное суденышко, болтающееся у самого берега.

Часовой окликнул нас и помахал в воздухе шапкой. Я махнул ему рукой.

Мы с Чейдом спустились вниз (склон был такой крутой, что копыта лошадей скользили), и Чейд немедленно поднялся на борт. Я остался один с лошадьми. Ни одна из них не жаждала войти в воду, не говоря уж о том, чтобы перейти через низкий фальшборт на палубу. Я попытался проникнуть в их сознание, чтобы дать им понять, чего я хочу, но впервые в жизни обнаружил, что просто слишком устал для этого. Я не мог сосредоточиться. Так что, когда трем отчаянно ругающимся матросам и двум другим, которые влезли вместе со мной в воду, наконец удалось погрузить лошадей, каждая пядь конских шкур и каждая пряжка на сбруе были мокрыми от соленой воды. Как я объясню это Барричу? Это была единственная мысль, занимавшая меня, когда я сидел на банке и смотрел, как гребцы гнут спины, выталкивая суденышко на более глубокую воду.

Глава 10

Открытия

Время и прилив никогда не ждут. Это вечная истина. Моряки и рыбаки вспоминают ее, когда хотят сказать, что прибытие и отплытие кораблей зависят от законов океана, а не от человеческих пожеланий. Но порой, когда моя боль немного притупляется после лечебного чая, я лежу и размышляю об этом. Прилив никогда не ждет, и это истина. Но время? Ожидало ли то время, в которое я родился, моего рождения? Может быть, эти события обрушились неотвратимо, как большие деревянные гири часов Сейнтана, цепляясь за мое зачатие и толкая вперед мою жизнь? Я не претендую на величие, и тем не менее, если бы я не был рожден, если бы мои родители не уступили накатившему вожделению, все могло бы сложиться иначе! Иначе, но лучше ли? Не думаю. И потом я моргаю, и пытаюсь сфокусировать взгляд, и гадаю, мои ли это мысли, или это нашептывает дурман в моей крови? Хорошо было бы хоть еще один-единственный раз посоветоваться с Чейдом.

Когда кто-то потряс меня за плечи и разбудил, солнце уже клонилось к закату.

– Твой господин зовет тебя, – сказали мне, и я мгновенно проснулся.

Чайки, кружащие над головой, свежий морской воздух и плавное покачивание палубы под ногами напомнили мне, где я нахожусь. Я поднялся на ноги, стыдясь того, что заснул, даже не удостоверившись, что с Чейдом все в порядке. Я поспешил на корму, к каюте.

Чейд сидел за крошечным столом и сосредоточенно разглядывал разложенную на нем карту. Но мое внимание привлекла не карта, а большой судок с тушеной рыбой. Тут же были корабельные галеты и кислое красное вино. Я не понимал, как голоден, пока не увидел еду. Я выскребал тарелку кусочком галеты, когда Чейд спросил меня:

– Тебе лучше?

– Гораздо. А как ты?

– Лучше. – Он посмотрел на меня знакомым ястребиным взглядом.

К моему облегчению, Чейд, по-видимому, полностью оправился. Он отодвинул в сторону мою тарелку и разложил передо мной карту.

– К вечеру мы окажемся здесь, – сказал он. – Высадка будет еще более опасной, чем посадка. Если нам не повезет с ветром, мы пропустим большую часть прилива или отлива и течение будет гораздо сильнее. Может кончиться тем, что нам придется заставить лошадей плыть к берегу, пока мы будем переправляться на плоскодонке. Надеюсь, что обойдется без этого, но на всякий случай будь готов. Когда мы высадимся...

– От тебя пахнет семенами карриса, – сказал я.

В это было почти невозможно поверить, но в дыхании Чейда отчетливо чувствовался сладковатый запах семян и масла. Я пробовал печенье с семенами карриса на празднике Встречи Весны. Даже та малость семян, которой посыпают печенье, вызывает прилив сил и легкое опьянение. По традиции этим угощением отмечают начало весны. Если лакомиться каррисом раз в год, никакого вреда не будет. Но Баррич предупреждал меня, что никогда нельзя покупать лошадь, от которой хоть немного пахнет этими семенами, и добавил, что если поймает кого-нибудь за кормлением наших лошадей каррисом, то убьет. Голыми руками.

– Да ну? – хмыкнул Чейд. – Это у тебя разыгралась фантазия. Итак, я предлагаю на случай, если тебе придется плыть с лошадьми, положить твою рубашку и плащ в промасленную сумку и оставить ее мне в плоскодонке. Таким образом хоть это останется сухим, и ты сможешь переодеться, когда мы доберемся до берега. От берега наша дорога пойдет...

– Баррич говорил, что, если хоть раз дать эту гадость животному, оно уже никогда не будет прежним. Каррис вредит лошадям. Можно накормить им животное, чтобы выиграть одну скачку или загнать одного оленя, но после этого оно никогда уже не будет таким, как раньше. Он говорит, что нечестные лошадиники используют каррис, чтобы животное хорошо выглядело при продаже. Он возбуждает их, и глаза у лошади начинают блестеть, но это скоро проходит. Баррич

говорит, что семена карриса убивают чувство усталости и лошади продолжают скакать даже тогда, когда должны были бы уже упасть от изнеможения. И еще он говорит, что иногда, когда действие масла карриса кончается, лошадь просто падает замертво, — единым духом выпалил я.

Чейд поднял глаза от карты и спокойно посмотрел на меня.

— Подумать только, как много знает Баррич о семенах карриса. Я рад, что ты слушал его внимательно. Теперь, может быть, ты будешь так любезен, что уделишь мне хотя бы толику внимания, чтобы составить дальнейшую часть плана нашего путешествия.

— Но, Чейд...

Он пронзил меня взглядом.

— Баррич великолепный знаток лошадей. Он еще с юных лет подавал большие надежды. Он редко ошибается... когда говорит о лошадях. А теперь слушай меня. Нам потребуется фонарь, чтобы забраться с берега на скалы. Дорога очень плохая; может быть, нам придется поднимать лошадей по очереди. Но мне говорили, что это возможно. Оттуда мы по суше двинемся к Кузнице. Там нет сколько-нибудь пригодной дороги, по которой мы могли бы быстро попасть в городок. Это гористая, но безлесная местность. И мы поедем ночью, так что нашей картой будут звезды. Я рассчитываю добраться до Кузницы где-то к середине дня. Мы появимся там как простые путешественники, ты и я. Это все, что я по-

ка решил; остальное придется планировать по ходу дела...

И пока Чейд излагал мне в мельчайших деталях свой тщательно продуманный план, момент, когда можно было спросить, как ему удастся употреблять семена и не умереть, был безвозвратно упущен. Еще полчаса Чейд говорил со мной о деле, а потом отослал меня из каюты, сказав, что должен сделать некоторые приготовления, а мне следует проверить лошадей и отдохнуть. Лошади стояли на носу суденышка, в импровизированном веревочном загоне. Солома защищала палубу от их копыт. Кроме того, если бы лошадь неудачно упала во время путешествия, она упала бы на солому. Сердитый помощник чинил фальшборт, который Уголек пробила при погрузке. Он не был расположен к светской беседе, а лошади чувствовали себя достаточно хорошо и спокойно — насколько это вообще возможно на корабле.

Я быстро осмотрел палубу. Мы плыли на опрятном маленьком суденышке, широком торговом корабле, курсирующем между островами. Мелкая осадка позволяла ему безопасно подниматься по рекам или подходить очень близко к берегу, но на более глубокой воде эта посудина оставляла желать много лучшего. Она неуклюже переваливалась по волнам, то и дело грузно сползая с гребня, ни дать ни взять нагруженная тюками крестьянка, пробирающаяся через рыночную толпу. Похоже, мы были единственным, что перевозило суденышко в эту ходку. Палубный матрос дал мне яблок — для меня самого и наших лошадок, но не был особенно

словоохотлив, так что, раздав животным фрукты, я устроился возле них на соломе и последовал совету Чейда относительно отдыха.

Ветер был благоприятный, и капитан подвел корабль к нависающим скалам ближе, чем мне казалось возможным. Но с высадкой лошадей все равно было много хлопот. Все лекции и предупреждения Чейда не приготовили меня к тому, как темна ночь над морем. От тусклого света палубных фонарей толку было мало, неверные пляшущие тени только мешали. Наконец палубный матрос подвез Чейда к берегу на корабельной плоскодонке. Я покинул борт вместе с упирающимися лошадьми, потому что знал, что Уголек может начать брыкаться и потопить шлюпку. Я вцепился в шею Уголька и всячески подбадривал ее, надеясь, что здравый смысл лошади выведет нас к мутному свету фонаря на берегу. Я держал коня Чейда на длинном поводке, потому что не хотел, чтобы жеребец бился в воде слишком близко к нам. Море было холодным, а ночь темной, и будь у меня хоть капля разума, мне следовало бы мечтать о том, чтобы оказаться в другом месте, но мальчишкам свойственно все земные трудности и неприятности превращать в захватывающие приключения.

Я вышел из воды мокрый, замерзший и очень веселый. Я держал поводья Уголька и пытался успокоить жеребца. Когда я справился с лошадьми, ликующе хохочущий Чейд с фонарем в руке был уже около меня. Матрос, который отвез его на берег, уже подгребал на плоскодонке обратно к кораблю.

Чейд отдал мне мои сухие вещи, но они мало помогли, натянутые на мокрую одежду.

— Где дорога? — спросил я. Меня бил озноб, голос мой дрожал.

Чейд насмешливо фыркнул:

— Дорога? Я немного огляделся тут, пока ты вытаскивал мою лошадь. Это не дорога, это просто русло высохшего ручья. Но придется довольствоваться и этим.

На самом деле дорога оказалась чуть лучше, чем я подумал после его слов, но ненамного. Тропа была узкой и крутой, усыпанной мелкими камешками, которые так и норовили вывернуться из-под ноги. Чейд шел впереди с фонарем. Я следовал за ним и вел в поводу лошадей. В одном месте гнедой Чейда оступися и попятился, чуть не сбив меня с ног. Уголек, ступившая в сторону, упала на колени. Сердце, казалось, застряло у меня в горле и оставалось в этом несвойственном ему месте, пока подъем не закончился.

И когда ночной открытый горный склон распростерся перед нами под плывущей луной и разбросанными над головой звездами, меня снова обуяла жажда приключений. Думаю, дело было в Чейде. Его глаза под воздействием карриса блестя даже при свете фонаря, бьющая через край энергия, хоть и неестественная, оказалась заразительной. Видимо, это подействовало даже на лошадей, потому что они храпели и скидывали головы. Поправляя сбрую и забираясь в седла, мы хохотали как сумасшедшие. Чейд посмотрел на небо, по-

том на склон, который спускался перед нами, и беспечно отшвырнул фонарь.

— В путь! — возвестил он ночи и ударил каблуками по бокам гнедого, который тут же ринулся вперед.

Уголек была не из тех, кто позволяет себя обогнать, и я впервые осмелился пустить ее галопом ночью по незнакомой дороге. Чудо, что все мы не сломали себе шеи. Иногда удача сопутствует детям и безумцам. В ту ночь, как мне кажется, мы оба были и теми и другими.

Чейд вел, а я следовал за ним. В эту ночь я разгадал еще одну часть тайны, которой всегда для меня был Баррич. Есть странный покой в том, чтобы вверить свою судьбу кому-то другому, сказать: «Веди, и я последую за тобой. Я верю, что ты не приведешь меня ни к беде, ни к смерти». В эту ночь, когда мы что есть мочи гнали лошадей, а у Чейда в качестве карты было только ночное небо, я совершенно не думал о том, что может случиться, если мы собьемся с пути или одна из лошадей сломает ногу. Я не чувствовал никакой ответственности за свои действия. Внезапно все стало простым и ясным. Я всего лишь делал то, что говорил мне Чейд, и верил, что все будет хорошо. Дух мой парил на гребне этой волны доверия, и в какой-то миг той ночью меня осенило: вот что давал Барричу Чивэл. И вот чего ему, Барричу, так сильно не хватало.

Мы ехали всю ночь. Чейд давал лошадям отдохнуть, но не так часто, как это делал бы Баррич. И он неоднократно

останавливался и оглядывал ночное небо, чтобы увериться, что мы идем верной дорогой.

– Видишь эту гору вон там? Ее трудно отсюда разглядеть, но я ее знаю. Она похожа на шапку торговца маслом. Кииф-фашау она называется. Она должна быть все время к западу от нас. Поехали.

В следующий раз он натянул поводья на вершине горы. Я остановил лошадь рядом с ним. Чейд сидел тихо, очень высокий и прямой. Он казался высеченным из камня. Потом он поднял руку и показал. Рука его слегка дрожала.

– Видишь этот овраг внизу? Мы немного отклонились к востоку. Придется вносить поправки по ходу дела.

Овраг оставался невидимым для меня – всего лишь более темное пятно на сумеречной земле, освещенной только далекими звездами. Я удивился, как Чейд его разглядел. Примерно через полчаса он показал влево – там на какой-то возвышенности мерцал одинокий огонек.

– Кто-то сегодня есть в Вулкоте, – заметил Чейд. – Может быть, это булочник ставит тесто для утреннего хлеба. – Он полуобернулся в седле, и я скорее догадался, чем увидел, что он улыбается. – Я родился меньше чем в миле отсюда. Давай, мальчик, поехали. Мне не нравится мысль, что пираты подошли так близко к Вулкоту.

И мы поехали вниз по склону, такому крутому, что я чувствовал, как напрягаются мышцы Уголька, когда она изо всех сил упиралась передними ногами, и все-таки ее копыта

то и дело сползали по сыпухе.

Небо посветлело, прежде чем я вновь ощутил запах моря, и было все еще очень рано, когда мы перевалили очередной холм и увидели внизу маленькую Кузницу. Это было довольно убогое поселение. Якорной стоянкой можно было пользоваться только во время прилива, да и то не всегда. Когда вода отступала, кораблям приходилось бросать якоря далеко от берега, и тогда маленькие суденышки курсировали взад и вперед между ними и причалом. Практически единственной причиной, благодаря которой Кузница оставалась на карте, были залежи железной руды. Я не ожидал увидеть утреннюю суету, но не был готов и к струйкам дыма, поднимающимся от обугленных зданий со сгоревшими крышами. Где-то мычала недоеная корова. Несколько кораблей только что стремительно отошли от берега, их мачты торчали уныло, словно засохшие деревья. Утро свысока взидало на пустые улицы.

– Где люди? – спросил я вслух.

– Мертвы, взяты в заложники или до сих пор прячутся в лесах.

В голосе Чейда прозвучало напряжение, которое заставило меня взглянуть на него. Я был изумлен болью, искажившей его лицо. Он увидел, что я смотрю на него, и пожал плечами:

– Чувствовать, что это твои люди и их несчастье – твоя вина... Это придет к тебе, когда ты вырастешь. Это в крови.

Он предоставил мне обдумывать его слова и пришпорил

усталого коня. Мы стали спускаться с холма к городу.

Единственное, в чем проявилась осторожность Чейда, — он придержал коня и ехал медленным шагом. Мы двое, безоружные, на усталых лошадях, въезжали прямо в город, где...

— Корабль ушел, мальчик. Пиратский корабль не может двигаться, если на веслах не хватает гребцов. Во всяком случае, при таком течении, как у здешних берегов. И это еще одна загадка. Откуда они так хорошо знают наши приливы и течения? Что им вообще здесь понадобилось? Руда? Пиратам гораздо проще захватить ее, ограбив торговый корабль. В этом нет смысла, мальчик. Совсем никакого смысла.

На рассвете выпала сильная роса. От города поднимался запах мокрых пепелищ. Кое-где пожарища еще тлели. Перед некоторыми домами были разбросаны скудные пожитки, но я не знал, обитатели ли домов пытались спасти часть своего добра, или пираты начали выносить вещи, а потом передумали. Ящик соли без крышки, несколько ярдов зеленой шерстяной ткани, туфля, сломанное кресло — безмолвные свидетели того, что когда-то было безопасным и надежным, а теперь было разрушено и втоптанно в грязь. Меня внезапно охватил леденящий ужас.

— Мы опоздали, — промолвил Чейд.

Он натянул поводья, и Уголек остановилась рядом с ним.

— Что? — глупо спросил я, оторванный от своих мыслей.

— Заложники. Они вернули их.

– Где?

Чейд недоверчиво посмотрел на меня, как будто я был безумен или очень глуп.

– Там. В развалинах этого дома.

Трудно объяснить, что произошло со мной в несколько следующих мгновений жизни. Случилось сразу так много всего! Я поднял глаза и увидел группу людей всех возрастов и полов внутри выгоревшего остова какой-то лавчонки. Они что-то бубнили, роясь в обуглившихся развалинах. Они были грязны, но это, видимо, было им безразлично. Две женщины одновременно схватились за один и тот же котел, большой котел, а потом начали драться. Каждая пыталась отогнать другую и захватить добычу. Они напомнили мне ворон, дерущихся над сырной коркой. Они кудахтали, дрались, отвратительно бранились и тянули котел за ручки. Остальные не обращали на них никакого внимания и тихо рылись в углях. Это было совершенно не похоже на жителей подобных мелких городков. Я слышал, что после налета горожане всегда сбивались вместе, восстанавливали жилье, помогали друг другу спасти уцелевшие вещи и скот и сообща отстраивали заново дома и лавки. Но этим людям, казалось, было наплевать на то, что они потеряли почти все и что их семьи и друзья умерли во время набега. Наоборот, они дрались из-за того небольшого, что уцелело.

Само по себе понимание того, что люди в развалинах ведут себя как звери, было достаточно страшным.

И к тому же я не чувствовал их.

Я не видел и не слышал их до тех пор, пока Чейд не показал мне на них. Я мог бы просто проехать мимо. Второй важной вещью, случившейся со мной в этот момент, было то, что я вдруг осознал свое отличие от всех, кого знал. Представьте себе зрячего ребенка, выросшего в селении слепых, где никто другой даже не подозревает о возможности видеть. У этого ребенка не будет слов для названий цветов или для световых граней. Окружающие не будут иметь никакого представления о том, как этот ребенок воспринимает мир. Так было в то мгновение, когда мы сидели на лошадях и смотрели на этих людей. Потому что Чейд размышлял вслух со страданием в голосе:

– Что с ними случилось? Что на них нашло?

Я знал.

Все нити, протянутые между людьми, которые идут от матери к ребенку и от мужчины к женщине, все связи, которые ведут к родным и соседям, к животным и скоту, и даже к рыбе в море и птице в небе, – все, все были разрублены.

Всю мою жизнь, не зная этого, я полагался на нити привязанностей, которые давали мне знать, когда вокруг были другие живые существа. Собаки, лошади, даже цыплята, не говоря уже о людях, всю жизнь были опутаны этими нитями. И поэтому я смотрел на дверь до того, как Баррич вошел, или знал, что в стойле еще один новорожденный щенок вот-вот задохнется в сене. Так я просыпался, когда Чейд

открывал дверь на лестницу. Потому что я мог чувствовать людей. И это чувство всегда первым предупреждало меня, давая знать, что нужно использовать глаза, уши и нос, чтобы посмотреть, что они будут делать.

Но у этих людей не было вовсе никаких чувств. Вообразите воду без веса и влаги. Вот чем были для меня эти люди. Они были лишены всего, что делало их не только людьми, но и вообще живыми существами. Для меня это было так, словно я видел, как камни поднимаются из земли, бормочут и ссорятся друг с другом. Маленькая девочка нашла горшочек с вареньем, засунула туда руку и вытащила, чтобы облизать ее. Взрослый мужчина отвернулся от груды сожженной ткани, в которой он рылся, и подошел к девочке. Он схватил горшок и оттолкнул ребенка в сторону, не обращая внимания на сердитые вопли. Никто и не подумал вмешаться.

Чейд собрался спешиться, но я подался вперед и схватил поводья его гнедого. Я безмолвно закричал на Уголька, и, несмотря на усталость, мой страх придавал ей сил. Она бросилась вперед, а мой рывок за поводья заставил гнедого скакать вместе с нами. Чейд едва не вылетел из седла, но вцепился в шею лошади, и я поспешил убраться из города как можно быстрее. Позади слышались крики, леденящие душу хуже, чем волчий вой или завывание ветра в трубе, но мы были на лошадях, а мною овладел ужас. Я не останавливался и не отдавал Чейду поводьев, пока дома не остались далеко позади. Дорога повернула, и около маленькой рощицы я наконец

придержал лошадей. Не думаю, что до этого я даже слышал сердитый голос Чейда, требовавшего объяснений.

Особенно внятных объяснений он и не получил. Я припал к шее Уголька и ласкал ее, ощущая ее усталость и дрожь собственного тела. Смутно я чувствовал, что лошадь разделяет мою тревогу. Я подумал о пустых людях там, в Кузнице, и толкнул Уголька коленями. Она устало побрела вперед. Чейд держался рядом, пытаясь получить ответ на свои многочисленные вопросы. Мой рот пересох, голос дрожал. Не глядя на него, я бессвязно высказал то, что чувствовал и чего испугался.

Я замолчал, а наши лошади продолжали идти шагом по утоптанной земляной дороге. Наконец я собрал все мужество и посмотрел на Чейда. Он глядел на меня, как будто на моей голове выросли рога. Раз узнав о своем новом чувстве, я уже не мог пренебречь им. Я чувствовал скептицизм Чейда и то, что он немного отодвинулся от меня, как бы защищаясь от кого-то, внезапно ставшего чужим. От этого было еще больнее, потому что он не отодвигался от людей Кузницы, а они были во сто раз более чужими, чем я.

– Они были как марионетки, – говорил я Чейду. – Как деревяшки, которые вдруг ожили и начали играть какой-то зловещий спектакль. И если бы они увидели нас, то без промедления убили бы ради наших лошадей, плащей или куска хлеба. Они... – я подыскивал слово, – они даже не животные. От них ничего не идет. Ничего. Они как отдельные малень-

кие предметы. Как ряд книг, или камней, или...

– Мальчик, – сказал Чейд, голос его звучал мягко, но все еще немного раздраженно, – ты должен взять себя в руки. Это было долгое ночное путешествие, ты устал. Когда слишком долго приходится обходиться без сна, в голове начинают возникать сновидения наяву.

– Нет, – я отчаянно хотел убедить его, – это не то. Это не оттого, что мы долго не спали.

– Мы вернемся туда, – рассудил Чейд.

Утренний ветер развеивал его черный плащ, и это было так буднично, что я почувствовал, будто мое сердце вот-вот разорвется. Как в одном и том же мире могут существовать такие люди, как те, в поселке, и обычный утренний ветер? И Чейд, разговаривающий таким спокойным и обыкновенным голосом.

– Эти люди – самые обыкновенные люди, мальчик, но они прошли через ужасные испытания и поэтому ведут себя странно. Я знал одну девочку, которая видела, как ее отца убил медведь. Она была такой же больше месяца, только смотрела и ворчала и еле-еле могла ухаживать за собой. Эти люди оправятся, когда вернутся к обычной жизни.

– Впереди кто-то есть, – предупредил я.

Я ничего не слышал, ничего не видел, только почувствовал, как колышется паутина, которую я открыл сегодня. Но когда мы посмотрели вперед, то увидели, что догоняем процессию оборванных людей. Некоторые вели нагруженных

животных, другие тащили тележки с забрызганными грязью вещами. Они искоса на нас посматривали, как будто мы были демонами, явившимися из ада, чтобы преследовать их.

– Рябой! – закричал мужчина в хвосте каравана и поднял руку, показывая на нас. Лицо его было искажено усталостью и страхом. Голос его надломился. – Легенды оживают, – предупредил он остальных, которые в страхе остановились, уставившись на нас. – Бессердечные призраки ходят по руинам наших домов, и Рябой в черном плаще несет нам болезнь. Мы слишком хорошо жили, и древние боги наказывают нас. Сытая жизнь обернется смертью для всех нас.

– О, будь оно все проклято! Я не хотел показываться в таком виде. – Бледные руки Чейда схватили узду, поворачивая гнедого. – Следуй за мной, мальчик.

Он не смотрел в сторону того человека, который все еще показывал на нас дрожащим пальцем. Чейд двигался медленно, почти вяло. Он увел лошадь с дороги и направил ее вверх по травянистому склону. Он вел себя так же спокойно, как Баррич, когда он уговаривал настороженную собаку или лошадь. Его усталый конь неохотно покинул ровную дорогу. Чейд правил наверх, к группе берез на вершине холма. Мне оставалось только удивляться.

– Следуй за мной, мальчик, – через плечо приказал он мне, почувствовав, что я медлю. – Ты что, хочешь, чтобы нас забили камнями на дороге? Это не такое уж большое удовольствие, чтобы стоило его добиваться.

Я осторожно двинулся вслед за ним, заставив Уголька свернуть с дороги, словно совершенно не подозревал о существовании повергнутых в панику людей. Они колебались между яростью и страхом. Это чувство было красно-черным пятном на свежести дня. Я увидел, как женщина наклонилась, увидел, как мужчина отвернулся от своей тачки.

– Они идут! – предупредил я Чейда, когда люди побежали к нам.

Некоторые схватили камни, другие размахивали только что сломанными ветками. Все они были грязными и выглядели как горожане, вынужденные жить на природе. Это были немногочисленные жители Кузницы, которые избежали участи стать заложниками пиратов. Все это я понял за мгновение до того, как ударил Уголька каблуками и она рванулась вперед. Наши лошади выдохлись; их попытки увеличить скорость, несмотря на град камней, стучавших по земле на нашем пути, были бесплодными. Будь горожане отдохнувшими или не такими испуганными, они бы легко нас поймали. Но я думаю, что они испытали облегчение, увидев, что мы бежим. То, что бродило по улицам их сожженного города, пугало их куда больше, чем два обратившихся в бегство чужака, какими бы устрашающими они ни были.

Они стояли на дороге, кричали и размахивали палками, пока мы не достигли деревьев. Чейд ехал впереди, и я не задавал ему вопросов, пока он не вывел нас на другую дорогу, где мы не могли встретиться с беженцами из Кузницы. Ло-

шади перешли на вялую трусцу. Я был благодарен высоким холмам и разбросанным деревьям, которые позволили нам уйти от погони. Увидев блеск воды, я молча указал туда. И все так же в молчании мы напоили лошадей и вытрясли им немного зерна из запасов Чейда. Я ослабил сбрую и вытер их грязные шкуры пучком травы. Что же до нас, то мы могли утолить жажду и голод холодной речной водой и черствым дорожным хлебом. Я как мог привел в порядок лошадей. Чейд, по-видимому, был поглощен своими мыслями, и долгое время я не смел ему мешать. Наконец, уже не силах сдерживать любопытство, я задал вопрос:

– Ты в самом деле Рябой?

Чейд вздрогнул и уставился на меня. В его взгляде были одновременно изумление и грусть.

– Рябой? Легендарный предвестник болезней и бедствий? О, полно, мальчик, ты же не глуп. Этой легенде сотни лет. Конечно же, ты не можешь верить в то, что я настолько древний.

Я пожал плечами. Мне хотелось сказать: «Ты покрыт шрамами и несешь смерть», но я не произнес этого. Чейд иногда выглядел очень старым, а иногда был так полон энергии, что казался юношей в теле старика.

– Нет, я не Рябой, – продолжал он, обращаясь больше к самому себе, чем ко мне. – Но после сегодняшнего дня слухи о его появлении разнесутся по Шести Герцогствам, как пыльца по ветру. Начнутся разговоры о болезнях и эпидеми-

ях и божественном наказании за воображаемые грехи. Жаль, что они увидели меня таким. Народу королевства и так хватает бед, которых стоит бояться. Но у нас есть более насущные заботы, чем глупые суеверия. Не знаю, как тебе это удалось, но ты все понял правильно. Я тщательно обдумал то, что видел в Кузнице. Я вспоминал слова беженцев, которые пытались побить нас камнями, и то, как они все выглядели. Я когда-то знал людей Кузницы. Это был отважный народ, совсем не того сорта, чтобы просто так пуститься бежать в суеверном страхе. Но эти люди, которых мы видели на дороге, именно так и поступили. Они покидали Кузницу навеки, – по крайней мере, таковы были их намерения. Забрали все, что осталось, все, что могли унести. Оставили дома, где были рождены их деды, и бросили родственников, которые рылись в развалинах как бесноватые.

– Ультиматум красного корабля был не пустой угрозой, – продолжал Чейд. – Я думаю об этих людях, и меня бросает в дрожь. В этом что-то отвратительно неправильное, мальчик, и я боюсь того, что может последовать. Потому что, если красные корабли могут брать в плен наших людей, а потом требовать платы за то, чтобы убить их, и говорить, что в противном случае возвратят их нам такими вот, как были те, – какой горький это будет выбор! И следующий удар они нанесут именно тогда, когда мы меньше всего будем готовы встретить его. – Он повернулся ко мне, как будто хотел сказать еще что-то, потом внезапно пошатнулся.

Чейд быстро сел, лицо его стало серым. Он опустил голову и закрыл лицо руками.

– Чейд! – закричал я в ужасе и подскочил к нему, но он отвернулся.

– Семена карриса, – сказал он приглушенно. – Хуже всего, что их действие прекращается так внезапно. Баррич был прав, предупреждая тебя об этом, мальчик. Но иногда нет выбора. Все пути одинаково плохие. Иногда. В тяжелые времена, как сейчас.

Чейд поднял голову. Глаза его были тусклыми, рот дряблым.

– Теперь я должен отдохнуть, – пробормотал он жалобно, как больной ребенок.

Он покачнулся и упал бы, но я подхватил его и опустил на землю. Я подложил ему под голову мои седельные сумки и укрыл нашими плащами. Чейд лежал тихо, пульс его был медленным, а дыхание тяжелым – так продолжалось до вечера следующего дня. Эту ночь я проспал рядом, надеясь согреть его, а на следующий день накормил остатками наших припасов. К вечеру он достаточно окреп для того, чтобы двинуться в путь, и мы начали наше безрадостное путешествие. Мы ехали медленно, только по ночам. Чейд выбирал дорогу, но я ехал впереди, и очень часто он был всего лишь безвольным грузом на своей лошади. Нам потребовалось два дня, чтобы пройти то расстояние, которое мы преодолели в ту единственную безумную ночь. Еды было мало, а

разговоров еще меньше. Казалось, даже размышления утомляют Чейда, и о чем бы он ни думал, он был слишком слаб для разговоров.

Он показал мне, где я должен зажечь сигнальный огонь, чтобы вызвать лодку. Они послали за ним на берег плоскодонку, и Чейд сел в нее, не сказав ни слова. Сил у него совсем не осталось. Он просто решил, что я сам смогу доставить на корабль наших усталых лошадей. Мое самолюбие вынудило меня справиться с этой работой, и, оказавшись на борту, я немедленно заснул и спал так, как не спал много дней. Потом мы снова высадились и совершили утомительный переход к Ладной бухте. Мы добрались до места в самые ранние утренние часы, и леди Тайм снова заняла свою резиденцию в трактире. Вечером следующего дня я уже смог сказать трактирщице, что моей госпоже гораздо лучше и она будет рада, если ей принесут что-нибудь из кухни. Чейду действительно полегчало, хотя по временам он обильно потел и в эти минуты пах прогорклым сладковатым запахом карриса. Он жадно ел и пил очень много воды. Но через два дня приказал мне сказать трактирщице, что утром леди Тайм уезжает.

Я восстановил силы после путешествия значительно быстрее, и у меня было несколько вечеров, чтобы побродить по Ладной бухте, поглазеть на лавки и торговцев и послушать сплетни, которые так ценил Чейд. Таким образом мы узнали многое из того, что могли только предполагать. Дипломатия Верити имела большой успех, и леди Грейс стала любимицей

города. Восстановление дорог и укреплений пошло значительно быстрее. В башне Сторожевого острова теперь дежурили лучшие люди Келвара, и горожане называли ее башней Грейс. Кроме того, они говорили о том, как красные корабли пробрались мимо собственных башен Верити, и о странных событиях в Кузнице. Я неоднократно слышал о появлении Рябого. И то, что рассказывали у трактирного очага о жителях сожженного города, до сих пор преследует меня в ночных кошмарах.

Те, кто бежал из Кузницы, рассказывали душераздирающие истории о родных, которые стали холодными и бессердечными. На первый взгляд они по-прежнему оставались людьми, но те, кто хорошо знал их раньше, не могли обмануться. Эти люди среди бела дня творили такие злодеяния, о которых раньше в герцогстве и слухом не слыхивали. Кошмары, о которых шептались люди, были страшнее всего, что я мог вообразить. Корабли больше не бросали якорей у берегов Кузницы. Железную руду надо было искать где-то в другом месте. Говорили, что никто даже не хочет принимать беженцев, потому что на них может быть какая-нибудь зараза; в конце концов, это именно им явился Рябой. И почему-то еще страшнее мне было слышать, как люди говорят, что скоро все это кончится, существа из Кузницы перебыют друг друга, и как они благодарны тем, кто предсказывает такой исход. Добрые люди Ладной Бухты желали смерти тем соотечественникам, которые некогда были добрыми жителя-

ми Кузницы, и желали этого так, как будто для них это самое лучшее. В сущности, так оно и было.

В ночь перед тем, как леди Тайм и я должны были присоединиться к свите Верити для возвращения в Олений замок, я проснулся и увидел, что горит единственная свеча, а Чейд сидит, уставившись в стену. Не успел я сказать и слова, как он повернулся ко мне.

– Тебя следует учить Силе, мальчик, – сказал он, как будто это было единственное решение. – Наступили страшные времена, и они продлятся очень долго. В такое время добрые люди должны использовать все оружие, которое им доступно. Я снова пойду к Шрюду и на сей раз буду требовать, чтобы он позволил тебе учиться. Хотел бы я знать, пройдет ли когда-нибудь это страшное время.

В последующие годы мне часто приходилось задавать себе тот же вопрос.

Глава 11

«Перекованные»

Рябой – это широко известный персонаж фольклора Шести Герцогств. Редкая труппа кукольников не обладает марионеткой Рябого, которая используется не только для исполнения его традиционной роли, но и для обозначения любого дурного предзнаменования. Иногда кукла Рябого просто стоит у задника, чтобы придать пьесе зловещую ноту. В Шести Герцогствах все понимают значение этого символа.

Говорят, что корни легенды о Рябом уходят далеко к первым жителям Герцогств – не к тем, кого завоевали приплывшие с Внешних островов Видящие, а к исконным обитателям этих мест. Даже у островитян есть похожий миф: это история-предостережение о том, как прогневался Эль, бог моря.

Когда море было молодым, Эль, первый Старейший, верил в островной народ. И Эль дал островитянам море и все, что в нем плавает, и все земли, которые оно омывает. Много лет люди были благодарны за этот дар. Они рыбачили в море, селились на его берегах, где желали, и нападали на чужаков, осмелившихся ступить во владения, которыми наделил островитян Эль. Те, кто заплывал в их моря, тоже становились законной добычей островного народа.

Жители островов процветали и делались крепкими и сильными, потому что слабые не выживали во владениях Эля. Жизнь их была суровой и опасной, но зато мальчики вырастали в сильных мужчин, а девочки становились бесстрашными женищинами, которые и семейный очаг хранили, и выходили в море вместе с мужьями. Народ уважал Эля, и ему они предлагали свою добычу, и только его именем они проклинали и благословляли, и Эль гордился своим народом.

Но дары Эля оказались чрезмерными. Слишком мало островитян умирало во время суровых зим, штормы, которые посылал Эль, были слишком мягкими, чтобы искусство мореплавания не угасало. И людей становилось все больше. И так же множились их стада и отары. В урожайные годы слабые дети не умирали, а оставались дома и распахивали землю, чтобы кормить скот и людей, таких же слабых, как они сами. Земледельцы не восхваляли Эля за его сильные ветры и разорительные бури. Вместо этого они благословляли и проклинали только именем Эды, старейшей среди тех, кто пашет, сеет и разводит скот. И Эда благословляла слабых, их поля и стада. Это не понравилось Элю, но он не обрушил гнев на слабых, потому что у него все еще были сильные люди на морских кораблях. Они благословляли его именем и проклинали его именем, и, чтобы поддерживать их силу, он посылал им штормы и холодные зимы. Но время шло, и приверженцев Эля становилось все меньше. Мягкотелый народ суши соблазнял людей

моря, и их женищины рожали мореходам детей, которые могли лишь пахать и сеять. И народ покинул зимние берега и покрытые льдом пастбища и двинулся на юг, в теплые края винограда и зерна. И с каждым годом все меньше и меньше мореходов бороздило моря и собирало урожай рыбы, как это повелел им Эль. Все реже и реже слышал он свое имя в благословениях и проклятиях. И наконец наступил день, когда остался один-единственный человек, благословляющий и проклинаящий именем Эля. Это был тощий старик, слишком древний для моря, суставы которого отекали и болели, а во рту оставалось всего несколько зубов. Его благословения и проклятия были слабыми и больше оскорбляли, чем радовали Эля, потому что ему дряхлый старик был не нужен.

Наконец пришел шторм, который должен был покончить со стариком и его маленькой лодкой. Но когда холодные волны сомкнулись над ним, он вцепился в остатки лодки и осмелился воззвать к Элю и молить его о милосердии, хотя все знали, что милосердия нет в нем. Эль был так разъярен этим богохульством, что не принял старика в свое море, выкинул его на берег и проклял его, так что старик не мог больше выходить в море, но не мог и умереть. И когда он выполз из-под соленых волн, его лицо и тело были рябыми, как будто он переболел чумой. И он встал на ноги и пошел вперед, к теплым землям. И везде, где он проходил, он видел только слабых земледельцев. И он предупреждал их об их глупости и о том, что Эль вырастит новый,

еще более твердый народ и отдаст их земли этому народу. Но люди не слышали его слов – такими мягкими они стали. Однако, где бы ни проходил старик, болезнь следовала по его стопам. И это была заразная болезнь, для которой не важно, сильный человек или слабый, твердый или мягкий, – она забирала всех и все, чего касалась.

Эта история похожа на правду, ведь всем известно, что такие болезни распространяются с дурной пылью или при вскапывании земли. Таково сказание. И таким образом, Рябой стал предвестником смерти и болезни и предостережением тем, кому живет легко, потому что поля их плодородны.

Возвращение Верити в Олений замок было серьезно омрачено событиями в Кузнице. Наследный принц, философски относящийся к человеческим ошибкам, уехал из Ладной Бухты, как только герцог Келвар и Шемши показали, что они в согласии займутся охраной берегов. Верити и его свита покинули замок еще до того, как мы с Чейдом вернулись в трактир. Поэтому в пути назад мне чего-то не хватало. Днем и вокруг костров по ночам люди говорили о Кузнице, и даже в пределах нашего небольшого каравана эти истории обрастали все новыми и новыми подробностями.

Мой путь домой был испорчен тем, что Чейд возобновил шумное представление, исполняя роль отвратительной старой леди. Мне приходилось бегать по поручениям и прислуживать «ей» вплоть до того времени, когда появились

«ее» слуги из Оленьего замка, чтобы отвести «старую леди» в принадлежащие ей апартаменты. Леди Тайм «жила» в женском крыле, и хотя в те дни я пытался собрать хоть какие-нибудь сплетни о ней, но не услышал ничего, кроме того, что она затворница и у нее трудный характер. Как Чейду все это удалось, я так никогда и не узнал.

В наше отсутствие в Баккипе, по-видимому, бушевала настоящая буря. Событий было так много, что мне показалось, будто мы отсутствовали десять лет, а не несколько недель. Даже Кузница не смогла затмить представление леди Грейс. История об этом рассказывалась и пересказывалась. Менестрели соперничали за признание своего варианта рассказа каноническим. Я слышал, леди Грейс во всеуслышание заявила, что сторожевые башни должны стать величайшими сокровищами ее страны, и после этой пламенной речи герцог Келвар опустился на одно колено и поцеловал кончики ее пальцев. Один источник даже поведал мне, что лорд Шемши лично поблагодарил леди и много танцевал с ней в тот вечер и что это чуть не вызвало новую ссору между соседними герцогствами.

Я был рад ее успеху. Я даже неоднократно слышал шепот о том, что принцу Верити следовало бы найти себе леди со столь же чутким сердцем, как у леди Грейс. Поскольку он часто отсутствовал, улаживая внутренние конфликты и охотясь за пиратами, народ начинал чувствовать потребность в сильном правителе, который всегда был бы дома. Старый ко-

роль Шрюд номинально все еще оставался нашим монархом. Но, как заметил Баррич, человеку свойственно смотреть вперед. «А вдобавок, — добавил он, — люди хотят знать, что у будущего короля есть теплая постель, в которую ему хочется вернуться. Лишь немногие из них могут позволить себе какую-либо романтику, так что людям нравится думать, что романтика есть в жизни их короля. Или принца».

Но я знал, что у самого Верити нет времени думать о постели, хоть теплой, хоть холодной. Кузница была одновременно и примером, и угрозой. Последовали новые сообщения о налетах, и три из них случились очень быстро, один за другим. Выяснилось, что маленькое селение, под названием Хутор, на одном из Ближних островов, было «перековано» (так стали называть это злодейство) пиратами несколькими неделями раньше Кузницы. Весть долго шла с холодных берегов, но, дойдя, никого не обрадовала. Жители Хутора тоже были взяты в заложники. Совет города, как и Шрюд, был поставлен в тупик ультиматумом красных кораблей — заплатить дань или получить обратно заложников. Они не заплатили. И, как и в Кузнице, заложники были возвращены здоровые физически, но лишенные всех человеческих чувств. Шептались, что в Хуторе «перекованные» были другими. В суровом климате Ближних островов и люди вырастали суровыми. Но даже они считали, что поступают милосердно, поднимая мечи на своих отныне бессердечных родственников.

Еще два города подверглись налету после Кузницы. В Каменных Вратах народ заплатил выкуп. Разрубленные тела вынесло на берег на следующий день, и на похороны собрался весь город. В послании, которое было доставлено в Олений замок, об этом сообщалось с жесткой прямоотой. Люди думали, хотя и не произносили это вслух, что, если бы король был более бдительным, они, по крайней мере, были бы предупреждены о налете. Другой городок, Овечье Вязло, бесстрашно принял вызов пиратов. Они отказались платить дань, но поскольку слухи о Кузнице распространялись по стране подобно лесному пожару, жители подготовились. Они встретили возвращенных заложников с веревками и кандалами. Горожане приняли родных, оглушив некоторых, прежде чем связать, и отвели в их дома. Город объединился в попытках вернуть их души. Рассказы об Овечьем Вязле передавались из уст в уста больше прочих. О матери, которая пыталась укунить принесенного ей ребенка, заявив, что ей не нужно это мокрое скулящее существо. О маленьком мальчике, который плакал и кричал, будучи связанным, но немедленно бросился на отца с вилкой, как только мягкосердечный родитель его развязал. Некоторые ругались, дрались и плевали в родственников. Другие привыкли к путам и безделью, ели, пили эль, но не выказывали ни благодарности, ни прежней привязанности. После освобождения от пут они не нападали на свою семью, но не работали и даже не отдыхали вместе с родственниками. Они без угрызений совести крали

у собственных детей, растрачивали деньги и поглощали пищу, как росوماхи. Они не приносили никому никакой радости, от них нельзя было дожидаться даже доброго слова. Но сообщение из Овечьего Вязла гласило, что народ там собирался терпеть до тех пор, пока «болезнь красного корабля» не пройдет. Это дало баккипской знати крошечную надежду, за которую можно было уцепиться. Они с одобрением говорили о мужестве горожан и клялись, что поступили бы точно так же, если бы их родственники были «перекованы».

Овечье Вязло и его храбрых жителей ставили в пример для всех Шести Герцогств, народ объединился, чтобы помочь им. Ради жителей Овечьего Вязла король Шрюд увеличил налоги. Было решено поделиться зерном с теми, у кого было столько забот со своими связанными родственниками, что не хватало времени перезасевать сожженные поля и восстанавливать вырезанные стада. Строились корабли и нанимались новые люди, чтобы охранять береговую линию.

Сперва люди гордились новым начинанием. Те, кто жил на морских скалах, начали выделять добровольных наблюдателей. Гонцы, почтовые птицы и сигнальные огни были наготове. Некоторые города отослали овец и зерно в Овечье Вязло для раздачи нуждающимся. Но проходили недели, и не было никаких признаков того, что разум готов вернуться хоть к одному из заложников; эти надежды и упования начали казаться скорее пустой сентиментальностью, чем благородством. Те, кто больше всего поддерживал эти попытки,

теперь заявляли, что, оказавшись в заложниках, они предпочли бы быть разрубленными на куски, чем вернуться к родным и причинять им такие страдания.

Но хуже всего, думаю, было то, что в такое время сам правитель страны не имел ясного представления, что нужно делать. Если бы был выпущен королевский эдикт о том, должны или не должны люди платить выкуп за заложников, было бы лучше. Не важно, что именно в нем утверждалось бы, – все равно некоторые люди были бы не согласны, – но по крайней мере король занял бы какую-то позицию. Люди бы видели, что их король посмотрел в лицо новой угрозе. Вместо этого усиленные патрули и часовые создавали впечатление, что Олений замок в панике и не имеет никакой стратегии, как противостоять опасности. В отсутствие королевского эдикта прибрежные города брали дело в собственные руки. Собирались советы, на которых жители обсуждали, что станут делать, если на их город будет сделан налет по сценарию Кузницы. Одни решали так, другие иначе.

– Но в любом случае, – устало говорил мне Чейд, – не имеет значения, что они решат. Это ослабляет их преданность королю. Заплатят они дань или нет, пираты могут смеяться над нами за своим кровавым пиром. Потому что, решая, что делать, наши горожане говорят не «если мы будем „перекованы“», а «когда мы будем „перекованы“». И таким образом, они уже сломлены духом, если не телом. Они смотрят на родных – мать на ребенка, мужчина на родителей –

и готовятся отдать их или на смерть, или на «перековку». И королевство рушится, потому что каждый город должен принимать решение за себя и, таким образом, отделяется от целого. Мы разобьемся на тысячу маленьких местечек, каждое из которых будет встречать нападение в одиночку и заботиться только о себе. Если Шрюд и Верити не начнут действовать быстро, от королевства скоро останутся только название и воспоминания о бывших правителях.

– Но что они могут сделать? – спросил я. – Какой бы эдикт ни вышел, он будет неправильным.

Я взял каминные щипцы и подпихнул в огонь тигель, за которым следил.

– Иногда лучше сказать что-то неправильно, чем промолчать, – проворчал Чейд. – Посмотри, мальчик. Если ты, простой парень, можешь понять, что оба решения неправильны, значит то же самое может сделать весь народ. Сейчас все выглядит так, словно каждый город должен сам зализывать собственные раны. Эдикт хотя бы помешал этому. А кроме эдикта, Шрюд и Верити должны принять и другие меры. – Он наклонился, чтобы посмотреть на бурлящую жидкость. – Больше жара, – сказал он.

Я взялся за маленькие мехи.

– И какие же?

– Организовать ответные набеги на островитян. Обеспечить необходимое количество кораблей и снаряжения для встречного удара. Запретить соблазнять пиратов выпасом

стад на прибрежных пастбищах. Снабдить города оружием, раз мы не можем предоставить каждому селению войска для защиты. Во имя плуга Эды, в конце концов, раздать людям шарики семян карриса и белладонну, чтобы они могли носить их в сумках у пояса и лишать себя жизни, если попадут в плен к пиратам. Все, что угодно, мальчик, любое деяние короля в нынешней ситуации будет лучше этой проклятой нерешительности.

Я сидел, уставившись на Чейда. Никогда еще на моей памяти он не говорил с таким жаром и никогда так открыто не критиковал Шрюда. Это потрясло меня. Я затаил дыхание, надеясь, что мой наставник скажет что-нибудь еще, но почти боясь того, что мог услышать. Чейд, казалось, не замечал моего взгляда.

– Подпихни тигель еще немного дальше в огонь. Но будь осторожен. Если это варево взорвется, у короля Шрюда могут оказаться два рябых подданных вместо одного. – Он посмотрел на меня. – Да, вот так я и был отмечен. Но это с тем же успехом могла быть и оспа, судя по тому, как меня недавно слушал Шрюд. «Дурные предзнаменования, предостережения и осторожность, – сказал он мне. – Но я думаю, что ты хочешь, чтобы мальчик учился обращению с Силой просто потому, что тебя этому не учили. Это дурные амбиции, Чейд. Выкинь их из головы». Это дух королевы говорит языком короля.

От горечи в голосе Чейда я окаменел.

– Чивэл, вот в ком мы сейчас нуждаемся, – продолжал он через некоторое время. – Шрюд самоустранился, а Верити хороший солдат, но слишком внимательно прислушивается к отцу. Верити воспитывали вторым, не первым. Он безынициативен. Нам нужен Чивэл. Он поехал бы в эти города, поговорил бы с людьми, которые потеряли родных. Пропади все пропадом, да он бы и с «перекованными» поговорил...

– Ты думаешь, это что-нибудь бы дало? – спросил я тихо. Я едва смел пошевелиться, понимая, что Чейд разговаривает скорее сам с собой, чем со мной.

– Это не спасло бы нас, нет. Но люди почувствовали бы, что их правитель с ними. Иногда это все, что нужно, мальчик. А Верити только заставляет маршировать игрушечных солдатиков и без конца обдумывает стратегию. Шрюд же думает не о народе, а только о том, как бы обеспечить безопасность Регала и подготовить его к власти на случай, если Верити позволит себя убить.

– Регала? – изумленно выпалил я. – Регала с его нарядами и вечным петушиным позированием? – Он всегда ходил по пятам за Шрюдом, но я никогда не думал о нем как о настоящем принце. Услышать его имя в такой связи было для меня потрясением.

– Он стал любимчиком отца, – прорычал Чейд. – С тех пор как умерла королева, Шрюд ничего не делал, только еще больше портил его. Он пытается купить сердце мальчишки подарками теперь, когда его матери нет рядом и некому тре-

бовать его верности. И Регал пользуется этим вовсю. Он говорит только то, что нравится старику. А Шрюд чересчур ослабил поводья. Он позволяет ему болтаться без дела, тратить деньги на бессмысленные поездки в Фарроу и Тилт, где люди его матери вбивают ему в голову идеи о его значительности. Мальчишку следовало бы держать дома и заставлять давать хоть какой-то отчет о том, как он тратит время. И деньги короля. Того, что он тратит на ерунду, хватило бы, чтобы оснастить боевой корабль. – И потом, с внезапным раздражением: – Слишком горячо. Ты упустишь. Вынимай быстро.

Но он опоздал, потому что тигель треснул, словно ломающийся лед, и его содержимое выплеснулось едким дымом. После этого с уроками и разговорами было покончено.

Наставник не скоро снова позвал меня. Другие мои уроки шли своим ходом, но мне не хватало Чейда. Шли недели, а он все не звал меня. Я знал, что дело не в его недовольстве мною, – у него просто было дел невпроворот. Однажды, в свободную минутку, я толкнулся в его сознание и почувствовал только скрытность и дисгармонию. И – сильный удар по затылку, когда Баррич поймал меня на этом.

– Прекрати, – прошипел он, не обращая внимания на мою привычную маску оскорбленной невинности.

Он оглядел стойло, которое я чистил, как будто ожидал, что найдет прячущуюся собаку или кошку.

– Тут ничего нет! – воскликнул он.

- Только навоз и солома, – согласился я, потирая затылок.
- Тогда что же ты делал?
- Мечтал, – пробормотал я. – Только и всего.
- Тебе не удастся обмануть меня, Фитц, – зарычал он. –

Я не допущу *этого*, по крайней мере в моей конюшне. Ты не будешь извращать таким образом моих животных. И позорить кровь Чивэла. Заруби себе на носу.

Я сжал зубы, опустил глаза и продолжал работать. Через некоторое время Баррич вздохнул и отошел. Я работал, а про себя кипел от ярости и решил, что он больше никогда не застанет меня врасплох.

Остаток лета был таким водоворотом событий, что мне трудно вспомнить их очередность. Однажды вечером сам воздух, казалось, изменился. Когда я вышел в город, там все говорили об укреплениях и подготовке к набегу. Всего два города были «перекованы» этим летом, но казалось, что их были сотни, потому что истории об этом повторялись и передавались из уст в уста.

– Начинает казаться, что людям больше и поговорить не о чем, – сетовала Молли.

Мы шли по берегу при свете летнего солнца, клонившегося к закату. Морской ветер был глотком приятной прохлады после душного дня. Баррича вызвали в Родники выяснить, почему там у всего стада появились огромные язвы на шкуре. Для меня это означало отмену утренних уроков и много лишней работы с собаками и лошадьми в его отсутствие, тем

более что Коб уехал на озеро Тур присматривать за животными во время летней охоты.

Но зато по вечерам за мной меньше следили, и мне чаще удавалось наведаться в город.

Вечерние прогулки с Молли участились. Ее отец слабел не по дням, а по часам, ему было не до выпивки, и он каждый вечер рано и крепко засыпал. Молли заворачивала нам кусок сыра и колбасы или буханку хлеба и связку копченой рыбы, мы прихватывали корзинку и бутылку дешевого вина и шли по пляжу к волнорезам. Там мы сидели на камнях, отдававших нам последнее тепло дня, и Молли рассказывала мне о своей дневной работе или делилась последними сплетнями, а я слушал. Иногда, когда мы шли рядом, наши локти соприкасались.

– Сара, дочь мясника, говорила мне, что она ждет не дождется зимы, потому что ветер и лед хоть ненадолго заставят красные корабли вернуться на острова и дадут нам немного отдохнуть от страха, вот что она сказала. Но тут встречается Келти и говорит, что, может, мы и сможем перестать бояться новых налетов, но все равно придется дрожать перед «перекованными», которые разгуливают по всей стране. Ходят слухи, что теперь, когда в Кузнице больше нечего красть, многие из них ушли оттуда и бродят по дорогам, как бандиты, и грабят путешественников.

– Сомневаюсь. Скорее всего, это другие грабят и пытаются выдать себя за «перекованных», чтобы направить возмез-

дие по ложному следу. Эти «перекованные» – ни рыба ни мясо. Они ничего не могут делать вместе, не могут даже стать бандой, – рассеянно возразил я.

Я глядел на залив прищурившись, чтобы спастись от слепящих отблесков солнца на воде. Мне не нужно было смотреть на Молли, чтобы чувствовать, что она здесь, рядом со мной. Это было интересное чувство, которое я не совсем понимал. Ей было шестнадцать, а мне около четырнадцати, и эти два года воздвигли между нами непреодолимую стену. Тем не менее она всегда находила для меня время и, казалось, радовалась моему обществу. Она знала меня так же хорошо, как я ее. Если я хоть немного пытался прощупать ее сознание, она отстранялась, останавливалась, чтобы вытряхнуть камешек из туфли, или внезапно начинала говорить о болезни отца и о том, как он в ней нуждается. А если мое чувство близости к ней приглушалось, речь Молли становилась неуверенной и застенчивой, она пыталась заглянуть мне в лицо и следила за выражением моих глаз и рта. Я не понимал этого, но между нами словно была натянута какая-то нить. А сейчас я услышал оттенок раздражения в ее голосе:

– О, понятно. Ты так много знаешь о «перекованных», да? Больше, чем те, кого они грабили?

Ее резкие слова выбили меня из колеи, и прошло некоторое время, прежде чем я смог заговорить. Молли ничего не знала о Чейде и обо мне и тем более о моем посещении Кузницы. Для нее я был посыльным из замка, работающим на

главного конюшего, когда свободен от поручений писаря. Я не мог выдать ей, что получаю сведения из первых рук, не говоря уж о том, каким образом я почувствовал, что такое Кузница.

– Я слышал разговоры стражников, когда они по ночам заходили в конюшню и на кухню. Эти солдаты много повидали, и это они говорят, что у «перекованных» нет ни друзей, ни семей – вообще никаких родственных связей. И все же, скорее, если кто-нибудь из них вышел на большую дорогу, другие могут подражать ему, и это будет почти то же самое, что банда грабителей.

– Может быть. – Похоже, мои объяснения ее удовлетворили, и Молли смягчилась. – Смотри-ка, давай залезем туда, наверх, и поедим.

«Там, наверху», был выступ скалы. Но я согласно кивнул, и несколько минут мы потратили на то, чтобы затащить себя и нашу корзинку «туда, наверх». Это был более сложный подъем, чем те, которые нам доводилось преодолевать во время прежних экспедиций. Я поймал себя на том, что смотрю, как Молли управляет со своими юбками, и пользуюсь каждым удобным случаем, чтобы поддержать ее под локоть или подать руку, чтобы помочь пройти особенно крутой участок. В неожиданном прозрении я понял, что Молли для того и предложила забраться наверх. Наконец мы достигли выступа и уселись, глядя на воду и поставив корзину между нами. Я смаковал свое новое знание о ее осведомленности. Это

напомнило мне о жонглерах на празднике Встречи Весны, которые перебрасывают дубинки друг другу вперед и назад, назад и вперед, снова и снова, все быстрее. Молчание длилось до тех пор, пока не стало необходимо его нарушить. Я посмотрел на нее, но она отвела взгляд, потом заглянула в корзинку и сказала:

– О, вино из одуванчиков? Я думала, оно не будет готово до второй половины зимы.

– Это прошлогоднее. Оно зрело целую зиму, – сказал я ей и взял у нее бутылку, чтобы вытащить ножом пробку.

Молли некоторое время смотрела, как я вожусь с бутылкой, потом забрала вино и вытащила тоненький нож в узких ножнах. Она проткнула пробку, повернула нож и вытащила ее так сноровисто, что я позавидовал.

Она перехватила мой взгляд и пожала плечами.

– Я вытаскивала пробки для отца, сколько себя помню. Сам-то он обычно бывал слишком пьян. А теперь у него не хватает силы в руках, даже когда он трезвый.

Боль и горечь смешались в ее голосе.

– Ой, смотри, «Дева дождя». – чтобы уйти от неприятной темы, я показал на изящный узкий корпус корабля, на веслах идущего к гавани. – Я всегда считал, что это самый красивый корабль в гавани.

– Она патрулировала побережье. Почти все торговцы тканями в городе собирали на это деньги! Даже я, хотя все, что я могла вложить, – это свечи для фонарей. Теперь на ней ко-

манда солдат, и «Дева дождя» сопровождает корабли отсюда в Дюны и обратно. «Зеленая ветка» встречает их там и ведет дальше, вдоль побережья.

Я этого не слышал и был удивлен, что об этом не говорили в замке. Сердце мое упало при мысли, что даже город Баккип принимает меры независимо от совета или согласия короля. Я сказал об этом Молли.

– Что ж, если король Шрюд собирается и дальше только цокать языком и хмуриться, людям придется самим о себе позаботиться. Хорошо ему призывать нас быть сильными, когда он сидит в безопасности в замке. Были бы «перекованы» его сын, брат или маленькая дочка – то-то бы он заговорил по-другому!

Мне было стыдно, что я не смог ничего придумать в защиту короля. И стыд заставил меня сказать:

– Ты почти в такой же безопасности, как король, здесь, в Баккипе.

Молли посмотрела на меня в упор.

– Мой кузен был помощником в Кузнице. – Она помолчала, потом осторожно сказала: – Ты, наверное, посчитаешь меня бессердечной, когда услышишь, как мы обрадовались, узнав, что его просто убили? Мы не знали этого точно неделю или две, но теперь наконец пришло известие от одного человека, который видел, как он умер. И мой отец, и я, мы оба обрадовались. Мы могли горевать, зная, что его жизнь просто закончилась, и мы будем тосковать по нему. Нам уже

не надо было больше думать, что он, может быть, еще жив и превратился в зверя, несущего горе другим и позор самому себе.

Я немного помолчал. Потом сказал:

– Прости. – Мне показалось, что этого недостаточно, и я протянул руку, чтобы погладить ее неподвижную ладонь.

На секунду я почти перестал чувствовать Молли, как будто боль ввергла ее в душевную немоту, такую же, как у «перекованных». Но потом она вздохнула, и я снова ощутил ее присутствие.

– Знаешь, – отважился я сказать, – может быть, сам король не знает, что ему делать? Может, он так же растерян, как и мы?

– Он король! – возразила Молли. – И *назван* Шрюдом Проницательным, чтобы *быть* проницательным. Люди говорят, что он держится в тени, чтобы не распускать шнурки кошелька. Зачем ему платить из своего кармана, когда отчаявшиеся торговцы сами наймут охрану? Но хватит об этом. – она жестом показала, что больше не хочет развивать эту тему. – Мы пришли сюда, в спокойное и прохладное место, не для того, чтобы говорить о политике и страхах. Расскажи мне лучше, что ты делал? Пятнистая сука уже принесла щенков?

И мы заговорили о других вещах, о щенках Пеструхи и о том, что не тот жеребец добрался до кобылы, а потом Молли рассказала, как она собирала зеленые шишки для аромати-

зирования свечей и чернику и как всю следующую неделю она будет занята – делать запасы варенья на зиму и одновременно работать в лавке и изготавливать свечи.

Мы разговаривали, ели и пили и смотрели, как позднее солнце медленно клонится к закату. Я чувствовал, как между нами зарождается что-то хорошее, хрупкое и чудесное. Я воспринимал это как продолжение моего странного шестого чувства и был в восторге оттого, что Молли тоже улавливала это удивительное напряжение между нами и откликалась на него. Я хотел поговорить с ней об этом и спросить, чувствует ли она так же других людей. Но боялся, что, спросив, могу выдать себя, как уже выдал Чейду, или что она проникнется той же брезгливостью к моим способностям, что и Баррич. Так что я разговаривал с ней и улыбался и держал свои мысли при себе.

Я проводил ее домой по тихим улицам и пожелал спокойной ночи у дверей ее магазинчика. Она немного замешкалась, как будто собиралась сказать что-то другое, но потом только бросила на меня вопросительный взгляд и пробормотала:

– Спокойной ночи, Новичок.

Я шел домой под синим-синим небом, пронзенным яркими звездами, мимо часовых, занятых вечной игрой в кости, вверх, к конюшням. Я быстро обошел стойла, но все было тихо и спокойно, даже с новорожденными щенками. Я заметил двух чужих лошадей в одном из загонов, и одна верховая

лошадь с женским седлом была в стойле. Какая-то благородная дама приехала в замок с визитом, решил я. Я удивился, что могло привести ее к нам в конце лета, и ее лошади мне понравились. Потом я покинул конюшни и отправился в замок.

По привычке я прошел через кухню. Повариха была знакома с аппетитами конюшенных мальчиков и солдат и знала, что обычные обеды и ужины нас не насыщают. Особенно в последнее время я был голоден всегда, а мастерица Хести недавно заявила, что, если я не перестану так быстро расти, мне придется заворачиваться в кору, как дикарю, потому что она понятия не имеет, как сделать так, чтобы одежда была мне впору. Я мечтал о большой глиняной миске, которую повариха всегда держала полной мягких сухарей, прикрытых тканью, и о круге особенно острого сыра, и о том, как все это прекрасно пойдет под кружечку эля. Наконец я вошел в кухню. За столом сидела женщина. Она ела яблоко и сыр, но при виде меня вскочила, прижав руку к сердцу, как будто ей явился Рябой собственной персоной. Я остановился.

– Я не хотел испугать вас, леди. Я просто был голоден и пришел взять немного еды. Вас не беспокоит, если я останусь?

Леди медленно опустилась обратно на стул. Я про себя удивился, что делает дама ее ранга одна в кухне среди ночи, поскольку ее высокое происхождение нельзя было скрыть простым кремовым платьем, которое на ней было, и устало-

стью, исказившей ее лицо. Это, без сомнения, была хозяйка верховой лошади в стойле, а не служанка какой-нибудь леди. Если она проснулась ночью от голода, почему она просто не попросила слугу принести ей чего-нибудь?

Леди отняла руку от груди и прижала пальцы к губам, словно для того, чтобы успокоить прерывистое дыхание. Когда она заговорила, голос ее был почти музыкальным:

– Я не стала бы мешать тебе есть. Я просто немного испугалась. Ты... вошел так внезапно.

– Благодарю вас, леди.

Я прошел по большой кухне от бочки с элем к сыру и хлебу, но, куда бы я ни двинулся, ее взгляд преследовал меня. Еда лежала, забытая на столе. Я повернулся, налив себе кружку пива, и увидел, что леди широко открытыми глазами смотрит на меня. Встретившись со мной взглядом, она мгновенно опустила голову. Губы ее шевелились, но она ничего не сказала.

– Могу я сделать что-нибудь для вас? – вежливо спросил я. – Помочь вам найти что-нибудь? Может быть, вы хотите немного эля?

– Если ты будешь так любезен, – прошептала она.

Я принес кружку, которую только что наполнил, и поставил на стол перед ней. Леди отшатнулась, когда я подошел к ней близко, как будто я нес какую-то заразу. Я подумал, не пахнет ли от меня после конюшен, но решил, что нет, потому что Молли наверняка сказала бы мне об этом. Она всегда

была откровенна со мной в таких вещах.

Я налил кружку эля себе, огляделся и счел, что лучше будет унести еду наверх, в мою комнату. Весь вид леди говорил о том, что она неловко чувствует себя в моем присутствии. Но когда я попытался взять одновременно сухари, сыр и кружку, леди показала мне на скамейку напротив нее.

— Сядь, — сказала она, словно читая мои мысли. — Нехорошо, если я не дам тебе спокойно поесть.

Ее слова были не приказом и не приглашением, а чем-то средним между ними. Я занял указанное ею место, расплескав немного эля, когда ставил на стол еду и кружку. Садясь, я ощущал на себе взгляд гостьи. Ее еда оставалась нетронутой. Я опустил голову, чтобы спрятаться от этого взгляда, и ел быстро, как крыса в углу, которая подозревает, что за дверью притаилась кошка. Леди не грубо, но открыто наблюдала за мной, руки мои стали неуклюжими, и, потеряв бдительность, я вытер рот рукавом.

Я не мог придумать ничего, что бы сказать, однако это молчание подстегивало меня. Сухарь во рту казался шершавым, я закашлялся, попытался запить его элем и поперхнулся. Брови леди подергивались, губы были крепко сжаты, я чувствовал ее взгляд, даже несмотря на то что сам старательно смотрел только в тарелку. Я торопливо ел, мечтая лишь о том, чтобы убежать от ее карих глаз и поджатых губ. Я запихал в рот последние куски хлеба и сыра и быстро встал, стукнувшись о стол и чуть не уронив скамейку. Я направил-

ся к двери, но на полдороге вспомнил наставления Баррича о том, как уходить из комнаты, в которой присутствует женщина. Я проглотил недожеванный кусок.

– Спокойной ночи, леди, – пробормотал я.

Мне казалось, что я говорю что-то не то, но я не мог вспомнить ничего лучшего. Я боком двинулся к двери.

– Подожди, – сказала она и, когда я остановился, спросила: – Ты спишь наверху или в конюшнях?

– Везде. Иногда. Я хочу сказать, и тут и там. Ах, тогда спокойной ночи, леди. – Я повернулся и почти побежал.

Я прошел уже половину лестницы, когда задумался над странностью ее вопроса. Только когда я стал раздеваться, чтобы лечь в постель, я понял, что до сих пор сжимаю пустую кружку из-под эля. Я заснул, чувствуя себя очень глупым и размышляя – почему.

Глава 12

Пейшенс

Пираты красных кораблей приносили страдания и несчастья собственному народу задолго до того, как они начали беспокоить берега Шести Герцогств. От скрытых во мраке истории начал их культа они поднялись к религиозной и политической власти благодаря безжалостной тактике. Вожди и предводители, которые отказывались следовать их обычаям, часто обнаруживали, что их жены и дети стали пленниками того, что мы сейчас называем «перековкой» в память о печальной судьбе Кузницы. Жестокосердные и безжалостные, какими мы считаем островитян, они традиционно имели сильно развитое чувство чести и использовали ужасные наказания для тех, кто нарушает законы рода. Вообразите муку островитянина-отца, чей сын был «перекован». Он должен или скрывать преступления сына, когда мальчик лжёт, крадет или насилует женщин в собственном доме, или смотреть, как с него заживо сдирают кожу за его преступления, и горевать о потере наследника и уважения других домов.

К тому времени, когда пираты красных кораблей начали совершать набеги на наши берега, они подчинили себе почти все Внешние острова. Те, кто открыто противостоял им, погибли или бежали. Остальные

неохотно платили дань и, сжав зубы, терпели бесчинства тех, кто стоял у кормила. Но многие охотно присоединились к пиратам, окрасив корпуса своих кораблей в красный цвет, и никогда не подвергали сомнению то, что делали приверженцы культа. Похоже, что эти новообращенные происходили в основном из подчиненных домов, у которых никогда прежде не было случая подняться на высшие ступени общественной лестницы. Но тому, кто правил пиратами красных кораблей, совершенно не было дела до предков человека, если тот сохранял непоколебимую преданность культу.

Я еще дважды видел ту странную леди, прежде чем узнал, кем она была. Второй раз я встретил ее следующей ночью и примерно в то же время. Молли была занята – варила варенье, и я отправился с Керри и Дирком слушать бродячих музыкантов в таверне. Возможно, я выпил на одну или две кружки эля больше, чем следовало. Меня не тошнило, и голова не кружилась, но я старался идти осторожно, потому что уже споткнулся о рытвину на темной дороге.

Рядом с пыльным кухонным двором с его булыжником и тележными сараями было небольшое огороженное пространство. Его обычно называли Женским садом. Не потому, что это исключительно женская территория, а просто потому, что женщины знали и любили его. В маленьком саду было красиво. Среди цветущих кустов и фруктовых деревьев, увитых лианами, было разбито множество низких цветочных

клумб. По саду были проложены красивые дорожки, покрытые зеленым камнем. Я знал, что в таком состоянии, как мое, нельзя идти прямо в постель. Если бы я лег, кровать начала бы кружиться и раскачиваться и в течение часа меня бы тошнило. Это был приятный вечер, и мне не хотелось так заканчивать его. Поэтому, вместо того чтобы идти в свою комнату, я отправился в Женский сад.

В одном углу сада, между прогретой солнцем стеной и маленьким прудиком, росло семь видов чабреца. От их аромата в солнечный день могла бы закружиться голова, но тогда, на грани вечера и ночи, смешанный запах оказал на мою голову благотворное воздействие. Я ополоснул лицо в маленьком пруду и прислонился спиной к каменной стене, которая все еще отдавала ночи солнечное тепло. Лягушки приветствовали друг друга. Я опустил глаза и наблюдал за спокойной поверхностью пруда, чтобы избежать головокружения.

Шаги. Потом женский голос резко произнес:

– Ты пил?

– Маловато, – ответил я приветливо, думая, что это Тилли, помощница садовника. – Маловато было времени или денег, – добавил я шутливо.

– Вероятно, ты научился этому от Баррича. Этот человек пьяница и развратник. И эти пороки он поощряет и в тебе. Он всегда опускает до своего уровня тех, кто рядом с ним.

Горечь в голосе женщины заставила меня поднять глаза. Я прищурился, чтобы разглядеть ее лицо в сгущающихся су-

мерках. Это была леди, которую я встретил на кухне прошлым вечером. Она стояла на дорожке в простой одежде, и можно было принять ее за обыкновенную девчонку. Она была стройная, не такая высокая, как я, хотя я не так уж и вымахал для своих четырнадцати лет. Но лицо ее было лицом женщины, а сейчас губы были сжаты в прямую линию и нахмуренные брови над карими глазами повторяли эту линию. Волосы у нее были темными и вьющимися, и, хотя она явно пыталась уложить их, несколько колечек выбились из прически и упали на лоб и шею.

Не то чтобы я чувствовал себя обязанным защищать Баррича, просто мое состояние не имело к нему никакого отношения. Так что я ответил что-то вроде того, что он, мол, в другом городе, на расстоянии нескольких миль отсюда, и вряд ли может отвечать за то, что попадает мне в рот.

Леди подошла на несколько шагов ближе.

– Но он же никогда не учил тебя ничему другому, верно? Он ведь никогда не советовал тебе не пить?

В южных странах есть поговорка: «Истина в вине». Наверное, немного истины есть и в эле. Во всяком случае, в эту ночь какую-то часть истины я высказал.

– На самом деле, моя леди, он был бы крайне недоволен мною сейчас. Первым делом он бы выбрал меня за то, что я не встаю, когда ко мне обращается леди. – тут я поднялся. – А потом он бы стал читать мне длинную нотацию о том, как должен вести себя человек, в котором течет кровь прин-

ца, пусть даже у него нет никакого титула. — Я попытался поклониться и, когда мне это удалось, совершил еще больший подвиг, взмахнув рукой и выпрямившись. — Так что добрый вам вечер, прекрасная Леди Сада. Желаю вам приятной ночи и избавляю вас от присутствия моей неотесанной персоны.

Я уже достаточно отошел к арке в стене, когда она окликнула меня:

— Подожди.

Но мой желудок издал тихое протестующее ворчание, и я сделал вид, что не расслышал. Она не пошла за мной, но я чувствовал, что леди не спускает с меня глаз, и поэтому старался держать голову высоко и идти твердо, пока не вышел из кухонного двора. Я с трудом дотащился до конюшни, где меня вырвало в навозную кучу, после чего заснул в чистом пустом стойле, поскольку ступеньки к комнатам Баррича оказались слишком крутыми.

Но юности свойственно поразительно быстро приходить в себя, особенно когда чувствуется опасность. На следующий день я встал на рассвете, поскольку знал, что Баррич должен вернуться после полудня. Я вымылся в конюшнях и решил, что рубаху, которую носил последние три дня, следует заменить. Я совершенно уверился в этом, когда в коридоре ко мне снова обратилась та же леди. Она оглядела меня сверху донизу и, прежде чем я успел заговорить, сказала:

— Смени рубашку. — И потом добавила: — В этих гамашах ты выглядишь как аист. Скажи мастерице Хести, что они

требуют замены.

– Доброе утро, леди, – поздоровался я.

Это был не ответ, но больше мне ничего не пришло в голову. Я решил, что эта женщина очень эксцентрична, даже больше, чем леди Тайм. Лучшей линией поведения будет ее рассмешить. Я ожидал, что она отойдет в сторону и отправится своей дорогой, но она продолжала удерживать меня взглядом.

– Ты умеешь играть на каком-нибудь музыкальном инструменте? – требовательно спросила она.

Я молча покачал головой.

– Значит, поешь?

– Нет, моя леди.

Она огорчилась:

– Тогда, может быть, тебя учили декламировать поэмы и учебные стихи – о травах, лекарствах и навигации... Ну, всякое такое?

– Только то, что относится к уходу за лошадьми, ястребами и собаками, – почти честно ответил я.

Баррич настаивал, чтобы я этому учился, Чейд рассказывал о ядах и противоядиях, но предупреждал, что это не общеизвестные факты и что о них нельзя болтать.

– Тогда ты, конечно, танцуешь? И умеешь сочинять стихи?

Я вконец смутился.

– Леди, я думаю, вы меня с кем-то перепутали. Может, вы

думали об Августе, племяннике короля? Он на год или на два моложе меня и...

– Я не ошиблась. Отвечай на мой вопрос! – потребовала она почти визгливо.

– Нет, моя леди, предметы, о которых вы говорите, для тех, кто... рожден в законном браке. Меня этому не обучали.

При каждом отрицательном ответе она казалась все более и более огорченной. Она все сильнее сжимала губы, ее карие глаза потемнели.

– Я этого так не оставлю! – заявила она и, взметнув вихрь юбок, поспешила прочь по коридору.

Через мгновение я пошел в свою комнату, сменил рубаху и надел пару самых длинных гамаш, которые у меня были. Я выбросил леди из головы и погрузился в гущу дел.

После полудня, когда вернулся Баррич, шел дождь. Я встретил его у конюшен и принял поводья лошади, когда он неловко соскочил с седла.

– Ты вырос, Фитц, – заметил он и критически оглядел меня, как будто я был лошадь или собака, которая вдруг начала подавать надежды. Он открыл рот, чтобы сказать что-то еще, потом покачал головой и фыркнул. – Ну? – спросил он, и я начал свой доклад.

Баррич отсутствовал не больше месяца, но тем не менее хотел знать все до малейших подробностей. Он шел рядом со мной и слушал, пока я вел его лошадь в стойло и потом чистил ее.

Меня удивляло, как сильно он иногда походил на Чейда. Они очень похоже требовали точных деталей в рассказе о событиях прошлой недели или прошлого месяца. Научиться докладывать Чейду было не так трудно; он просто сформулировал то, чего долгое время требовал от меня Баррич. Только через много лет я понял, как похоже это было на доклад солдата командиру.

Другой человек, выслушав мой рассказ о том, что произошло за время его отсутствия, пошел бы на кухню или вымылся. Но Баррич настоял на том, чтобы пройтись по стойлам, при этом он останавливался поболтать с грумом или тихо пошептаться с лошадьё. Подойдя к старой гнедой, принадлежавшей приезжей леди, Баррич остановился. Несколько минут он молча смотрел на лошадь.

— Я объезжал ее, — сказал он внезапно. При этих словах лошадь повернулась, чтобы взглянуть на Баррича, а потом тихо заржала. — Шелковинка, — негромко произнес он и погладил мягкий нос, потом вдруг вздохнул. — Значит, леди Пейшенс здесь. Она тебя уже видела?

Это был трудный вопрос. Тысяча мыслей сразу столкнулись у меня в голове. Леди Пейшенс Терпеливая, жена моего отца и, судя по многим сведениям, та, кто более всех виновата в том, что мой отец оставил двор и меня. Вот с кем я болтал на кухне, вот кого пьяно приветствовал! Вот кто расспрашивал меня утром о моем образовании! Барричу я пробормотал:

– Нас официально не представили, но мы встречались.

Он удивил меня, рассмеявшись.

– У тебя все на лице написано, Фитц. Я по одному твоему виду могу сказать, что она мало изменилась. Первый раз я встретил ее в саду ее отца. Она сидела на дереве. Она потребовала, чтобы я вытащил занозу из ее ноги, и тут же сняла туфлю и чулок, чтобы я мог это сделать. Прямо у меня на глазах. И она вовсе не имела никакого представления о том, кто я такой. Как и я о ней. Я думал, что она горничная. Это было давным-давно, конечно, и даже за несколько лет до того, как мой принц ее встретил. Думаю, я тогда был не намного старше, чем ты сейчас. – Он помолчал, и лицо его смягчилось. – А у нее была жалкая маленькая собачонка, которую она всегда носила с собой в корзинке. Собачонка вечно скулила, и ее рвало клочьями собственной шерсти. Ее звали Снежинка. – Он снова помолчал и улыбнулся почти нежно. – Надо же, вспомнить такое через столько-то лет!

– Ты ей понравился, когда она в первый раз тебя увидела? – спросил я бестактно.

Баррич посмотрел на меня, и глаза его стали непроницаемыми. Человек исчез за этим взглядом.

– Больше, чем нравлюсь сейчас, – огрызнулся он. – Но это к делу не относится. Давай-ка, Фитц, расскажи, что она думает о тебе.

Это тоже был трудный вопрос. Я стал вспоминать впечатления от наших встреч, сглаживая детали, насколько смел. Я

уже наполовину закончил рассказ о моем садовом приключении, когда Баррич поднял руку:

– Хватит!

Я замолчал.

– Когда ты вырезаешь куски из правды, чтобы не выглядеть дураком, то говоришь как слабоумный. Так что начинай лучше сначала.

Так я и сделал и не скрыл от него ничего – ни своего поведения, ни комментариев леди. Закончив, я застыл в ожидании приговора. Но он протянул руку и похлопал по носу верховую лошадь леди.

– Некоторые вещи со временем меняются, – сказал он наконец, – а некоторые нет. – Он вздохнул. – Что ж, Фитц, это на тебя похоже – ты всегда лезешь на глаза людям, которых должен избегать. Уверен, что это будет иметь последствия, но у меня нет ни малейшего представления о том, какие именно. А раз так, нет никакого смысла беспокоиться. Давай посмотрим на щенят Крысоловки. Говоришь, у нее шестеро?

– И все выжили, – сказал я гордо, потому что эта сука тяжело щенилась.

– Будем надеяться, что мы так же хорошо сможем позаботиться о себе, – пробормотал Баррич, когда мы шли через стойла.

Я удивленно посмотрел на него, но он, казалось, уже размышлял о чем-то другом.

– Я думал, у тебя хватит ума избегать ее, – заворчал на меня Чейд.

Это было совсем не то приветствие, которого я ждал после более чем двухмесячного отсутствия в его комнатах.

– Я не знал, что это была леди Пейшенс. Странно, что не было никаких слухов о ее прибытии.

– Она не любит слухов, – сообщил мне Чейд.

Он сидел в кресле перед очагом. В комнатах его было холодно, хотя он всегда мерз. К тому же сегодня он казался усталым, выдохшимся от того, что делал эти недели, прошедшие с тех пор, как я в последний раз его видел. Особенно старыми и костлявыми выглядели его руки, суставы распухли. Он отхлебнул вина и продолжал:

– У нее есть свои эксцентричные способы разделяться с теми, кто шушукается о ней у нее за спиной. Она всегда настаивала на том, чтобы никто не совал нос в ее жизнь. По одной этой причине из нее вышла бы неважная королева. Не то чтобы это волновало Чивэла. Он вступил в брак больше для себя самого, чем из политических соображений. Думаю, что это было первое большое разочарование для его отца. После этого, что бы ни делал Чивэл, это никогда полностью не устраивало Шрюда.

Я сидел тихо, как мышь. Пришел Проныра и устроился на моем колене. Чейд редко говорил так много, особенно о чем-то связанном с королевской семьей. Я затаил дыхание,

боясь вспугнуть его приступ откровенности.

– Иногда я думаю, что Чивэл инстинктивно чувствовал в Пейшенс что-то, в чем он нуждался. Он был думающим человеком, любил порядок, всегда был корректен, всегда точно знал, что происходит вокруг. Он был рыцарственным, мальчик, в самом лучшем смысле слова. Он не поддавался дурным или мелочным побуждениям. Это значило, что от него всегда исходила определенная напряженность. Так что те, кто не знал его достаточно хорошо, считали Чивэла холодным или высокомерным. И тогда он встретил эту девочку.

Она и правда была почти девочкой. В ней было не больше основательности, чем в паутине или в морской пене. Мысли и язык все время перелетали от одного к другому, туда-сюда, не останавливаясь, и я не мог уловить никакой связи. Мне было утомительно даже слушать ее. Но Чивэл улыбался и любовался. Может, дело было в том, что она абсолютно не благоговела перед ним. Может, в том, что она, как казалось, не особенно стремилась завоевать его. Но при наличии двух десятков поклонниц, лучшего происхождения и более умных, он выбрал Пейшенс. И это было совершенно неподходящее время для женитьбы – он захлопнул двери перед дюжиной возможных родственных связей, которые другая жена могла бы ему принести. У него не было никакой причины жениться в то время. Никакой.

– Кроме собственного желания, – сказал я и тут же чуть не откусил себе язык с досады, потому что Чейд кивнул и

потом встряхнулся, отвел глаза от огня и посмотрел на меня.

– Что ж. Довольно об этом. Я не буду спрашивать тебя, как ты произвел на нее такое впечатление или что заставило ее сердце снова обратиться к тебе. Но на прошлой неделе она пришла к Шрюду и потребовала, чтобы ты был признан сыном и наследником Чивэла и получил подобающее принцу образование.

У меня закружилась голова. Гобелен передо мной будто зашевелился. Или это был обман зрения?

– Разумеется, Шрюд отказался, – безжалостно продолжал Чейд. – Он пытался объяснить Пейшенс, почему это совершенно невозможно. Но она продолжала твердить: «Но вы же король! Как это может быть невозможным для вас?» – «Знать никогда не примет его. Это будет означать гражданскую войну. И подумай, что может произойти с неподготовленным мальчиком, если внезапно поставить его в такое положение!» так он ей сказал.

– О!.. – произнес я тихо.

Я не мог вспомнить, что чувствовал в это мгновение. Подъем? Ярость? Страх? Я знал только, что теперь это прошло, и чувствовал себя оскорбленным тем, что я вообще что-то почувствовал.

– Пейшенс, конечно, это вовсе не убедило. «Так приготовьте мальчика, – сказала она королю. – А когда он будет готов, судите сами». Только Пейшенс могла обратиться с такой просьбой в присутствии обоих, Верити и Регала. Верити

слушал тихо, потому что знал, чем это должно закончиться, но Регал позеленел. Он слишком легко выходит из себя. Даже идиоту должно быть ясно, что Шрюд никогда не согласится с требованием Пейшенс. Но он знает, как найти компромисс. Во всем остальном он уступил ей, главным образом, думаю, чтобы заставить ее замолчать.

– Во всем остальном? – глупо повторил я.

– Кое-что на пользу нам, а кое-что во вред. Как бы там ни было, это доставит нам много хлопот. – Чейд говорил и раздраженно, и возбужденно. – Надеюсь, ты сможешь выкроить еще несколько часов в день, мальчик, потому что я не собираюсь жертвовать своими планами из-за капризов Пейшенс. Она потребовала, чтобы ты был образован, как подобает человеку королевской крови. И поклялась, что возьмет это на себя. Музыка, поэзия, танцы, пение, манеры... Я надеюсь, что ты более терпим ко всему этому, чем был я в свое время. Хотя это никогда не раздражало Чивэла. Иногда он даже находил этим знаниям хорошее применение. Но занятия отнимут у тебя много времени. Кроме того, ты будешь пажом Пейшенс. Ты слишком взрослый для этого, но она настаивает. Лично я считаю, что она во многом раскаивается и пытается наверстать упущенное, а это никогда никому не удастся. Тебе придется сократить тренировки в оружейной, а Барричу надо будет найти себе другого конюшенного мальчика.

За тренировки в оружейной я не дал бы и бутылочной пробки. Как часто говорил Чейд, настоящий «хороший»

убийца работает скрытно и тихо. Если я как следует изучу ремесло, мне не придется размахивать мечом. Но мое время с Барричем... К тому же у меня было странное ощущение: я не знал, что именно чувствую по этому поводу. Я ненавидел Баррича. Иногда. Он был бесчувственным, властным диктатором. Он ожидал от меня безупречности во всех отношениях, но тем не менее прямо говорил, что я никогда не буду за это вознагражден. Но он также был открытым и прямым и верил, что я могу справиться с его требованиями...

– Вероятно, тебе интересно, какой выгоды для нас она добилась, – продолжал Чейд вроде бы рассеянно, но со скрытым возбуждением. – Это нечто, о чем я дважды просил для тебя и дважды получал отказ. Но Пейшенс приставала к королю, пока Шрюд не согласился. Это Сила, мальчик. Ты будешь учиться Силе.

– Сила, – повторил я, не понимая, что говорю. Все произошло слишком быстро.

– Да.

Я пытался собраться с мыслями.

– Баррич один раз говорил мне об этом. Давно.

Внезапно я вспомнил смысл того разговора между нами, когда Востронос нечаянно выдал меня. Баррич говорил, что Сила – это нечто противоположное тому чувству, которое я делю с животными. Тому самому чувству, которое раскрыло мне сущность людей из Кузницы. Может ли случиться, что обучение одному лишит меня другого? Что мое чувство бу-

дет уничтожено Силой? Я подумал о близости, которую делил с лошадьми и собаками, когда знал, что Баррича нет рядом. Я вспоминал Востроноса со смешанным чувством нежности и боли. Ни прежде, ни потом я никогда не был так близок ни к одному живому существу. Может быть, обучение Силе отнимет это у меня?

– В чем дело, мальчик? – Голос Чейда был добрым, но озабоченным.

– Не знаю. – Я замялся. Но никому, даже Чейду, я не смел выдать мой страх. Или мой позор. – Думаю, ни в чем.

– Ты наслушался старых сказок об обучении, – догадался он совершенно ошибочно. – Слушай, мальчик, это не может быть так плохо. Чивэл прошел через это. И Верити тоже. А теперь, когда нам угрожают красные корабли, Шрюд решил вернуться к прежним обычаям и тренировать всех подходящих кандидатов. Он хочет организовать отряд или даже два, чтобы дополнить то, что могут делать при помощи Силы он и Верити. Гален не в восторге, но я думаю, что это прекрасная идея. Хотя я сам, будучи бастардом, никогда не имел возможности учиться. Поэтому я по-настоящему не понимаю, как можно применять Силу для защиты страны.

– Ты бастард? – выпалил я.

Все мои перепутанные мысли внезапно были сметены этим открытием. Чейд смотрел на меня, так же потрясенный моими словами, как и я его.

– Конечно. Я думал, что ты давным-давно сообразил.

Мальчик, ты такой понятливый, но бываешь до смешного слепым в некоторых вещах.

Я смотрел на Чейда, как будто видел его в первый раз. Возможно, его шрамы скрыли это от меня. Сходство было очевидным. Лоб, уши, линия нижней губы.

– Ты сын Шрюда, – решил я, исходя только из его внешности.

Едва заговорив, я понял, какими нелепыми были мои слова.

– Сын? – Чейд мрачно засмеялся. – Как бы он нахмурился, услышав твои слова! Но правда заставляет его гримасничать даже больше. Он мой младший сводный брат, мальчик, только он был зачат в семейной постели, а я во время военной кампании в Песчаных пределах. – Потом он добавил мягко: – Моя мать была солдатом. Но она вернулась домой, чтобы выносить меня, а позже вышла замуж за гончара. Когда моя мать умерла, ее муж посадил меня на осла, дал мне ожерелье, которое она носила, и велел отвезти его к королю в Олений замок. Мне было десять. В те дни дорога из Вулкота в замок была долгой и тяжелой.

Я не знал, что сказать.

Чейд строго выпрямился.

– Гален будет учить тебя Силе. Шрюд угрозами заставил его сделать это. В конце концов мастер согласился, но с оговорками. Никто не должен вмешиваться в его методы обучения. Я хотел бы, чтобы это было не так, но тут я ничего не

могу поделаться. Ты просто должен быть осторожен. Ты знаешь о Галене, да?

– Немного, – сказал я. – Только с чужих слов.

– Что ты знаешь сам? – допытывался Чейд.

Я вздохнул и задумался.

– Он ест один. Я никогда не видел его за столом ни с солдатами, ни в обеденном зале. Никогда не видел, чтобы он просто стоял и разговаривал – ни на тренировочном плацу, ни в бане, ни в саду. Когда я вижу его, он всегда куда-то идет и всегда торопится. Он плохо обращается с животными. Собаки не любят его, и он слишком жестко правит лошадьми, так что рвет им губы и портит нрав. Думаю, он примерно одного возраста с Барричем. Гален одевается хорошо, так же роскошно, как Регал. Я слышал, что его называют человеком королевы.

– Почему? – быстро спросил Чейд.

– Мм... Это было давно. Гейдж. Он солдат. Он приходил как-то ночью к Барричу, немного пьяный и слегка раненный. Он подрался с Галеном, и Гален ударил его по лицу маленьким хлыстом или чем-то в этом роде. Гейдж просил Баррича подлечить его, потому что было уже поздно, а он не должен был пить этой ночью. Ему следовало стоять на часах или еще что-то. Гейдж сказал Барричу, что он услышал, как Гален говорит, будто Регал в два раза более достоин трона, чем Чивэл и Верити, вместе взятые, и что только дурацкий обычай не позволяет отдать ему корону. Гален сказал, что мать Рега-

ла более высокого рождения, чем первая королева Шрюда, и всякий знает, что это справедливо. Но Гален сказал кое-что еще, и из-за этого-то Гейдж и полез в драку. Он сказал, что королева Дизайер более знатного рода, чем сам Шрюд, потому что у нее кровь Видящих от обоих родителей, а у Шрюда только от отца. Так что Гейдж замахнулся на него, но Гален отступил и ударил его чем-то в лицо. — Я замолчал.

— И?.. — подбодрил меня Чейд.

— И значит, он ставит Регала выше Верити и даже выше короля. А Регал, ну... он просто принимает это как должное. Он более дружелюбен с Галеном, чем со слугами или с солдатами. Похоже, он советовался с ним те несколько раз, когда я видел их вместе; Гален одевается и ходит так же, как принц Регал, так что можно даже подумать, что он передразнивает его. Иногда они выглядят почти одинаково.

— Да? — Чейд наклонился ближе, в ожидании. — Что еще ты заметил?

Я покопался в своей памяти, разыскивая какие-нибудь наблюдения.

— Пожалуй, это все.

— Он никогда не заговаривал с тобой?

— Нет.

— Понятно, — кивнул Чейд самому себе. — А что ты знаешь о его репутации? Что подозреваешь?

Он пытался подвести меня к какому-то заключению, но я не мог догадаться к какому.

– Он из Фарроу. С материка. Его семья появилась в Баккипе вместе со второй женой короля Шрюда. Я слышал разговоры о том, что он боится воды, боится плавать на корабле и заходить в воду. Баррич уважает его, но не любит. Он говорит, что это человек, который знает свою работу и делает ее, но Баррич не может иметь дела с тем, кто плохо обращается с животными, даже если виной тому невежество. На кухне Галена не любят. Он всегда заставляет плакать самых младших. Он обвиняет девушек в том, что их волосы попадают в пищу или у них грязные руки, а про мальчиков говорит, что они грубят и неправильно подают еду. Повара тоже не любят его, потому что их помощники от расстройства плохо работают.

Чейд все еще смотрел на меня выжидающе, как будто хотел услышать что-то важное. Я напряг память, вспоминая еще какие-нибудь слухи.

– Он носит цепь, в которую вставлены три драгоценных камня. Ее подарила ему королева Дизайер за какую-то особую услугу. Мм... Шут ненавидит его. Он однажды сказал мне, что, если никого нет поблизости, Гален называет его уродом и бросает в него всякую гадость.

Чейд поднял брови:

– Шут разговаривает с тобой?

Голос его был более чем недоверчивым. Он так резко выпрямился в кресле, что вино выплеснулось из бокала ему на колени. Он рассеянно вытер их рукавом.

– Иногда, – осторожно подтвердил я. – Не очень часто. Только когда у него подходящее настроение. Он просто появляется и говорит мне всякие вещи.

– Какие такие вещи?

Я внезапно понял, что никогда не рассказывал Чейду эту загадку «запас псаспас». Тогда она казалась слишком запутанной, чтобы вдаваться в нее.

– О, просто странные вещи. Примерно два месяца назад он остановил меня и сказал, что утром не следует охотиться. Но погода была ясная и хорошая. Баррич в тот день добыл этого большого кабана. Вы помните. Это был тот же день, когда мы вышли на росомаху и она сильно порвала двух собак.

– Насколько я помню, она чуть не напала на тебя? – Чейд подался вперед со странным азартом.

Я пожал плечами.

– Баррич задавил ее. А потом он страшно ругал меня, как будто это была моя вина, и сказал, что он вышиб бы из меня мозги, если бы этот зверь повредил Уголька. Как будто я знал, что она повернет на меня! – Я помедлил. – Чейд, я знаю, что шут странный. Но мне нравится, когда он приходит разговаривать со мной. Он говорит загадками, и насмехается надо мной, и позволяет себе указывать мне, что я должен делать, по его мнению: не носить желтого или вымыть голову, но...

– Да? – Чейд подгонял меня, как будто то, что я говорил, было исключительно важно.

– Он мне нравится, – сказал я неуверенно. – Он насмехается надо мной, но, когда он это делает, мне не обидно. То, что он выбирает меня, чтобы разговаривать, заставляет меня чувствовать себя... ну, значительным.

Чейд откинулся назад. Он поднес руку к губам, чтобы скрыть улыбку, но я не понял, что его рассмешило.

– Доверяй своим инстинктам, – сказал он коротко. – И принимай все советы, которые шут дает тебе. И, как ты и делал раньше, не болтай о том, что он приходит говорить с тобой. Некоторые могут это неправильно понять.

– Кто? – спросил я.

– Может быть, король Шрюд. В конце концов, шут принадлежит ему. Куплен и оплачен.

Дюжина вопросов рвалась с моего языка. Чейд понял это по выражению моего лица, потому что поднял руку, чтобы остановить меня.

– Не теперь. Сейчас это все, что тебе нужно знать. На самом деле даже больше, чем тебе нужно знать. Но я был удивлен твоим открытием. Не в моем вкусе выдавать чужие секреты. Если шут захочет, чтобы ты знал больше, он может сам рассказать тебе. Но я припоминаю, что мы обсуждали Галена.

Я со вздохом откинулся в кресле.

– Гален. Так вот, он плохо обращается с теми, кто не может постоять за себя, одевается хорошо и ест один. Что еще я должен знать, Чейд? У меня были строгие учителя и были

неприятные. Я думаю, я научусь обходиться и с ним.

– Да уж постарайся. – Чейд был до ужаса серьезен. – Потому что он ненавидит тебя. Он ненавидит тебя больше, чем любил твоего отца. Глубина чувств, которые он испытывал к твоему отцу, беспокоила меня. Ни один человек, даже принц, не достоин такой слепой привязанности, в особенности столь внезапной. А тебя он ненавидит еще сильнее. Это пугает меня.

Что-то в тоне Чейда заставило меня похолодеть. Я ощутил тревогу, такую сильную, что я даже почувствовал приступ дурноты.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Потому что он сказал об этом Шрюду, когда Шрюд приказал включить тебя в число учеников. «Разве ублюдок не должен знать своего места? Разве он не должен быть доволен тем, что вы сделали для него?» А потом он отказался учить тебя.

– Отказался?

– Я же сказал. Но Шрюд был непреклонен. А он король, и Гален должен подчиняться ему сейчас, несмотря на то что он был человеком королевы. Так что Гален смягчился и сказал, что попытается научить тебя. Ты будешь встречаться с ним каждый день. Начнешь через месяц. А до этого ты принадлежишь Пейшенс.

– Где я буду учиться Силе?

– На одной из башен находится то, что называется Садом

Королевы. Ты будешь допущен туда. — Чейд помолчал, как бы желая предостеречь меня, но боясь испугать. — Будь осторожен, — сказал он наконец, — потому что в стенах этого сада я не имею никакого влияния. Там я слеп.

Это было странное предупреждение, и я принял его близко к сердцу.

Глава 13

Кузнечик

Леди Пейшенс славилась эксцентричностью уже в раннем возрасте. Когда она была девочкой, няньки говорили, что она упрямо требует независимости, но у нее не хватает здравого смысла, чтобы позаботиться о себе. Одна из них заметила: «Она будет весь день ходить с развязанными инурками, потому что не может завязать их, и все равно не допустит, чтобы это сделал кто-нибудь другой». Ей еще не исполнилось десяти лет, когда она начала избегать традиционных наук, которые следовало знать девочке ее положения, и заинтересовалась ремеслами, наверняка бесполезными в будущем: гончарным делом, татуировкой, изготовлением духов, а также выращиванием и разведением растений, особенно чужеземных.

Без малейших угрызений совести юная леди Пейшенс могла скрыться от наставников на несколько часов. Она предпочитала леса и фруктовые сады ухоженным дворикам в замке матери. Можно было подумать, что это сделало из нее выносливого и практичного ребенка. Но ничто не может быть дальше от истины, чем это предположение. Она, по-видимому, постоянно подвергала себя опасности, всегда была исцарапана и изранена, неоднократно терялась и никогда не

проявляла разумной осторожности перед человеком или зверем.

Образование леди Пейшенс в большой степени исходило от нее самой. Она овладела чтением и арифметикой в раннем возрасте и с этого времени изучала каждую книгу, свиток или таблицу, которые ей попадались, с жадным и неразборчивым любопытством. Учителя расстраивались из-за ее вызывающего поведения и частого отсутствия, что, впрочем, почти не влияло на ее способность усваивать их уроки быстро и хорошо. Но применение этих знаний вовсе не интересовало леди Пейшенс. Ее голова была полна фантазиями. Она заменяла поэзией и музыкой логику и манеры и не выказывала совсем никакого интереса к светской жизни и к искусству женского обольщения.

И тем не менее леди Пейшенс Терпеливая вышла замуж за принца, который ухаживал за ней с искренним энтузиазмом, что послужило поводом для первого серьезного скандала в его жизни.

Встань прямо!

Я вытянулся.

– Не так! Ты похож на индюка, которого собираются резать. Расслабься. Нет, плечи отведи назад, не горбись. Ты всегда стоишь так, расставив ноги?

– Леди, он всего лишь мальчик. Они всегда такие. Все состоит из углов и костей. Дайте ему войти и успокоиться.

– Ну хорошо. Тогда входи.

Я приветствовал кивком круглолицую служанку. Она улыбнулась в ответ, и на щеках у нее появились ямочки. Она указала мне на заваленную подушками и шальями скамью. Там едва оставалось место, чтобы сесть. Я уселся на краешек и оглядел комнату леди Пейшенс. Тут было хуже, чем у Чей-да. Если бы я не знал, что леди только недавно приехала, то подумал бы, что здесь никто не убирался много лет. Даже самое подробное перечисление не смогло бы дать представления об этой комнате, потому что примечательной ее делала несовместимость предметов. Веер из перьев, фехтовальная перчатка и охалка лисохвоста были сложены в потертый сапог. Маленький черный терьерчик с двумя толстыми щенками спал в корзинке, выложенной меховым капюшоном и несколькими шерстяными носками. Семейство резных костяных моржей стояло на дощечке рядом с лошадиной подковой. Но над всем этим господствовали растения. Тут были выпирающие из глиняных горшков, чайных чашек и кубков пучки зелени и ведра опилок и срезанных цветов. Вьюны свисали из кружек с отбитыми ручками и треснутых чашек. Случались и неудачи – кое-где из горшков с землей торчали голые палки. Растения громоздились повсюду, куда доходили лучи утреннего или послеполуденного солнца. Впечатление было такое, будто сад влился в окна и разросся вокруг разбросанных вещей.

– По всей вероятности, он еще и голоден, верно, Лейси? Я слышала, что мальчики всегда голодны. Думаю, на подставке

у моей кровати есть немного сыра и сухарей. Принесешь их ему, дорогая?

Леди Пейшенс стояла примерно на расстоянии вытянутой руки от меня, разговаривая со служанкой.

– Я на самом деле не голоден, спасибо, – выпалил я, прежде чем Лейси успела подняться на ноги. – Я здесь, потому что мне сказали: я могу быть в вашем распоряжении утром столько времени, сколько вы захотите.

Это был мягкий пересказ. То, что на самом деле сказал мне король Шрюд, звучало так: «Каждое утро отправляйся к ней и делай все, что она скажет, чтобы она наконец оставила меня в покое. И поступай так до тех пор, пока не надоешь ей так же, как она мне». Его резкость ошеломила меня, потому что я никогда доселе не видел его таким раздраженным. Когда я поспешно покидал королевские покои, вошел Верити, он тоже выглядел совершенно измученным. Король и принц оба разговаривали и двигались так, будто прошлой ночью выпили слишком много вина, но я видел их за столом, и там заметно недоставало и вина, и веселья. Верити взъерошил мои волосы, когда я проходил мимо.

– С каждым днем все больше походит на отца, – сказал он хмурому Регалу, появившемуся вслед за ним.

Регал сверкнул на меня глазами и громко хлопнул дверью.

Итак, я был здесь, в комнате моей леди, а она шелестела юбками и разговаривала через мою голову, как будто я был животным, которое может ни с того ни с сего укусить ее

или запачкать ковер. Я видел, что Лейси искренне веселится, глядя на нас.

– Да. Я это уже знаю, видишь ли, потому что это я попросила короля, чтобы тебя сюда прислали, – заботливо объяснила мне леди Пейшенс.

– Да, мэм.

Я выпрямился на краешке скамьи и попытался выглядеть воспитанным молодым человеком с хорошими манерами. Вспоминая наши предыдущие встречи, я едва ли мог порицать ее за то, что она обращается со мной как с идиотом.

Повисла пауза. Я разглядывал интерьер. Леди Пейшенс смотрела в окно. Лейси сидела, хихикала про себя и делала вид, что плетет кружева.

– О, вот. – Стремительно, как коршун, пикирующий на добычу, леди Пейшенс нагнулась и схватила за шкуру щенка черного терьера.

Малыш удивленно взвизгнул, а его мать недовольно уставилась на то, как леди Пейшенс пихает его мне в руки.

– Это тебе. Он твой. Каждому мальчику нужен щенок.

Я поймал извивающегося щенка и умудрился подхватить его, прежде чем леди Пейшенс разжала руки.

– А может, ты бы больше хотел птичку? У меня есть клетка с зябликами в спальне. Можешь взять одного из них, если тебе больше нравится.

– Нет-нет, лучше щенок. Щенок – он замечательный! – Вторая часть этого моего заявления была обращена к щенку.

Он испуганно пищал, и я инстинктивно попытался проникнуть в его сознание и успокоить. Его мать почувствовала мой контакт с ним и одобрила это. Она снова беззаботно устроилась в корзинке с белым щенком. Мой щенок посмотрел мне прямо в глаза. Это, по моему опыту, было довольно необычно. Большинство собак избегает долго смотреть в глаза человеку. Столь же необычной была его готовность к контакту. Я знал по тайным экспериментам в конюшнях, что многие щенки его возраста – это всего лишь пушистые комочки, все их нехитрые побуждения обращены к матери, молоку и сиюминутным потребностям. Этот же парнишка уже прекрасно осознавал себя и проявлял глубокий интерес ко всему окружающему. Ему нравилась Лейси, которая кормила его кусочками мяса, и он остерегался Пейшенс – не из-за плохого с ним обращения, а потому, что она спотыкалась о него и запихивала в корзинку всякий раз, когда он с таким трудом из нее выбирался. Он думал, что я замечательно пахну; запахи птиц, лошадей и других собак были в его сознании как бы цветными пятнами, символами предметов, которые пока не имели для него ни формы, ни реальности, но которые он тем не менее находил восхитительными. Я вообразил для него эти запахи, и он забрался мне на грудь, вертясь, извиваясь, принюхиваясь и восторженно вылизывая меня.

Возьми меня, покажи мне, возьми меня.

– ...даже не слушаешь?

Я вздрогнул, ожидая удара Баррича, потом понял, где

нахожусь, и осознал, что маленькая женщина стоит передо мной, уперев руки в бедра.

– Думаю, с ним что-то не в порядке, – неожиданно сообщила она Лейси. – Я видела, как он тут сидел и смотрел на щенка. По-моему, это было что-то вроде припадка.

Лейси умиротворяюще улыбнулась и продолжала плести кружева.

– Очень напоминает мне вас, леди, когда вы начинаете возиться с этими листьями и кусочками растений, а потом вдруг уставитесь в землю и сидите так.

– Ну, – Пейшенс была явно недовольна, – одно дело, когда взрослый задумывается, и совсем другое, когда мальчик стоит тут и выглядит просто слабоумным.

Позже, – обещал я щенку.

– Прошу прощения. – я попытался изобразить раскаяние. – Меня просто отвлек щенок.

Он свернулся у меня под мышкой и небрежно жевал краешек камзола. Трудно объяснить, что я чувствовал. Я должен был внимательно слушать леди Пейшенс, но это маленькое существо, уютно устроившееся у меня на груди, излучало восторг и удовлетворение. Это опьяняющее ощущение, когда ты внезапно становишься центром чьего-то мира, даже если этот кто-то – восьминедельный щенок. Это заставило меня осознать, каким глубоко одиноким я себя чувствовал и как долго.

– Спасибо, – сказал я и сам удивился горячей благодарно-

сти в голосе. – Огромное вам спасибо.

– Это только щенок.

Леди Пейшенс, к моему удивлению, казалась почти пристыженной. Она отвернулась и посмотрела в окно. Щенок облизнул нос и закрыл глаза.

Тепло. Спи.

– Расскажи мне о себе, – внезапно потребовала она.

Это ошеломило меня.

– Что бы вы хотели знать, леди?

Она горестно всплеснула руками:

– Что ты делаешь каждый день? Чему тебя учили?

И я попытался рассказать ей, но видел, что это ее не удовлетворило. Она крепко сжимала зубы при каждом упоминании Баррича. Леди Пейшенс совершенно не заинтересовали мои боевые упражнения, а о Чейде мне приходилось помалкивать. Она с неохотным одобрением кивала, слушая об уроках чтения, письма, языков и счета.

– Хорошо, – внезапно перебила она. – По крайней мере, ты не совсем невежда. Если ты умеешь читать, то можешь научиться чему угодно. Было бы желание. Оно у тебя есть?

– Думаю, да. – Это был вялый ответ, я начинал чувствовать себя затравленным.

Даже щенок не мог перевесить ее пренебрежения к моим занятиям.

– Тогда ты будешь учиться. Потому что я хочу, чтобы ты делал это, даже если сам еще не хочешь. – Она внезапно по-

суровела и резко сменила позу. Это меня озадачило. – Как тебя зовут, мальчик?

Опять этот вопрос.

– Можете звать меня просто мальчиком.

Спящий щенок у меня на руках жалобно заскулил. Я заставил себя успокоиться ради него. Я был удовлетворен, увидев, как преобразилось лицо Пейшенс.

– Я буду называть тебя... о!.. Томас. Или просто Том. Это тебя устраивает?

– Думаю, да, – осторожно согласился я.

Баррич даже кличку для собаки выбирал дольше. У нас в конюшнях не было Чернышей и Шариков. Баррич называл каждое животное так тщательно, как будто имел дело с особами королевской крови. Их имена означали определенные свойства или тип характера, которого он стремился от них добиться. Даже имя Уголек маскировало тихий огонь, который я научился уважать. Но эта женщина назвала меня Томом не моргнув глазом. Я потупился, чтобы избежать ее взгляда.

– Хорошо, – оживленно сказала она. – Приходи завтра в это же время. Я кое-что приготовлю для тебя. Предупреждаю, что жду старательности и прилежания. До свидания, Том.

– До свидания, леди.

Я повернулся и вышел. Лейси проводила меня взглядом и снова посмотрела на свою госпожу. Я чувствовал ее разоча-

рование, но не знал, в чем дело.

Было еще рано. Первая аудиенция заняла меньше часа. Меня нигде не ждали; я мог сам распоряжаться своим временем. Я отправился на кухню, чтобы выпросить объедков для моего щенка. Проще всего было бы отнести его вниз, в конюшню, но тогда Баррич узнал бы о нем. У меня не было никаких сомнений относительно того, что произойдет потом. Щенок останется в конюшнях. Номинально он будет моим, но Баррич позаботится о том, чтобы связь между нами оборвалась. Допустить этого я не мог.

Я все обдумал. Корзинка из прачечных и старая рубашка поверх соломы для его постели. Его прегрешения пока что будут невелики. Когда он станет старше, благодаря нашей связи его будет легче дрессировать. А пока ему придется какое-то время каждый день проводить в одиночестве. Но когда он подрастет, то сможет ходить со мной. В конечном счете Баррич узнает о его существовании. Я решительно отбросил эту мысль. С этим я разберусь позже. А сейчас щенку нужно имя. Я оглядел его. Он не был курчавым и голосистым терьером. У него будет короткая гладкая шерсть, крепкая шея и голова как ведро для угля. Но когда он вырастет, то будет в холке ниже колена, так что его кличка не должна быть слишком тяжеловесной. Я не хотел, чтобы он вырос бойцом, так что не будет никаких Пиратов и Бандитов. Он будет упорным и бдительным. Клещ, может быть? Или Сто-рож?

– Или Наковальня. Или Кузница.

Я поднял глаза. Шут вышел из алькова и шел за мной по коридору.

– Почему? – вырвалось у меня. Я больше не задавался вопросом, откуда шут знает, о чем я думаю.

– Потому что он разобьет твоё сердце и закалит твою силу в своём огне.

– Звучит немного мрачно, – возразил я. – А «кузница» теперь плохое слово, и я не хочу метить им своего щенка. Только вчера в городе я слышал, как пьяный орал на карманника: «Чтоб твою жену „перековали“!» И все останавливались и смотрели.

Шут пожал плечами.

– Что ж, это они могут. – он пошел за мной в комнату. – Тогда Кузнец. Или Кузнечик. Покажешь мне его?

Я неохотно передал ему щенка. Малыш проснулся и завертелся в руках у шута.

Нет запаха, нет запаха.

Я был потрясен, вынужденный согласиться со щенком. Даже теперь, когда для меня работал его маленький черный нос, я не мог различить никакого ощутимого запаха.

– Осторожно, не урони его.

– Я шут, а не идиот, – последовал ответ, но шут все-таки сел на мою постель и положил рядом щенка.

Кузнечик мгновенно начал нюхать и рыться в постели. Я сел с другой стороны – на случай, если он подойдет слишком

близко к краю.

– Итак, – небрежно начал шут, – ты намерен позволить ей подкупить себя подарками?

– Почему бы и нет? – Я пытался говорить непринужденно.

– Это было бы ошибкой для вас обоих. – Шут легонько ущипнул маленький хвостик Кузнечика, и малыш начал кружиться вокруг собственной оси со щенячьим рычанием. – Она захочет давать тебе вещи. Тебе придется принимать их, потому что нет вежливого способа отказаться. Но ты не знаешь, что они выстроят между вами – мост или стену.

– Ты знаешь Чейда? – спросил я, потому что шут говорил так похоже на моего учителя, что мне было просто необходимо знать это.

Никогда никому другому я ничего не говорил о Чейде, кроме Шрюда конечно, и не слышал никаких разговоров о нем в замке.

– Чейд или не Чейд, а я знаю, когда надо держать язык за зубами. Хорошо бы и тебе этому научиться. – Шут вдруг встал и пошел к двери. Там он на мгновение задержался. – Она ненавидела тебя только первые несколько месяцев. И на самом деле это не была ненависть к тебе, это была слепая ревность к твоей матери, которая смогла выносить ребенка для Чивэла, а Пейшенс не могла. Потом ее сердце смягчилось. Она хотела послать за тобой, чтобы вырастить тебя как собственного сына. Некоторые говорят, что она просто хотела обладать всем, что касалось Чивэла, но я так не думаю.

Я уставился на шута.

— Когда ты сидишь с открытым ртом, ты похож на рыбу, — заметил он. — Но конечно, твой отец отказался. Он сказал, что это будет выглядеть, как будто он официально признал своего бастарда. Но я вовсе не думаю, что дело было в этом. Скорее, это было бы опасно для тебя.

Шут сделал странное движение рукой, и у него в пальцах появилась полоска сушеного мяса. Я знал, что она была у него в рукаве, но все равно не мог понять, как он проделывает фокусы. Он бросил мясо на мою кровать, и щенок жадно схватил его.

— Ты можешь огорчить ее, если захочешь, — сказал шут. — Она чувствует такую вину за твое одиночество, и ты так похож на Чивэла, что все произнесенное тобой будет звучать для нее как вышедшее из его уст. Она как драгоценный камень с изъяном. Один точный удар, нанесенный твоей рукой, — и она разлетится на кусочки. К тому же она немного не в своем уме, знаешь ли. Они никогда бы не смогли убить Чивэла, если бы она не согласилась на его отречение. По крайней мере, не с таким веселым пренебрежением к последствиям. Она это знает.

— Кто это «они»? — спросил я.

— Кто *эти* они, — поправил меня шут и вышел из комнаты.

Когда я подошел к двери, его уже не было видно. Я попытался нащупать его сознание, но не ощутил почти ничего, как если бы он был «перекован». Я содрогнулся при этой

мысли и вернулся к Кузнечику. Он разжевал сушеное мясо и разбросал мокрые маленькие кусочки по всей кровати. Я смотрел на него.

– Шут ушел, – сказал я щенку.

Он вильнул хвостиком в знак того, что осведомлен об этом, и продолжал терзать мясо. Он был мой, он был подарен мне. Не просто конюшенная собака, за которой я ухаживал, а моя. Он находился вне сферы влияния Баррича. У меня было мало собственных вещей, кроме одежды и браслета, который дал мне Чейд, но щенок возместил мне все утраты, которые у меня когда-либо были.

Это был холеный и здоровый щенок. Шерсть его была сейчас гладкой, но она станет жестче, когда он повзрослеет. Когда я поднес его к окну, то увидел слабые цветные пятна на его шкурке – значит, он будет темно-тигровым. Я обнаружил одно белое пятнышко у него на подбородке и другое на левой задней лапе. Своими маленькими челюстями он вцепился в рукав моей рубашки и стал свирепо трясти его, издавая кровожадное щенячье рычание. Я возился с ним на кровати до тех пор, пока он не заснул крепчайшим сном. Тогда я перенес его на соломенную подстилку и неохотно занялся дневными уроками.

Эта первая неделя с Пейшенс была утомительной для нас обоих. Я научился всегда оставлять какую-то часть своего внимания с Кузнечиком, так что он никогда не чувствовал себя настолько одиноким, чтобы провожать меня воем. Но

пока не выработалась привычка, это требовало некоторых усилий, так что иногда я бывал довольно рассеянным. Баррич хмурился из-за этого, но я убедил его, что всему виной мои занятия с Пейшенс.

– Не имею представления, что эта женщина хочет от меня, – говорил я ему на третий день. – Вчера это была музыка. Она два часа пыталась учить меня играть на арфе, морской свирели, а потом на флейте. Каждый раз, когда я был готов сыграть несколько правильных нот на одном из инструментов, она вырывала его у меня и требовала, чтобы я попробовал другой. Кончилось тем, что она поставила под сомнение мои способности к музыке. Сегодня утром это была поэзия. Она настроилась научить меня истории про королеву Хилселл Целительницу и ее сад. Там есть длинный кусок о всех тех травах, которые она выращивала, и для чего нужна каждая из них. И она все это перепутала, и сбила меня с толку, и рассердилась, когда я повторил ей ее собственные слова, и сказала, что я должен знать, что кошачья мята не годится для припарок, и что я издеваюсь над ней. И когда она заявила, что у нее из-за меня разболелась голова и нам следует прекратить, я только обрадовался. А когда я предложил принести ей бутоны с куста дамской ручки, чтобы вылечить ее головную боль, она выпрямилась и сказала: «Вот. Я знала, что ты издеваешься надо мной». Я не знаю, как угодить ей, Баррич.

– А зачем тебе вообще нужно ей угождать? – прорычал

он, и я оставил эту тему.

Этим вечером Лейси пришла в мою комнату. Она постучалась, потом вошла, сморщив нос.

– Ты бы лучше разбросал здесь побольше травы, если собираешься держать этого щенка в комнате. И пользуйся водой с уксусом, когда убираешь за ним. Здесь пахнет как в конюшне.

– Наверное. – Я с любопытством смотрел на нее и ждал.

– Вот, я принесла. Похоже, тебе это больше всего понравилось. – Она протянула мне морскую свирель.

Я посмотрел на короткие толстые трубки, связанные вместе полосками кожи. Они действительно больше всех понравились мне из трех инструментов Пейшенс. У арфы было слишком много струн, а звук флейты был чересчур пронзительным для меня, даже когда на ней играла Пейшенс.

– Госпожа послала это мне? – озадаченно спросил я.

– Нет, она не знает, что я это взяла. Она решит, что свирель затерялась в ее беспорядке, так часто бывает.

– А почему ты принесла ее мне?

– Чтобы ты практиковался. Когда немножко освоишься, принесешь назад и покажешь леди, чему научился.

– Но почему?

Лейси вздохнула:

– Потому что тогда ей будет легче. А от этого и моя жизнь станет гораздо легче. Ничего нет хуже быть горничной у такого павшего духом человека, как леди Пейшенс. Она отча-

янно хочет, чтобы у тебя хоть что-то получилось. Она продолжает испытывать тебя, надеясь, что у тебя проявится какой-нибудь внезапный талант и она сможет хвастаться тобой и говорить людям: «Смотрите, видите? Я же говорила вам, что в нем это было». Ну вот, а у меня есть собственные мальчики, и я знаю, что с ними так не бывает. Они не учатся, и не растут, и у них нет манер, когда вы на них смотрите. Но стоит только отвернуться, а потом посмотреть на них снова — и пожалуйста, они уже стали умнее и выше и очаровывают всех, кроме собственных матерей.

Я немножко растерялся.

— Ты хочешь, чтобы я научился играть на этом, и тогда Пейшенс будет счастливее?

— Она сможет чувствовать, что что-то дала тебе.

— Она дала мне Кузнечика. Лучшего нельзя было и придумать.

Лейси казалась удивленной моей внезапной искренностью. И я тоже.

— Хорошо. Можешь сказать ей об этом. Но можешь и попытаться научиться играть на морской свирели, или выучить наизусть балладу, или спеть несколько старых молитв. Это она поймет лучше.

Лейси удалилась, а я некоторое время сидел и думал, разрываясь между злостью и тоской. Пейшенс хотела, чтобы я имел успех, и надеялась найти что-то, что я могу делать. Как будто бы до нее я никогда не совершил ничего стоящего. Но,

подумав немного о сделанном мною и о том, что ей известно, я понял, что ее представление обо мне должно быть несколько односторонним. Я мог читать и писать, ухаживать за лошадьми и собаками. Я мог также варить яды и готовить сонное зелье. Я умел врать, воровать и обладал некоторой ловкостью рук. И ничего из этого не могло бы понравиться ей, даже если бы она об этом узнала. Так что мне не оставалось ничего другого, кроме как быть шпионом и убийцей.

На следующее утро я проснулся рано и нашел Федврена. Он обрадовался, когда я попросил у него несколько кисточек и краски. Бумага, которую он мне дал, была лучше, чем учебные листы, и он потребовал от меня обещания показать ему результат моих опытов. Поднимаясь к себе по лестнице, я раздумывал о том, каково было бы быть его помощником. Уж конечно, это было бы не труднее моих занятий в последнее время.

Но задача, которую я перед собой поставил, оказалась гораздо труднее, чем то, что требовала от меня Пейшенс. Я смотрел, как Кузнечик спит у себя на подушке. Как мог изгиб его спины так уж сильно отличаться от изгиба руны, какая существенная разница между тенями от его ушей и тенями в иллюстрациях к травнику, который я с таким трудом копировал с работы Федврена? Но разница была, и я изводил лист за листом, пока внезапно не понял, что эти тени, окружающие щенка, обозначают линию его спины или изгиб лап. Мне надо было покрывать краской меньшее, а не боль-

шее пространство и изображать то, что видят мои глаза, а не то, что знает мой разум.

Было уже поздно, когда я вымыл кисточки и отложил их в сторону. У меня было два листа, которые мне нравились, и третий, на мой взгляд, самый лучший, хотя он был слабый и неясный – скорее мечта о щенке, чем настоящий щенок. В большей степени то, что я чувствую, чем то, что вижу, подумалось мне.

Но когда я стоял перед дверью леди Пейшенс и смотрел вниз на бумаги в моей руке, то внезапно показался себе маленьким ребенком, дарящим матери смятые и поникшие одуванчики. Разве это подходящее занятие для юноши? Если бы я действительно был помощником Федврена, тогда эти упражнения были бы вполне закономерными, потому что хороший писарь должен уметь иллюстрировать и раскрашивать так же хорошо, как и писать. Но дверь открылась прежде, чем я успел постучать, и я оказался в комнате. Руки мои все еще были перепачканы краской, листы влажные.

Я молчал, когда Пейшенс раздраженно приказала мне войти, потому что я уже и так достаточно опоздал. Я уселся на краешек стула с каким-то смятым плащом и незаконченным шитьем. Я положил рисунки сбоку, на гору таблиц.

– Думаю, что ты можешь научиться читать стихи, если захочешь, – заметила она с некоторой суровостью, – и таким образом ты мог бы научиться сочинять стихи. Рифмы, размеры не более чем... Это щенок?

– Должен был быть щенок, – пробормотал я.

Не помню, чтобы когда-нибудь я чувствовал себя более жалким и смущенным.

Она бережно подняла листы и долго рассматривала их, каждый по очереди, сперва поднося их близко к глазам, а потом глядя с расстояния вытянутой руки. Дольше всего она смотрела на расплывчатый.

– Кто это для тебя сделал? – спросила она наконец. – Это не извиняет твоего опоздания, но я могла бы найти хорошее применение для того, кто может изобразить на бумаге то, что видит глаз, такими верными цветами. Это беда всех травников, которые у меня есть: все покрашено зеленым цветом независимо от того, серые они или розоватые. Такие таблицы бесполезны, если собираешься по ним учиться...

– Я подозреваю, что он сам нарисовал щенка, мэм, – великодушно вмешалась Лейси.

– А бумага! Она лучше, чем то, что у меня было тогда... – Пейшенс внезапно замолчала. – Ты, Томас? – (Думаю, она впервые вспомнила об имени, которым меня нарекла.) – Ты так рисуешь?

Под ее недоверчивым взглядом я неловко кивнул. Она снова взяла в руки рисунки.

– Твой отец не мог нарисовать и кривой линии, разве что на карте. Твоя мать хорошо рисовала?

– Я ничего не помню о ней, леди, – неохотно ответил я.

Еще ни у кого на моей памяти не хватало смелости задать

мне такой вопрос.

– Что? Ничего? Но тебе же было шесть лет. Ты должен что-нибудь вспомнить. Цвет ее волос, голос, как она называла тебя...

В ее голосе было болезненное любопытство, как будто она не могла утерпеть и не задать этот вопрос.

И на мгновение я почти вспомнил. Запах мяты или, может быть... Все исчезло.

– Ничего, леди. Если бы она хотела, чтобы я ее помнил, она бы не оставила меня, я полагаю, – вырвалось у меня.

Конечно же, я не должен был ничего помнить о матери, которая бросила меня и даже не делала никаких попыток искать.

– Хорошо. – В первый раз, я думаю, Пейшенс поняла, что наша беседа зашла не туда, куда следовало. Она смотрела в окно, на серый день. – Кто-то хорошо учил тебя, – сказала она довольно веселым голосом.

– Федврэн. – Когда она ничего не сказала, я добавил: – Замковый писарь, знаете ли. Он хотел бы, чтобы я был его помощником. Он доволен тем, как я пишу, а теперь просит копировать его рисунки, конечно, когда у нас есть время. Я часто занят, а его часто нет, он ищет новый камыш для бумаги.

– Камыш для бумаги? – вяло удивилась она.

– У него мало бумаги. Было довольно много, но постепенно он ее использовал. Он получил ее у торговца, который

взял ее у другого, а тот еще у одного, так что Федврэн не знал, откуда она взялась. Но, судя по тому, что ему говорили, она была сделана из толченого камыша. Эта бумага гораздо лучше той, что мы делаем. Она тонкая, гибкая и со временем не крошится, но чернила держатся на ней, а края рун не расплываются. Федврэн говорит, что, если мы сможем сделать такую же, это многое изменит. При хорошей прочной бумаге каждый человек сможет получить копию летописи с преданиями из замка. А будь бумага дешевле, больше детей могло бы научиться писать и читать, – по крайней мере, он так говорит. Не понимаю, почему он так...

– Я не знала, что кто-то здесь разделяет мои интересы. – Внезапное оживление осветило лицо леди. – Он пробовал бумагу, сделанную из толченого корня лилии? У меня кое-что из него вышло. И еще неплохая бумага из волокон коры кинью, если сперва свернуть их, а потом спрессовать. Она прочная и гибкая, правда, поверхность оставляет желать много лучшего. В отличие от этой бумаги...

Она снова бросила взгляд на листки в ее руке и замолчала. Потом спросила:

– Ты так сильно любишь щенка?

– Да, – сказал я просто, и наши глаза встретились.

Пейшенс смотрела на меня так же отстраненно, как иногда смотрела в окно. Внезапно глаза ее наполнились слезами.

– Порой ты так похож на него, что... – она задохнулась. – Ты должен был быть моим! Это несправедливо! Ты должен

был быть моим!

Она выкрикнула это с такой яростью, что я испугался, что она сейчас ударит меня. Но она бросилась ко мне и сжала меня в объятиях, по дороге наступив на свою собаку и перевернув вазу с зеленью. Собака с воплем вскочила, ваза рухнула на пол, так что вода и осколки полетели во все стороны, а лоб моей леди стукнул меня под подбородок, и несколько мгновений я не видел ничего, кроме разноцветных искр. Прежде чем я смог как-то отреагировать, она отстранилась от меня и с криком, похожим на крик ошпаренной кошки, кинулась в свою спальню. И захлопнула за собой дверь.

Все это время Лейси продолжала плести кружева.

– С ней иногда бывает, – заметила она благодушно и кивнула на дверь. – Приходи завтра, – напомнила она и добавила: – Ты знаешь, леди Пейшенс очень полюбила тебя.

Глава 14

Гален

Гален, сын ткача, приехал в Олений замок мальчиком. Его отец был одним из личных слуг королевы Дизайер, которые последовали за ней из Фарроу. Тогда мастером Силы в Оленьем замке была Солисити. Она учила Силе короля Баунти и его сына Шрюда, так что к тому времени, когда сыновья Шрюда немного подросли, Солисити была уже очень стара. Она обратилась с просьбой к королю Баунти, сказав, что хотела бы взять помощника, и он дал согласие. Гален пользовался благосклонностью королевы, и по настоятельной просьбе будущей королевы Дизайер Солисити выбрала юного Галена своим учеником. В то время, как и сейчас, Сила была запретна для бастардов дома Видящих, но, когда талант неожиданно расцветал среди тех, кто не принадлежал к королевскому роду, дар взлелеивали и вознаграждали. Без сомнения, Гален был одним из таких людей, мальчиком, проявившим странный и неожиданный талант, который привлек внимание мастера Силы.

Когда принцы Чивэл и Верити стали достаточно взрослыми, чтобы начать изучение Силы, Гален уже мог помогать Солисити учить их, хотя был всего на год или на два старше принцев.

И снова моя жизнь стала стремиться к равновесию и быстро нашла его. Неловкость моего общения с леди Пейшенс со временем уступила место осознанию, что мы никогда не станем слишком уж близки друг другу. Но ни один из нас не испытывал необходимости делиться своими чувствами. Мы держались на определенном расстоянии и умудрились достичь своеобразного молчаливого взаимопонимания. Однако в официальном течении наших отношений иногда случались моменты искреннего веселья, а иногда мы даже прекрасно ладили.

Когда она перестала настаивать на том, чтобы я учился всему, что должен знать принц Видящих, оказалось, что Пейшенс может научить меня очень многому. Мало что осталось от того, чему она хотела учить меня с самого начала. Я действительно приобрел некоторые практические навыки в области музыки, но только благодаря тому, что время от времени брал у нее инструменты и долгие часы экспериментировал с ними у себя в комнате. Я стал для нее скорее посыльным, чем пажом, и, бегая по ее поручениям, много узнал об искусстве парфюмерии и разнообразных растениях. Даже Чейд пришел в восторг, обнаружив мои новые успехи в размножении растений с помощью корней и листьев, и с интересом наблюдал за ходом многочисленных экспериментов, когда мы с Пейшенс заставляли цветы с одного дерева распускаться на ветке другого. Некоторые наши опыты оказались удачными. Это было волшебство, о котором она

слышала, но не решалась попробовать. До сегодняшнего дня в Женском саду стоит яблоня, на одной ветке которой растут сливы. Когда я заинтересовался искусством татуировки, Пейшенс отказалась позволить мне раскрашивать собственное тело, сказав, что я слишком молод для такого решения, но без малейшего сомнения разрешила смотреть и в конце концов ассистировать в медленном вкалывании краски в ее колено и икру, где со временем получилась гирлянда цветов.

Но все это складывалось месяцы и годы, а не дни. Когда истекла первая декада нашего знакомства, мы остановились на прохладно-вежливом тоне по отношению друг к другу. Пейшенс встретила с Федвроном и заручилась его поддержкой в проекте изготовления бумаги из корней. Щенок быстро подрастал и все больше меня радовал. Поручения леди Пейшенс давали мне превосходный повод видаться с моими городскими друзьями, особенно с Молли. Молли была бесценным гидом у ароматных прилавков, на которых я находил все, чтобы пополнить запасы парфюмерии леди Пейшенс. «перекованные» и пираты красных кораблей все еще угрожали людям, но в эти две недели угроза казалась мне отдаленной, как зимний холод в середине лета. Очень короткий период я был счастлив и – еще более редкий дар судьбы – знал это.

И тогда начались мои уроки с Галеном.

В ночь перед тем, когда я должен был приступить к занятиям, Баррич послал за мной. Я пошел к нему, размышляя,

какую работу умудрился плохо выполнить и за что он будет меня бранить. Он ждал меня у конюшни, переминаясь с ноги на ногу, беспокойно, как привязанный жеребец. Торопливым кивком Баррич велел мне следовать за ним и отвел в свою комнату.

– Чай? – предложил он и, когда я кивнул, налил мне кружку из теплого чайника на его очаге.

– Что случилось? – спросил я, принимая кружку.

Я никогда не видел его в таком напряжении. Это было так не похоже на Баррича, что я боялся каких-нибудь ужасных новостей – что Уголек заболела или умерла или что он узнал о существовании Кузнечика.

– Ничего, – солгал Баррич и сделал это так плохо, что немедленно понял свою оплошность и поспешил ее исправить. – Дело вот в чем, мальчик. Сегодня ко мне приходил Гален. Он сказал, что ты будешь учиться Силе. И он потребовал от меня, чтобы я никоим образом не вмешивался, пока он будет учить тебя, – не давал советов, не требовал работы и даже не делил с тобой трапезу. Он был очень... резок. – Баррич помолчал, и я подумал, какое слово он заменил на более мягкое. Он отвел глаза. – Было время, когда я надеялся, что тебе предложат учиться, но этого не случилось, и я решил, что это, пожалуй, к лучшему. Гален может быть суровым учителем. Очень суровым. Я слышал разговоры об этом раньше. Он гонит своих учеников, но говорит, что требует от них не больше, чем от себя самого. И, мальчик, я слышал

то же самое и о себе, если ты можешь этому поверить.

Я позволил себе легкую улыбку, но Баррич только нахмурился в ответ.

– Слушай, что я тебе говорю. Гален открыто тебя недолюбливает. Конечно, он совсем тебя не знает, так что ты здесь ни при чем. Его нелюбовь идет лишь оттого, кто ты и чему ты был причиной, – боги свидетели, это не твоя вина. Но если бы Гален сделал такое заключение, ему пришлось бы согласиться с тем, что это вина Чивэла, а я не помню, чтобы он признавал в Чивэле какие-нибудь недостатки... Но можно же любить человека и здраво оценивать его.

Баррич сделал круг по комнате, потом вернулся к огню.

– Просто скажи мне то, что собирался, – предложил я.

– Я пытаюсь, – огрызнулся он. – Это не так уж легко – подобрать нужные слова. Я даже не уверен, что должен разговаривать с тобой. Является ли это вмешательством или советом? Но твои уроки еще не начались, так что я скажу это сейчас. Делай для него все, что можешь. Не спорь с Галеном. Будь уважительно вежливым. Слушай его и учись так быстро и хорошо, как можешь. – Он снова замолчал.

– Я, собственно, так и собирался, – заметил я несколько резко, так как был уверен, что Баррич хотел сказать что-то совсем другое.

– Я знаю это, Фитц! – он внезапно вздохнул и рухнул в кресло у стола напротив меня. Потом стиснул голову руками, как будто она болела. Я никогда не видел его таким взволно-

ванным. — Давным-давно я разговаривал с тобой... об этом, другом волшебстве, Даре. Проникать в сознание животных, почти превращаясь при этом в одно из них... — Он замолчал и оглядел комнату, как будто боялся, что кто-то может его услышать. Потом наклонился ко мне поближе и заговорил тихо, но настойчиво: — Не пачкайся о Дар. Я изо всех сил старался, чтобы ты понял, насколько это позорно и неправильно. Но я ни разу не почувствовал, что ты действительно понял это. О, я знаю, что ты по большей части подчинялся моим требованиям. Но несколько раз я чувствовал или подозревал, что ты делаешь нечто, чего не может позволить себе ни один порядочный человек. Говорю тебе, Фитц, лучше бы я увидел тебя... лучше бы я увидел тебя «перекованным». Да, и нечего так на меня смотреть. Я говорю то, что думаю. А что до Галена... смотри, Фитц, никогда даже не упоминай о Даре при нем. Не говори, даже не думай об этом поблизости от него. Я мало знаю про Силу и про то, как она действует, но иногда... О, иногда, когда твой отец касался меня ею, мне казалось, он читает в моем сердце лучше меня самого. Он видел то, что я скрывал даже от себя.

Внезапно кровь прилила к лицу Баррича, и в его глазах блеснули слезы. Он посмотрел на огонь, и я почувствовал, что мы подходим к сути того, что он должен был сказать. Не хотел, а именно был должен. В нем был глубокий страх, в котором он не мог себе признаться. Человек менее мужественный и менее суровый к самому себе дрожал бы на ме-

сте Баррича.

— ...боюсь за тебя, мальчик. — Баррич говорил серым камням над очагом, и так тихо, что я с трудом разбирал слова.

— Почему? — Чем проще вопрос, тем лучше, учил меня Чейд.

— Я не знаю, увидит ли он это в тебе, или что он сделает, если увидит. Я слышал... нет, я знаю, что это правда. Жила на свете девушка, в сущности говоря — почти девочка. У нее был подход к птицам. Она жила в горах, к западу отсюда, и говорили, что она может вызвать с неба дикого ястреба. Некоторые люди восхищались ею и утверждали, что это от богов. Они относили к ней домашнюю птицу или звали эту девушку, если курица плохо неслась. Она не делала ничего, кроме хорошего, насколько я слышал. Но однажды Гален выступил против нее. Он сказал, что это извращение и что для мира будет очень плохо, если она доживет до того, чтобы рожать детей. И однажды утром ее нашли избитой до смерти.

— Это сделал Гален?

Баррич пожал плечами — жест, весьма для него необычный.

— Его лошади не было в конюшне в ту ночь, это я знаю. А его руки были в синяках, и у него были царапины на лице и шее. Но не те царапины, которые могла бы нанести женщина, мальчик. Следы когтей, как будто бы на него напал ястреб.

— И ты ничего не сказал? — усомнился я.

Он горько и отрывисто засмеялся:

– Кое-кто другой высказался еще до меня. Галена обвинил двоюродный брат той девушки, который работал здесь, в конюшне. Он не стал ничего отрицать. Они пошли к Камням-Свидетелям и дрались друг с другом, ища правосудия Эля, который всегда присутствует там. Судом выше королевского решаются там споры, и никто не может возразить против его решения. Мальчик умер. Все сказали, что это правосудие Эля и что мальчик солгал. Один человек сообщил об этом Галену. А тот ответил, что правосудие Эля заключалось в том, что девочка умерла, прежде чем родила, и ее двоюродный брат тоже. – Баррич замолчал.

Меня мутило от его рассказа, и холодный страх сковал меня. Вопрос, однажды разрешенный у Камней-Свидетелей, не может быть поднятым вновь. Это больше чем закон, это воля самих богов. Так что меня будет учить человек-убийца, который попытается убить и меня, если заподозрит, что я владею Даром.

– Да, – сказал Баррич. – Ох, Фитц, сынок, будь осторожным, будь мудрым. – Мгновение я чувствовал потрясение, потому что это звучало так, как если бы он боялся за меня. Но потом он добавил: – Не позорь меня. Не позорь отца. Не дай Галену повода сказать, что я позволил сыну моего принца вырасти полужверем. Покажи ему, что в тебе течет истинная кровь Чивэла.

– Попробую, – пробормотал я.

Той ночью я лег в постель разбитым и испуганным.

Сад Королевы был расположен отнюдь не поблизости от Женского сада, Кухонного сада или какого-нибудь другого сада в Оленьем замке. Он был на самом верху круглой башни. С тех сторон, которые выходили на море, стены были высокими, но к югу и к западу они были гораздо ниже, и вдоль стен стояли скамьи. Камень ловил солнечное тепло и предохранял от соленого ветра с моря. Воздух там был неподвижным, почти как если бы кто-то прижал руки к моим ушам. Тем не менее этот выращенный на камнях сад выглядел странно запущенным. В нем были каменные бассейны – может быть, купальни для птиц, а может, они некогда были своеобразными клумбами водных растений – и различные кадки и горшки с землей попеременно со статуями. Вероятно, некогда там пышно цвели растения. Теперь от них осталось только несколько сухих стеблей, землю покрыл мох. Засохшие побеги плюща ползли по полусгнившей решетке. Это наполнило мое сердце застарелой тоской, промозглой, как первое дыхание наступающей зимы, которое уже чувствовалось в воздухе. «Лучше бы это место отдали в распоряжение Пейшенс, – подумал я. – Она бы снова вдохнула в него жизнь».

Я пришел первым. Вскоре появился Август. У него была коренастая фигура Верити, подобно тому как я получил в наследство высокий рост Чивэла, и темные волосы, присущие всем Видящим. Как всегда, он вел себя сдержанно, но

вежливо. Он удостоил меня кивком, а потом прошел мимо, разглядывая скульптуры.

Остальные появились вскоре после него. Я был удивлен, что нас так много – больше дюжины. Кроме Августа, сына сестры короля, никто не мог похвалиться таким количеством крови Видящих, как я. Тут были двоюродные и троюродные братья и сестры – как младше, так и старше меня. Август был, вероятно, самым младшим, на два года младше меня, а Сирен, девушка, которой было уже значительно больше двадцати, – самой старшей. Среди учеников не чувствовалось обычного оживления: несколько человек тихо разговаривали, но большинство прогуливалось по саду, заглядывая в пустые бадьи и рассматривая статуи.

И тогда пришел Гален.

Он с грохотом захлопнул за собой дверь на лестницу. Некоторые вздрогнули. Он стоял, рассматривая нас, мы, в свою очередь, молча смотрели на него.

Мужская худоба бывает разной. Некоторые, вроде Чейда, кажется, так заняты, что либо забывают поесть, либо сжигают все съеденное в пламени страстной очарованности жизнью. Но есть другие, которые идут по миру как мертвецы, с провалившимися щеками и выпирающими костями. Чувствуется, что они так недовольны всем окружающим, что ненавидят каждый кусок, который принимают в себя. Я готов был поклясться, что Гален никогда не получал удовольствия ни от одного куска пищи.

Его одежда озадачила меня. Это был пышный богатый камзол с отороченным мехом воротником. Янтарные бусы висели у него на груди такими плотными рядами, что могли бы отразить удар меча. Но богатая ткань так тесно облегла его, что, казалось, у портного не хватило материала, чтобы закончить костюм. В то время как широкие рукава с яркой тканью в прорезях были признаком богатства, рубашка обтягивала его торс туго, как шкура кошки. Сапоги были высокими и доходили до икр, на поясе висел маленький арапник, как будто Гален только что скакал верхом. Одежда его выглядела неудобной и в сочетании с худобой производила впечатление, будто жадность не дает ему хорошо есть и одеваться.

Его светлые глаза недовольно оглядели Сад Королевы. Он осмотрел собравшихся и сразу перестал обращать на нас внимание, как будто мы были неодушевленными предметами. Потом Гален со свистом выдохнул через нос, словно при виде тяжелой и неприятной работы.

– Расчистите место, – приказал он нам. – Отодвиньте все это барахло в сторону. Сложите там, у стены. Быстрее. Я не буду возиться с лентяями.

Итак, последние остатки сада были уничтожены. Горшки и бадьи, составлявшие контуры маленьких дорожек и беседок, были сметены в сторону. Горшки мы сдвинули в угол, красивые маленькие скульптуры беспорядочно навалили сверху. Гален только раз обратился ко мне.

– Быстрее, ублюдок, – приказал он, когда я возился с тяжелым горшком, и стегнул меня арапником.

Это был не удар, скорее шлепок, но он казался таким обдуманным, что я прервал работу и посмотрел на Галена.

– Ты что, не слышал? – спросил он.

Я кивнул и снова начал двигать горшок. Краем глаза я видел странное удовлетворение на лице мастера Силы. Я чувствовал, что удар был испытанием, но не знал точно, прошел я его или провалил.

Сад Королевы превратился в пустое пространство, и только зеленые полосы мха и старые потеки грязи напоминали об уничтоженном саде. Гален приказал нам встать в две шеренги. Он построил нас по возрасту и росту, а потом разделил по полу, поставив девочек за мальчиками и с правой стороны.

– Я не потерплю никакой болтовни и вызывающего поведения. Вы здесь для того, чтобы учиться, а не прохлаждаться, – предупредил он нас.

Потом он заставил нас разойтись, велел всем вытянуть руки в разные стороны, чтобы убедиться, что мы не можем коснуться друг друга даже кончиками пальцев. Я предположил, что последуют физические упражнения, но, вместо этого, он приказал нам стоять смирно, вытянув руки по швам, и слушать его. И пока мы стояли на холодной башне, он начал читать нам лекцию.

– Семнадцать лет я был мастером Силы этого замка.

Прежде я давал уроки маленьким группам и в полной тайне. Те, кто не оправдывал ожиданий, тихо отстранялись. В то время Шесть Герцогств не нуждались в том, чтобы обучать Силе больше горстки людей. Я тренировал только самых талантливых, не тратя времени на тех, кто не имел способностей или не умел себя вести. За последние пятнадцать лет я никого не посвятил в искусство владения Силой.

Но пришло страшное время. Островитяне опустошают наши берега и «перековывают» людей. Король Шрюд и принц Верити направляют Силу на нашу защиту. Тяжки их усилия, и велики их удачи, хотя простые люди даже не догадываются о том, что они делают. Заверяю вас, что против тех умов, которые прошли через мое обучение, у островитян очень мало шансов. Пираты могут одержать несколько незначительных побед, если нападут на неподготовленные деревни, но силы, созданные мною, всегда будут превосходить их.

Светлые глаза Галена горели, он воздел руки к небесам. Долгое время он молчал, глядя вверх и вытянув руки над головой, как будто стаскивал вниз силу самого неба. Потом он медленно опустил руки.

– Это я знаю, – продолжал он более спокойным голосом, – это я знаю. Силы, созданные мною, восторжествуют. Но наш король, пусть боги прославят и благословят его, сомневается во мне. А поскольку он мой король, я преклоняюсь перед его волей. Он требует, чтобы я искал среди вас, детей низкой крови, кого-то, имеющего талант, желание, чистоту помыс-

лов и крепость души, достаточные, чтобы учиться Силе. Я выполняю это, ибо мой король приказал. Легенды гласят, что в прежние дни многие были обучены Силе и трудились бок о бок с королями, чтобы отвратить опасность от страны. Возможно, это действительно было так; возможно, древние легенды преувеличивают. Как бы то ни было, мой король приказал мне попытаться создать круг владеющих Силой, и я постараюсь сделать это.

Он полностью игнорировал пятерых девушек нашей группы. Ни разу взгляд его не остановился на них. Это было так очевидно, что я задумался над тем, чем же они успели оскорбить его. Я немного знал Сирен, поскольку она была способной ученицей Федврена. Я почти ощущал жар ее недовольства. Рядом со мной один из мальчиков пошевелился. В мгновение ока Гален оказался перед ним.

– Нам скучно, да? Мы устали от стариковской болтовни?

– Просто ногу свело, сэр, – неумело оправдался мальчик.

Гален ударил его тыльной стороной руки так, что голова мальчика дернулась.

– Молчи и стой смирно. Или уходи. Все это в моей власти. Уже очевидно, что тебе не хватает выдержки, чтобы овладеть Силой. Но король счел тебя достойным того, чтобы находиться здесь, и поэтому я попытаюсь учить тебя.

Меня охватила внутренняя дрожь, потому что, когда Гален говорил с мальчиком, он смотрел на меня, как будто движение мальчика каким-то образом было моей виной. Вол-

на отвращения к Галену захлестнула меня. Я принимал удары от Ходд во время занятий с шестом и мечом. Мне приходилось туго даже на уроках Чейда, когда он демонстрировал технику удушения и нужные точки на шее, а также способы заставить человека молчать без того, чтобы сделать его недееспособным. Я получил свою долю шлепков, подзатыльников и пинков от Баррича – некоторые казались мне справедливыми, а некоторыми он просто отводил душу, будучи очень занятым человеком. Но я никогда не видел, чтобы мужчина ударил мальчика с таким явным удовольствием, как Гален. Я изо всех сил старался, чтобы мои чувства не отразились на моем лице, и при этом смотрел прямо на него, зная, что если отведу глаза в сторону, то буду немедленно обвинен в невнимании.

Удовлетворенный, Гален кивнул самому себе и подвел черту:

– Чтобы овладеть Силой, я должен сперва научить вас владеть собой. Ключ к этому – физические лишения. Завтра вы должны прийти сюда до восхода солнца. На вас не должно быть ни туфель, ни носков, ни плащей – и никакой шерстяной одежды. Головы должны быть непокрыты. Тело – совершенно чистым.

Он убеждал нас подражать ему в его привычках, касающихся еды и поведения. Мы должны были избегать мяса, сладких фруктов, блюд со специями, молока и «легкомысленной пищи». Одобрялись каши, холодная вода, простой

хлеб и тушеные корнеплоды. Нам следовало избегать пустых разговоров, особенно с людьми противоположного пола. Он долго предостерегал нас от «чувственных» удовольствий, в которые он включал любовь к еде, сну или теплу. И уведомил нас, что распорядился поставить отдельный стол в холле, где мы сможем есть соответствующую пищу и не будем отвлекаться на праздные разговоры. Или вопросы. Эта последняя фраза прозвучала почти как угроза.

Потом он провел нас через серии упражнений. Закрывать глаза и закатить зрачки насколько возможно. Стараться вообще повернуть их, чтобы заглянуть в собственный череп. Почувствовать давление, которое это вызывает. Представить себе, что вы могли бы увидеть, если бы смогли закатить глаза так далеко. Насколько соответствует истине то, что вы увидели? Не открывая глаз, встать на одну ногу. Пытаться сохранить полную неподвижность. Найти равновесие не только тела, но и духа. Убрать из головы все недостойные мысли, чтобы получить возможность как можно дольше оставаться в этом состоянии.

Пока мы стояли с закрытыми глазами, выполняя разнообразные упражнения, Гален прохаживался среди нас. Догадаться, где он находится, можно было по ударам хлыста.

«Концентрируйтесь!» – приказывал он нам – или: «Хотя бы попробуй!» Я сам ощутил хлыст по меньшей мере четыре раза за этот день. Это были пустячные удары, не больше чем хлопки, но прикосновение плетки раздражало, хотя и не

причиняло боли. Наконец хлыст опустился в последний раз на мое плечо, завернулся кольцом вокруг обнаженной шеи, а кончик ударил меня по подбородку. Я вздрогнул, но умудрился не открыть глаза и удержать ненадежное равновесие на ноющей ноге. Когда Гален отошел от меня, я почувствовал, как капля теплой крови медленно течет по моему подбородку.

Он держал нас весь день, отпустив только тогда, когда солнце превратилось в половинку медной монетки на горизонте и поднялся ночной ветер. Ни разу он не сделал перерыва, чтобы мы могли поесть, попить или для других надобностей. Гален с мрачной улыбкой смотрел, как мы гуськом проходим мимо него. Только оказавшись за дверью, мы почувствовали себя свободными, чтобы рассыпаться и сбежать с лестницы.

Я был голоден, руки мои покраснели и распухли от холода, во рту так пересохло, что я не мог бы говорить, даже если бы захотел. Остальные, по-видимому, чувствовали примерно то же самое, хотя некоторым пришлось еще хуже, чем мне. Я, по крайней мере, привык к долгим часам работы на воздухе. Мерри, на год или около того старше меня, обычно помогала мастерице Хести с пряжей. Сейчас круглое лицо девушки было пунцовым от холода, и я слышал, как она прошептала что-то Сирен, которая взяла ее за руку, когда мы спускались по лестнице.

– Было бы не так плохо, если бы он обращал на нас хоть

какое-то внимание, — прошептала в ответ Сирен.

И потом у меня появилось неприятное чувство, когда я увидел, как они обе в страхе обернулись, чтобы проверить, не слышал ли Гален их разговор.

Обед этим вечером был самой безрадостной трапезой за все время моего пребывания в замке. Мы получили холодную овсянку, хлеб, воду и пюре из вареной репы. Гален, хотя и не ел, главенствовал за столом. Разговоров не было. Не думаю, что мы даже смотрели друг на друга. Я съел предназначенную мне порцию и вышел из-за стола почти таким же голодным, каким пришел. Поднимаясь вверх, на полпути я вспомнил о Кузнечике. Я вернулся в кухню, чтобы взять косточки и обрезки, которые припасла для меня повариха, и кувшин воды, чтобы дать ему попить. Все это было страшно тяжелым, когда я поднимался по лестнице. Мне показалось странным, что день относительного бездействия на холодном воздухе утомил меня почти так же, как день напряженной работы.

Когда я оказался в своей комнате, Кузнечик радостно затявkal и с жадностью набросился на мясо. Для меня его восторг был целительным бальзамом. Как только щенок кончил есть, мы забрались в постель. Он хотел кусаться и возиться, но скоро отстал. Я позволил сну охватить меня.

Я резко проснулся в темноте, испугавшись, что спал слишком долго. Взгляд на небо сказал мне, что я могу раньше солнца прибежать на крышу, но времени было очень ма-

ло. Я не успел ни вымыться, ни поесть, ни убрать за Кузнециком, и хорошо, что Гален запретил туфли и носки, потому что у меня не было времени надеть их. Я слишком устал даже для того, чтобы чувствовать себя дураком, когда несея по замку и вверх на башню. Я видел, как остальные спешат передо мной в дрожащем свете факела, и когда я поднялся на площадку, хлыст Галена опустился на мою спину.

Удар показался мне неожиданно сильным. Я вскрикнул в равной мере от удивления и от боли.

– Будь мужчиной и владей собой, ублюдок! – рявкнул Гален, и хлыст опустился снова.

Остальные ученики заняли свои вчерашние места. Они выглядели такими же усталыми, как я, и большинство из них были не меньше меня потрясены обращением Галена со мной. До сегодняшнего дня не знаю, почему я это сделал, но я молча пошел на свое место и встал там, глядя на Галена.

– Тот, кто придет последним, опоздал, и с ним будет то же, – предупредил он нас.

Это показалось мне жестоким правилом, но единственным способом избежать завтра его хлыста было прийти достаточно рано, чтобы увидеть, как он опустится на плечи одного из моих товарищей. Наступил еще один день мучений и незаслуженных оскорблений. Так я вижу это сейчас. Так, мне кажется, я и тогда воспринимал это в самой глубине своего сердца. Но Гален всегда говорил, что мы должны доказать, что достойны Силы, что он хочет сделать нас выносливыми

и сильными. Он заставлял нас чувствовать, что это почетно — стоять на ледяной башне с онемевшими от холода ногами. Он требовал, чтобы мы соревновались не только друг с другом, но и с нашими жалкими образами, которые он рисовал нам. «Докажите, что я ошибаюсь, — повторял он снова и снова. — Умоляю вас, докажите, что я ошибаюсь, чтобы я смог показать королю хотя бы одного ученика, стоящего моего внимания». И мы пытались. Как странно теперь оглядываться на все это, удивляясь самому себе. Но на протяжении одного дня ему удалось изолировать нас и погрузить в другую реальность, где все правила вежливости и здравого смысла были упразднены. Мы молча стояли на холоде в разнообразных неудобных позах, закрыв глаза, почти что в одном нижнем белье. А он прогуливался среди нас, раздавая удары дурацким маленьким арапником и оскорбления ехидным маленьким языком. Изредка он наносил удары рукой или толкал нас, что более болезненно, когда человек продрог до костей.

Тот, кто вздрогнул или пошатнулся, обвинялся в слабости. Весь день Гален ругал нас за бездарность и повторял, что не оставляет попыток учить нас только ради короля. На девушек он не обращал внимания и, хотя часто говорил о принцах и королях прошлого, которые направляли Силу на защиту королевства, ни разу не упомянул о королевах и принцессах, делавших то же самое. И ни разу он не дал нам понять, чему, собственно, собирается учить нас. Был только холод,

изматывающие упражнения и вечное ожидание удара. Почему мы стремились выдерживать все это – я не знаю. Так Гален всего за один день сделал всех нас соучастниками нашего собственного уничтожения.

Наконец солнце снова опустилось к горизонту. Но в этот день Гален припас для нас два заключительных сюрприза. Он позволил нам встать, открыть глаза и потянуться. Потом прочел заключительную лекцию, на сей раз сказав, что плохо придется тем, кто будет потворствовать своим желаниям, нарушая общую тренировку. Он медленно прохаживался между нами, пока говорил, и я видел, как многие закатывали глаза и задерживали дыхание, когда он проходил. Потом, впервые за этот день, он подошел к женскому углу сада.

– Некоторые, – сказал он, – думают, что они выше правил. Они считают, что достойны особого внимания и отношения. Подобные иллюзии будут выбиты из вас, прежде чем можно будет начать ваше обучение. Вряд ли стоит тратить мое время на уроки таким лентяям и болванам. Позор, что они вообще нашли сюда дорогу. Но они среди нас, и я буду чтить волю моего короля и попытаюсь учить их. Хотя я знаю только один способ, чтобы пробудить такой ленивый разум.

Он два раза быстро ударил Мерри хлыстом. Но Сирен он толчком заставил опуститься на одно колено и ударил четыре раза. К своему стыду, я стоял вместе с остальными, пока Гален бил ее, и надеялся только, что девушка не закричит и не навлечет на себя новое наказание. Сирен поднялась, ра-

зок покачнулась и потом снова встала прямо, глядя поверх голов стоящих перед ней девочек. Я издал вздох облегчения. Но затем Гален вернулся, кружась, как акула вокруг рыбацкой лодки, говоря теперь о тех, кто считает себя слишком важными персонами для того, чтобы разделять дисциплину группы, о тех, кто позволяет себе сколько угодно мяса, в то время как остальные ограничиваются полезными зёрнами и чистой едой. Я тревожно думал о том, кто же был так глуп, чтобы прийти на кухню после уроков. Потом я ощутил жгучее прикосновение хлыста к своим плечам. Если я думал, что прежде он бил в полную силу, то теперь Гален доказал мне, что я был не прав.

– Ты хотел обмануть меня. Ты думал, я никогда не узнаю, если повариха припасет своему драгоценному любимчику тарелку лакомых кусочков, да? Но я знаю все, что происходит в Оленьем замке. Не заблуждайся на этот счет.

До меня дошло, что он говорит о тех мясных обрезках, которые я отнес Кузнечнику.

– Эта еда была не для меня, – возразил я и чуть не откусил себе язык.

Его глаза холодно сверкнули.

– Ах, так ты еще лжешь, для того чтобы избавить себя от такой ничтожной боли? Ты никогда не овладеешь Силой. Ты никогда не будешь достоин ее. Но король приказал, чтобы я попытался научить тебя, и я попытаюсь. Вопреки тебе и твоему низкому происхождению.

Оскорбленный, я принял его побои. Он поносил меня при каждом ударе, говоря остальным, что старые правила о том, что не следует учить Силе бастардов, были придуманы именно для того, чтобы предотвратить такое.

Потом я стоял, молчаливый и пристыженный, а он ходил по рядам, всем нанося незаслуженные удары арапником, объясняя, что делает это, потому что мы все должны расплачиваться за промахи отдельных личностей. Не имело значения, что в этом утверждении не было никакого смысла и что удары были легкими по сравнению с теми, которые Гален только что нанес мне. Идея состояла в том, что все должны были расплатиться за мой грех. Я никогда не чувствовал себя таким опозоренным.

Потом он отпустил нас, чтобы мы приняли участие в следующей безрадостной трапезе, почти такой же, как вчерашняя. На этот раз никто не разговаривал ни на лестнице, ни за едой. И после этого я пошел прямо к себе в комнату.

Мясо скоро, – обещал я голодному щенку, поджидавшему меня. Несмотря на боль в спине и мышцах, я заставил себя вычистить комнату, убрать за Кузнечиком и принести нового камыша для подстилки. Кузнечик был немного рассержен на то, что его оставили одного на целый день, а я тосковал, потому что даже представить себе не мог, сколько может продолжаться это злосчастное учение. Я ждал допоздна, пока все люди в замке не оказались в постелях, прежде чем спуститься вниз, чтобы достать еды для Кузнечика. Я был в

ужасе от одной мысли, что Гален может это обнаружить, но другого выхода у меня не было. Я уже наполовину спустился по большой лестнице, когда увидел мерцание свечи, двигающейся по направлению ко мне. Я прижался к стене во внезапной уверенности, что это Гален. Но это был шут. Он шел мне навстречу, белый, как восковая свеча, которую он нес. В другой руке у него был судок с едой и кубок с водой. Шут беззвучно сделал мне знак вернуться в комнату.

Войдя и закрыв дверь, он повернулся ко мне.

– Я могу позаботиться о твоём щенке, – сказал он сухо. – Но я не могу заботиться о тебе. Пользуйся своей головой, мальчик. Во имя всего святого, чему ты можешь научиться у того, кто так унижает тебя?

Я пожал плечами, потом вздрогнул.

– Это просто для того, чтобы укрепить нас. Я не думаю, что это будет продолжаться долго, прежде чем он приступит к настоящим занятиям; и я могу выдержать это. Подожди, – сказал я, когда он стал скармливать кусочки мяса Кузнечнику, – откуда ты знаешь, что с нами делает Гален?

– Ах, это требует долгого рассказа, – сказал он весело. – А я не могу этого сделать. То есть рассказать. – Он вывалил Кузнечнику остатки еды, долил ему воды и встал.

– Я буду кормить щенка, – сказал он мне. – И я даже попытаюсь выводить его ненадолго каждый день. Но я не буду за ним убирать, – он остановился у двери, – тут я провожу черту, дальше которой не пойду. Тебе бы следовало решить,

где проведешь черту ты. И быстро, очень быстро. Опасность больше, чем ты думаешь.

И он исчез, унося с собой свечу и предостережение. Я лег и заснул под звуки щенячьего рычания Кузнечика, грызущего кость.

Глава 15

Камни-Свидетели

В примитивном понимании Сила представляет собой построение мысленного моста от человека к человеку. Она может быть использована различными способами. Например, во время битвы командир может передать простейшие сведения и команду непосредственно подчиненным ему офицерам, если эти офицеры обучены принимать ее. Человек, чья Сила велика, может употребить свое умение, чтобы влиять даже на необученное сознание или на сознание врагов, внушая им страх, смущение или сомнение. Такой дар встречается редко. Но чрезвычайно одаренный Силой человек может напрямую общаться с Элдерлингами Старейшими, выше которых только боги. Не многие осмелились взывать к Старейшим, и еще меньше было тех, кто, решившись на это, добился желаемого. Ибо сказано: ты можешь взывать к Старейшим, но не удивляйся, если они ответят не на тот вопрос, что ты задал, а на тот, который следовало задать. И мало кому по силам услышать его и остаться в живых.

Ибо, когда человек говорит со Старейшими, ему труднее всего противостоять искусительной сладости погружения в Силу. И этого искушения должен остерегаться каждый, будь силен он в древней магии Видящих или нет. Ибо, погрузившись в Силу, человек

чувствует такую остроту жизни и радость бытия, что может забыть о том, что должен дышать. Это чувство подчиняет себе людей даже при использовании Силы в обычных целях и порождает пагубную привычку у того, кто нетверд в достижении цели. Блаженство, наступающее во время общения со Старейшими, не может сравниться ни с чем. Тот, кто пользуется Силой, чтобы говорить со Старейшими, рискует навеки потерять и чувства, и разум. Такой человек умирает, теряя рассудок, но справедливо и то, что он теряет рассудок от счастья.

Шут был прав. Я совершенно не представлял себе, какой опасности подвергаюсь, но упрямо шел навстречу ей. У меня не хватает сил детально описать следующие недели. Достаточно сказать, что с каждым днем Гален все больше подчинял нас себе, становился все более жестоким, все с большей легкостью манипулировал нами. Несколько учеников очень быстро исчезли. Одной из них была Мерри. Она перестала приходить спустя четыре дня. После этого я видел ее только один раз; она уныло брела по замку с лицом пристыженным и несчастным. Позже я узнал, что, после того как Мерри бросила занятия, Сирен и остальные ученицы Галена стали избегать ее и говорили о ней так, как будто она не просто потерпела неудачу в учебе, но совершила низкий, отвратительный поступок, за который невозможно получить прощение. Не знаю, куда она уехала, но Мерри навсегда покинула Олений замок.

Как океан вымывает камушки из песка и укладывает их на границе прилива, так похвалы и оскорбления Галена разделяли его студентов.

Вначале мы изо всех сил старались быть его лучшими учениками. И не потому, что любили или уважали его. Не знаю, что чувствовали другие, но в моем сердце не было ничего, кроме ненависти к Галену. Эта ненависть была так сильна, что придала мне решимости выстоять и не быть сломленным этим человеком. После многих дней оскорблений выжать из него единственное неохотное слово одобрения было все равно что услышать настоящий шквал похвал от любого другого наставника. Долгие дни унижений, казалось бы, должны были сделать меня глухим к его издевательствам. Вместо этого я начал верить многому из того, что говорил Гален, и тщетно старался перемениться. Мы, ученики, постоянно соперничали друг с другом, чтобы обратить на себя его внимание. Некоторые стали его очевидными фаворитами. Одним из них был Август, и нас часто убеждали подражать ему. Я совершенно определенно был самым презираемым учеником. Однако это не мешало мне изо всех сил стараться отличиться. После первого раза я никогда не приходил на башню последним. Я ни разу не шелохнулся под ударами плетки. Так же и Сирен, которая вместе со мной испытывала всю силу презрения Галена. Сирен пресмыкалась перед Галеном и ни разу не выдохнула и слова протеста после первой порки. Тем не менее он постоянно обвинял ее в чем-то, бранил и

бил гораздо чаще, чем других учениц. Но это только укрепляло стремление Сирен доказать, что она может выдержать презрение наставника. И после Галена она была самой нетерпимой к тем, кто сомневался в правильности методов нашего обучения.

Зима подходила к середине, и на башне было холодно и темно. Единственный свет шел с лестницы. Это было самое изолированное место в мире, а Гален был его богом. Он сковал нас воедино. Мы считали себя элитой, поскольку нас учили Силе. Даже я, постоянно подвергавшийся издевательствам и побоям, верил, что это так. Тех из нас, кого ему удалось сломать, мы презирали. В то время мы видели только друг друга и слышали только Галена. Поначалу мне не хватало Чейда. Я думал о том, чем сейчас заняты Баррич и леди Пейшенс, но месяцы шли, и такие мелочи перестали интересовать меня. Даже шут и Кузнечик теперь едва ли не раздражали меня, настолько упрямо я добивался признания Галена. Шут тогда приходил и уходил молча. Хотя иногда, когда я был особенно разбитым и несчастным, прикосновение носа Кузнечика к моей щеке было единственным облегчением, но время от времени я испытывал жгучий стыд за то, что уделяю так мало внимания растущему щенку.

После трех месяцев холода и боли Гален сократил группу до восьми кандидатов. Тогда наконец началось настоящее обучение, и к тому же он вернул нам немного комфорта и достоинства. Это казалось нам не только величайшей роско-

шью, но и великодушными дарами Галена, за которые мы должны были быть ему благодарны. Немного сушеных фруктов за едой, разрешение носить обувь, несколько слов во время трапезы – вот и все, однако мы испытывали унижительную благодарность за это. Но перемены только начинались.

Это возвращается ко мне редкими проблесками. Помню первый раз, когда Гален коснулся меня Силой. Мы были на башне, теперь, когда нас стало меньше, находясь еще дальше друг от друга. И он переходил от одного к другому, останавливаясь на мгновение перед каждым, в то время как остальные ждали в почтительном молчании.

– Готовьте разум для контакта. Будьте открыты ему, но не позволяйте себе получать от него удовольствие. Не в этом цель Силы.

Он ходил между нами без видимого порядка. Стоя на большом расстоянии, мы не могли видеть лиц друг друга, и Галену никогда не нравилось, если наши глаза следовали за его движениями. Мы слышали только его резкие слова и быстрый выдох испытывавшего прикосновение. Сирен он презрительно рявкнул: «Будь открыта, я сказал! Не съеживайся, как побитая собака».

Наконец он подошел ко мне. Я прислушивался к его словам и, как он объяснял нам раньше, пытался отпустить всякую внутреннюю настороженность и быть открытым только для него. Я ощутил, как его сознание скользнуло по моему, как легкая щекотка на лбу. Я сохранял твердость. Давле-

ние становилось сильнее, как и тепло, свет, но я отказывался быть втянутым в это. Я чувствовал, что Гален стоит в моем сознании, непреклонно разглядывая меня и употребляя технику фокусирования, которой научил нас. (Вообразите ведро из чистейшего белого дерева и влейте в него.) Я смог выстоять, чувствуя радость, приносимую Силой, но не поддаваясь ей. Трижды тепло проходило сквозь меня, и трижды я устоял перед ним. И тогда он ушел. Он неохотно кивнул мне, но в глазах его я увидел не одобрение, а след страха.

Это первое прикосновение было похоже на искру, которая в конце концов воспламеняет трут. Я понял суть. Я еще не мог этого делать, я не мог высылать из себя свои мысли, но у меня было знание, которое невозможно выразить словами. Я смогу овладеть Силой. И с этим знанием крепла моя решимость, и Гален не мог сделать ничего, *ничего*, что могло бы помешать мне научиться ему.

Думаю, он понял это. По какой-то причине это испугало его. Потому что в следующие дни он набросился на меня с жестокостью, которую теперь я нахожу невероятной. Он не жалел для меня ни жестоких слов, ни ударов, но ничто не могло меня поколебать. Один раз он ударил меня по лицу арапником. Это оставило заметный рубец, и случилось так, что, когда я пришел в обеденный зал, Баррич тоже был там. Я увидел, как его глаза расширились. Он встал со своего места, на лице его было выражение, которое я слишком хорошо знал, но я отвернулся от него и спрятал глаза. Он немно-

го постоял, сверля Галена недобрым взглядом, тот не отвел глаз и держался надменно. Тогда, сжав кулаки, Баррич повернулся спиной и вышел из комнаты. Я расслабился, опасность стычки миновала, и мне стало легче. Но потом Гален посмотрел на меня, и от торжества на его лице сердце мое похолодело. Теперь я принадлежал ему, и он знал это.

Следующая неделя принесла мне и боль, и успех. Гален никогда не упускал случая унижить меня. И тем не менее я знал, что совершенствуюсь с каждым упражнением. Чувствовал, что сознание других учеников после прикосновений мастера мутнеет, но для меня встретить его было так же просто, как открыть глаза. Я помню одно мгновение сильного страха. Гален вошел в мое сознание и передал мне фразу, которую я должен был повторить вслух.

– Я ублюдок, и я позорю имя моего отца, – спокойно сказал я.

Тогда его слова снова раздались у меня в голове: *Ты где-то берешь энергию, ублюдок. Это не твоя Сила. Ты думаешь, я не найду источника?* И тут я испугался и ушел от его прикосновения, пряча в своем сознании Кузнечика. Все его зубы обнажились в улыбке.

В следующие дни мы играли в прятки. Я должен был впускать Галена в сознание, чтобы научиться Силе. Когда он был там, я танцевал на углях, чтобы сохранить свои тайны. Я прятал не только Кузнечика, но и Чейда, и шута, и Молли, и Керри, и Дирка, и другие, еще более старые секреты, кото-

рые не открывал даже самому себе. Он искал их все, а я отчаянно прятал их от него. Но несмотря на все это, а может быть, благодаря этому, я чувствовал, что все лучше овладеваю Силой.

– Не издевайся надо мной, – взревел Гален после очередного контакта. Остальные студенты обменялись испуганными взглядами, и это еще больше разъярило его. – Занимайтесь собственными упражнениями! – закричал Гален.

Он отошел, потом внезапно резко повернулся и бросился на меня. Он бил меня кулаками и сапогами, и, как некогда это делала Молли, я не придумал ничего лучшего, чем закрыть живот и лицо. Удары, которыми он осыпал меня, скорее напоминали вспышку детской раздражительности, чем атаку мужчины. Я чувствовал его беспомощность, а потом с ужасом понял, что *отталкиваю* его. Не так сильно, чтобы Гален почувствовал это, но достаточно сильно, чтобы его удары не попадали в цель. Больше того, я знал, что моих действий он не замечает. Когда наконец он опустил кулаки и я осмелился поднять глаза, мне мгновенно стало ясно, что я победил. Потому что все остальные на башне смотрели на мастера со смесью отвращения и страха. Он зашел слишком далеко даже для Сирен. Побелев, Гален отвернулся от меня. В это мгновение я почувствовал, что он принял решение.

В тот вечер я вернулся в свою комнату ужасно усталым, но слишком возбужденным, чтобы заснуть. Шут оставил еду для Кузнечика, и я дразнил щенка большой говяжьей ко-

стью. Он вцепился зубами в мой рукав и терзал его, а я держал кость так, чтобы он не мог ее достать. Эту игру Кузнечик очень любил и сейчас тряс рукав с поддельной яростью. Он вырос, стал почти взрослым, и я с гордостью ощупывал мышцы на его плотной шее. Свободной рукой я дернул его за хвост, и он, рыча, бросился на нового нападающего. Я перехватывал кость то одной рукой, то другой, а Кузнечик щелкал зубами вслед моим движениям.

– Дурачок, – дразнил я его, – ты можешь думать только о том, чего хочешь. Дурачок, дурачок.

– Весь в хозяина.

Я вздрогнул, и Кузнечик в тот же миг схватил кость. Он спрыгнул с кровати с добычей в зубах, удостоив шута только легким взмахом хвоста. Я сел, задыхаясь.

– Я даже не слышал, как дверь открылась. И закрылась.

Шут пропустил мои слова мимо ушей и перешел прямо к делу:

– Ты думаешь, Гален позволит тебе победить?

Я хитро улыбнулся:

– А по-твоему, он может этому помешать?

Шут со вздохом сел рядом со мной.

– Я знаю, что может. И он знает. Чего я не знаю, так это хватит ли у него беспощадности, но подозреваю, что хватит.

– Пусть попробует, – сказал я легкомысленно.

– Тут от меня ничего не зависит. – Шут оставался серьезным. – Я надеялся отговорить тебя от напрасных попыток.

– Ты хочешь предложить мне сдаться? Теперь? – Я не мог в это поверить.

– Хочу.

– Почему? – спросил я.

– Потому что... – начал он и остановился, расстроенный. – Я не знаю. Слишком многое сходится. Может быть, если я вытащу одну нить, не получится узла.

Меня охватила усталость, и прежний подъем моего триумфа рухнул перед его угрюмыми предостережениями. Но мое раздражение победило, и я огрызнулся:

– Если не можешь говорить прямо, зачем вообще говоришь?

Он молчал, как будто я его ударил.

– Этого я тоже не знаю, – проговорил он наконец и поднялся, чтобы уйти.

– Шут... – начал я.

– Да, я шут. Королевский дурак. – И он ушел.

Итак, я был упорен и набирал силу. Я все нетерпеливее воспринимал наше медленное обучение. Мы раз за разом повторяли одни и те же упражнения, и остальные начинали усваивать то, что казалось мне таким естественным. «Как они могут быть так закрыты от остального мира, – думал я. – Почему им было так трудно открыть свой разум для Силы Галена?» Моей задачей было не открываться, а скорее держать скрытым от него то, чем я не хотел делиться. Часто, когда он небрежно касался меня Силой, я чувствовал, как он

шарит в моем разуме. Но я ускользал.

— Вы готовы, — заявил он в один холодный день.

Вечерело, потому что самые яркие звезды уже выступили на темно-синем небе. Я жалел об облаках, которые вчера посыпали нас снегом, но зато не пропускали самый сильный холод. Пытаясь согреться, я шевелил онемевшими пальцами ног в кожаных туфлях, которые нам недавно разрешил Гален.

— Прежде я касался вас Силой, чтобы познакомить с ней. Ну а сегодня мы попытаемся прийти к полному единению. Вы будете тянуться ко мне, как я тянусь к вам. Но будьте внимательны! Большинство из вас успешно сопротивляются восторгу, который дает погружение в Силу. Но то, что вы ощущали до сих пор, было лишь легчайшим прикосновением. Сегодня будет иначе. Сопротивляйтесь искушению, но оставайтесь открытыми Силе.

И снова он начал медленное кружение среди нас. Я ждал с тревогой, но без страха. Я ждал этой попытки. Я был готов.

Некоторые явно провалились и были выруганы за лень или за глупость. Август удостоился похвалы. Сирен получила удар арапником за то, что тянулась вперед слишком нетерпеливо. А потом Гален подошел ко мне. Я приготовился к тяжелой борьбе. Я ощутил прикосновение его сознания к моему и осторожно ответил ему.

Вот так?

Да, ублюдок, вот так.

И несколько мгновений мы удерживали равновесие, как дети на качелях. Я чувствовал, что он укрепляет наш контакт. Потом внезапно Гален ворвался в меня. Из меня словно вышибли дух, только не физически, а мысленно. Я мог набрать воздух в легкие, но не мог владеть своими мыслями. Гален захватил мое сознание и пытался уничтожить мою сущность, а я был бессилен ему помешать. Он победил, и он знал это. Это был миг его торжества. Но именно в этот миг я нашел выход. Я вцепился в Галена, пытаюсь овладеть его сознанием, как он моим. Я схватил его и держал, и какой-то миг я знал, что я сильнее и могу вбить в его сознание любую мысль, какую захочу. *Hem!!!* – завизжал он, и я смутно понимал, что некогда он так же боролся с кем-то, кого презирал. С кем-то другим, который тоже победил так же, как это собирался сделать я. *Да!* – настаивал я. *Умри!* – приказал он мне, но я знал, что не умру. Я знал, что должен победить, и собрал волю в кулак, вцепившись в Галена еще крепче.

Силе все равно, кто победит. Она не позволяет никому отвлечься даже на мгновение. Но я отвлекся. И когда я сделал это, я перестал остерегаться того экстаза, который есть и мед, и жало Силы. Эйфория нахлынула на меня, захлестнула с головой; и Гален тоже погрузился в нее, больше уже не трогая моего сознания, а только пытаюсь вернуться в свое.

Я никогда не испытывал ничего подобного этому мгновению.

Гален назвал это удовольствием, и я ожидал приятного

ощущения вроде тепла зимой, или аромата розы, или сладкого вкуса во рту. Но это не походило ни на что. Удовольствие – это слишком плотское слово, чтобы описать то, что я испытывал. Это не имело ничего общего с кожей или телом. Это заливало меня, лилось сквозь меня волной, которой я не мог противостоять. Эйфория потоком струилась сквозь меня. Я забыл про Галена, я забыл про все. Я чувствовал, что он бежал от меня, и знал, что это важно, но мне было безразлично. Я забыл обо всем, кроме обуревающего меня восторга.

– Ублюдок! – взревел Гален и ударил меня кулаком в висок.

Я упал, беспомощный, потому что боли было недостаточно, чтобы вырвать меня из чар Силы. Я чувствовал пинки Галена, знал, как холодны камни подо мной, царапавшие меня. Но плотный удушающий покров эйфории не давал мне почувствовать, что меня бьют. Мое тело страдало, но разум уверял, что все хорошо и нет никакой необходимости сопротивляться или спастись бегством.

Потом начался отлив, который оставил меня на берегу беспомощно хватать ртом воздух. Гален стоял надо мной растрепанный и вспотевший. В холодном воздухе от его дыхания клубился пар, и он склонился надо мной.

– Умри! – сказал он, но я не слышал этих слов. Я чувствовал их.

Он отпустил мое горло, и я упал.

И эйфория Силы отхлынула, оставив беспросветную тоску поражения и вины, по сравнению с которыми физические страдания были ничто. Из носа текла кровь, было больно дышать. Гален пинал меня с такой силой, что я ободрал кожу, скользя по неровным камням. Боль душевная и телесная соперничали во мне, так что я не мог даже оценить всей тяжести моего положения. Не было сил подняться. Но больше всего угнетало сознание того, что я потерпел поражение. Я был побежден и ничтожен – Гален доказал это.

Словно издалека я слышал, как Гален кричит, что так он будет расправляться со всяким, у кого не хватает дисциплины, чтобы отвратить свое сознание от наслаждения Силой. «Вот что бывает с теми, кто поддается чарам наслаждения, которые несет с собой Сила! – орал он. – Такой человек становится безумным – большим ребенком, слепым, бессловесным, пачкающимся, не думающим ни о чем и забывающим даже поесть, – и остается таким до самой смерти. Он недостойн даже отвращения».

И таким был я. Я погрузился в пучину своего позора. Беспомощность охватила меня, и я зарыдал. Я заслужил поношений и побоев – и даже еще худшее. Только неуместная жалость удержала Галена от убийства. Я напрасно тратил его время, выслушал его тщательную инструкцию и отбросил ее ради эгоистичного потворства своим желаниям. Я бежал от самого себя, забираясь все глубже и глубже внутрь, но находил только отвращение и ненависть к самому себе, прони-

зывающую все мои мысли. Лучше бы мне было умереть. Если бы я бросился с крыши башни, то все равно не смог бы смыть мой позор, но, по крайней мере, мне не надо было бы больше думать о нем. Я лежал неподвижно и рыдал.

Остальные ушли. У каждого из них перед уходом нашлось бранное слово, плевок или пинок для меня. Я едва замечал их. Я презирал себя гораздо сильнее, чем все ученики Галена, вместе взятые. Потом они ушли, и один мастер Силы остался стоять надо мной. Он пнул меня ногой, но я не смог ему ответить. Внезапно он оказался повсюду – над, под, вокруг и внутри меня, – и я не мог противиться ему.

– Знаешь, ублюдох, – сказал он вкрадчивым, почти утешительным тоном, – я ведь говорил, что ты не стоишь занятий. Я пытался объяснить, что учение убьет тебя. Но ты не хотел слушать. Ты хотел узурпировать то, что тебе не принадлежит. Я снова оказался прав. Что ж. Теперь с тобой покончено, значит время было потрачено не зря.

Я не знаю, когда он оставил меня. Через некоторое время я понял, что на меня смотрит не Гален, а луна. Я перекатился на живот. Я не мог стоять, но я полз. Медленно, не отрывая живота от земли, я упорно тащился вперед. Я целеустремленно полз к невысокой стене. Думал, что смогу втащить себя на скамью, а оттуда на стену. И оттуда – вниз. И все.

Это было долгое путешествие через холод и темноту. Кто-то скулил, и я презирал себя и за это тоже. Но чем дальше я полз, тем больше места занимал плач – так далекая искор-

ка вблизи оказывается жарким костром. Он требовал внимания. Он все громче раздавался в моем сознании – жалобный вой, оплакивающий меня, тоненький протестующий голосок, который запрещал мне умереть и отвергал мое падение. Это были тепло и свет, и, когда я попытался нащупать его источник, он стал шириться и расти.

Я остановился. Я лежал неподвижно. Голос был внутри меня. Чем больше я искал его, тем сильнее он становился. Он любил меня. Любил, несмотря на то что сам я не мог и не хотел любить себя. Он вонзил маленькие зубы в мою душу, и сжал их, и держал меня, не давал ползти дальше. И когда я попытался, вопль отчаяния вырвался у него, обжигая меня и запрещая мне нарушить такое священное доверие.

Это был Кузнечик.

Он кричал моей болью, физической и душевной. А когда я перестал ползти к стене, он впал в бурный восторг ощущения нашей общей победы. И все, что я мог сделать, чтобы наградить его, – это лежать тихо и не стремиться больше к самоуничтожению. И он заверил меня, что этого достаточно, более чем достаточно, это прекрасно. Я закрыл глаза.

Луна была высоко, когда Баррич осторожно перевернул меня. Шут держал факел, а Кузнечик прыгал и танцевал у его ног. Баррич поднял меня и встал, как будто я все еще был ребенком, которого только что поручили его заботам. Я мельком увидел его темное лицо, но ничего не прочел в нем. Он нес меня вниз по длинной лестнице, а шут держал

факел, чтобы освещать дорогу. И Баррич понес меня прочь из замка обратно в конюшни и наверх, в свою комнату. Там шут оставил Баррича, Кузнечика и меня, и не помню, чтобы кто-нибудь произнес хоть одно слово. Баррич уложил меня на собственную кровать, а потом подтащил ее поближе к огню. С возвращением тепла пришла сильная боль, и я отдал свое тело Барричу, а душу Кузнечiku и надолго погрузился в беспамятство.

Я открыл глаза ночью, не знаю, которой по счету. Баррич сидел рядом со мной. Он не дремал и даже не клевал носом в кресле. Мои ребра сдавливала тугая повязка. Я поднял руку, чтобы ощупать ее, и был озадачен, обнаружив два забинтованных пальца. Взгляд Баррича проследил за моим движением.

– Они распухли не только от холода. Так распухли, что не разобрать, перелом это или растяжение. Я на всякий случай наложил шину. Думаю, это только вывих. Будь они сломаны, боль от перевязки разбудила бы даже тебя.

Он говорил спокойно, как будто рассказывал, что на всякий случай дал недавно купленной собаке глистогонное, чтобы она не заразила всю псарню. И его спокойный голос и уверенные руки оказали на меня такое же воздействие, как на взбешенных животных. Я успокоился, решив, что раз он так невозмутим, значит все не так уж плохо. Баррич сунул палец под бинты, стягивающие мои ребра, проверяя, достаточно ли туга повязка.

– Что случилось? – спросил он, отвернувшись от меня и потянувшись за кружкой чая, как будто ни его вопрос, ни мой ответ не имели большого значения.

Я попытался воскресить в памяти несколько последних недель, чтобы найти способ объяснить. Все случившееся танцевало у меня в голове, ускользая. Я помнил только поражение.

– Гален испытывал меня. Я провалился. И он наказал меня за это.

И стоило мне это сказать, как волна тоски, стыда и вины накрыла меня с головой, смела недолгий покой, который принесла мне родная и знакомая комната Баррича.

Кузнечик, спавший у огня, внезапно проснулся и сел. Рефлекторно я успокоил его, прежде чем он успел заскулить:

Ляг. Отдыхай. Все в порядке.

К моему облегчению, он послушался. И к еще большему облегчению, Баррич, по-видимому, не заметил того, что произошло между нами. Он протянул мне чашку:

– Выпей это. Тебе нужна вода, а травы снимут боль и помогут заснуть. Выпей все, прямо сейчас.

– Оно воняет, – пожаловался я, и он кивнул.

Баррич держал чашку – у меня не было сил самому удерживать ее. Я выпил все и снова лег.

– Это все? – спросил он осторожно, и я знал, о чем он говорит. – Он испытывал тебя в том, чему учил, и ты не знал этого. И тогда он сделал с тобой такое?

– Я не смог сделать этого. У меня нет... самодисциплины. И он наказал меня.

Детали ускользали от меня. Волна стыда погрузила меня в пучину отчаяния.

– Никого нельзя научить самодисциплине, избивая до полусмерти. – Баррич говорил, тщательно подбирая слова, как если бы он пытался втолковать очевидную истину идиоту.

И когда он ставил чашку обратно на стол, та же осторожность сквозила в его движениях.

– Он сделал это не для того, чтобы учить меня. Он не верит в то, что меня можно чему-нибудь научить. Он просто хотел показать остальным, что с ними будет, если они провалятся.

– Немногого стоят знания, полученные из-под палки, – возразил Баррич. И продолжил немного теплее: – Плох тот учитель, который вбивает знания в головы ученикам, запугивая их. Представь, что было бы, если бы ты попытался угрозами объездить лошадь. Или выучить собаку. Даже самый тупоголовый пес лучше понимает, когда к нему подходят с открытой рукой, а не с палкой.

– Ты бил меня раньше, когда хотел научить чему-нибудь.

– Да, бил. Но бил, чтобы встряхнуть, предостеречь или разбудить, а не для того, чтобы искалечить. Никогда – ради того, чтобы сломать кость, выбить глаз или изуродовать руку. Никогда. Не смей говорить, что тебя или любое живое существо под моей опекой я бил, чтобы причинить боль. Не

смей, потому что это неправда. — Баррич был возмущен до глубины души.

— Нет. В этом ты прав. — Я попытался придумать, как объяснить ему, почему я был наказан. — Но это было по-другому, Баррич. Знания другого рода, и им иначе учат. — Я чувствовал себя обязанным настаивать на правоте Галена и пытался объяснить: — Я заслужил это, Баррич. Не он плохо учил, а я не смог научиться. Я пытался. Я действительно старался. Но приходится поверить Галену, что по какой-то причине Силе нельзя научить бастарда. Во мне есть какой-то изъян, неисправимый порок...

— Дерьмо!

— Нет. Подумай об этом, Баррич. Если ты случишь паршивую кобылу с хорошим жеребцом, жеребенок в равной степени может получить недостатки матери или достоинства отца.

Он долго молчал. Потом проговорил:

— Твой отец ни за что не лег бы рядом с женщиной, которую можно назвать паршивой. Если бы у нее не было каких-то достоинств, каких-то признаков ума или силы духа, он не стал бы этого делать. Не смог бы.

— Я слышал, его заколдовала горная ведьма. — Впервые я повторил вслух историю, о которой часто шептались.

— Чивэл был не такой человек, который мог бы поддаться колдовству. А его сын не какой-то хнычущий слабовольный дурак, который может валяться и скулить, что его следовало побить. — Он наклонился ближе и осторожно коснулся мое-

го виска. От резкой боли я чуть не потерял сознание. – Видишь? Ты едва не лишился глаза от этого «учения».

Он злился все больше, и я прикусил язык. Баррич быстрым шагом прошелся по комнате, потом резко повернулся и посмотрел на меня:

– Этот щенок, он от суки Пейшенс, верно?

– Да.

– Но ты не... О Фитц, пожалуйста, скажи мне, что это не Дар был причиной всего этого. Если он поступил так с тобой из-за Дара, я не смогу никому и слова сказать в твою защиту. Не смогу никому в глаза посмотреть в этом замке... и в этом королевстве.

– Нет, Баррич. Даю слово, что это не имеет никакого отношения к щенку. Это просто моя неспособность научиться тому, чему меня учили. Моя слабость.

– Уймись, – нетерпеливо приказал он мне. – Твоего слова достаточно. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не сомневаться в нем. Что же до остального, то это просто чушь и бессмыслица. Спи дальше. Я уйду, но вернусь достаточно скоро. Отдых – вот настоящий лекарь.

Теперь Баррич выглядел очень целеустремленным. Мои слова, очевидно, наконец удовлетворили его, что-то прояснили. Он быстро оделся – натянул сапоги, переменял рубашку на свободную и надел поверх нее только кожаный камзол. Кузнечик встал и возбужденно заскулил, когда Баррич выходил, но не смог передать свою озабоченность мне. Он подо-

шел к кровати и залез на нее, чтобы зарыться в одеяло рядом со мной, помогая мне своим доверием. Он был единственным островком света в пучине отчаяния, которая поглотила меня. Я закрыл глаза, и травы Баррича погрузили меня в лишенный сновидений сон.

Я проснулся позже в тот же день. Потянуло холодом с улицы, вошел Баррич. Он обследовал меня всего, небрежно открыв мне глаза, а потом пробежав опытными пальцами по моим ребрам и прочим поврежденным членам. Потом он удовлетворенно заворчал и сменил свою разорванную грязную рубаху на свежую. И он напевал про себя, – по-видимому, он пребывал в хорошем настроении, что никак не согласовывалось с моими синяками и моей тоской. Когда Баррич снова ушел, я ощутил что-то вроде облегчения. Я слышал, как он насвистывал внизу и отдавал распоряжения конюшенным мальчикам. Это все звучало так буднично, и я тянулся к этому с силой, удивившей меня. Я хотел, чтобы это вернулось – теплый запах лошадей, собак и соломы, простая работа, выполненная на совесть. Я тосковал по ней, но наполнявшее меня ощущение бесполезности предсказывало, что даже в этом я потерплю неудачу. Гален часто насмехался над теми, кто исполнял такую простую работу в замке. Он не испытывал ничего, кроме презрения, к кухонной прислуге и поварам, насмехался над конюшенными мальчиками, а солдаты, охранявшие нас мечом и луком, были, по его словам, «идиотами и дебоширами, обреченными молотить чем ни попа-

дя и пользоваться мечом, вместо того чтобы шевелить мозгами». И теперь я чувствовал странную раздвоенность. Мне хотелось вернуться к существованию, которое, как убеждал меня Гален, было презренным, однако сомнения и отчаяние настолько переполняли меня, что даже этого я не мог сделать.

Я провалялся в постели два дня. Повеселевший Баррич ухаживал за мной с добродушным подшучиванием и все время был в отличном настроении, что меня очень удивляло. Энергичная походка и какая-то необычная уверенность заставляли его казаться гораздо моложе. Оттого что мои раны привели Баррича в такое прекрасное расположение духа, мне стало еще горше. Но после двух дней отдыха в постели Баррич сообщил мне, что человек может перенести только определенное количество неподвижности и пора уже встать и начать двигаться, если я хочу как следует поправиться. И он снова стал находить для меня множество мелких поручений, которых было недостаточно для того, чтобы утомить меня, но вполне хватало, чтобы занять меня на весь день, поскольку мне приходилось часто отдыхать. Думаю, что именно этого он и добивался, ведь прежде я только лежал в постели, смотрел в стену и презирал самого себя. Даже Кузнецик стал отворачиваться от еды, заразившись моей тоской. И все-таки пес оставался единственным, кто по-настоящему поддерживал меня. Величайшим наслаждением для него было хвостом ходить за мной по конюшне. Все, что он чу-

ял и слышал, повзрослевший щенок передавал мне с рвением и даже сквозь нынешнее уныние пробуждал во мне любопытство, которое я впервые почувствовал, когда погрузился в мир Баррича. Кузнечик считал меня личной собственностью, подвергнув сомнению даже право Уголька обнюхать меня и заработав от Рыжей щелчок зубами, который заставил его с визгом прижаться к моим ногам.

На следующий день я уговорил Баррича отпустить меня в город. Дорога заняла больше времени, чем когда-либо раньше, но Кузнечик радовался моему медленному шагу, потому что это давало ему возможность обнюхать каждый клочок травы и каждое дерево. Я думал, что, увидевшись с Молли, я воспряну духом и в моей жизни снова появится какой-то смысл. Но когда я пришел в мастерскую, Молли была занята, ей надо было выполнить три больших заказа для кораблей дальнего плавания. Я примостился у очага в лавке. Ее отец сидел напротив, пил и смотрел на меня. Несмотря на то что болезнь подкосила его, она не заставила его исправиться, и в те дни, когда он мог сидеть, он мог и пить. Через некоторое время я прекратил всякие попытки побеседовать с ним и просто смотрел, как он пьет и изводит дочь, в то время как Молли суежилась вокруг, пытаясь одновременно делать дело и быть приветливой с покупателями. Его безотрадная мелочность свергла меня в уныние.

В полдень Молли сказала отцу, что идет доставить заказ. Она дала мне пакет со свечами, нагрузилась сама, и мы вы-

шли, заперев за собой дверь. Вслед нам неслись пьяные проклятия ее отца, но она не обращала на них внимания. Оказавшись снаружи, на холодном ветру, я вслед за Молли обошел лавку. Сделав мне знак молчать, она открыла заднюю дверь и отнесла внутрь все, что было у нее в руках. Потом она отнесла туда же и мой пакет, и мы ушли.

Некоторое время мы просто брели по городу, почти не разговаривая. Молли обратила внимание на мое покрытое синяками лицо; я сказал только, что упал. Ветер был холодным и резким, так что у рыночных прилавков почти не было торговцев. К радости Кузнечика, Молли уделяла ему много внимания. По дороге назад мы остановились у чайной, Молли угостила меня подогретым вином и так восхищалась Кузнечиком, что он упал на спинку и купался в ее любви. Меня внезапно поразило, как хорошо он воспринимает все ее чувства, а она не ощущает его вовсе. Разве что на самом примитивном уровне. Я осторожно прощупал сознание Молли и нашел ее ускользающей и парящей, как аромат, который усиливается и слабеет с одним и тем же дыханием ветра. Я знал, что мог бы быть более настойчивым, но почему-то не видел в этом проку. Одиночество охватило меня, смертельная грусть оттого, что Молли никогда не понимала и не будет понимать меня лучше, чем Кузнечика. Так что я хватал ее быстрые слова, обращенные ко мне, как птицы хватают сухие хлебные крошки, и оставил в покое те умолчания, которыми она отгородилась от меня. Вскоре она сказала, что

не может долго задерживаться. Хотя у отца Молли больше не было сил, чтобы бить ее, их ему вполне хватало для того, чтобы швырнуть на пол пивную кружку или вещи с полок, демонстрируя возмущение ее явным пренебрежением к нему. Она говорила мне это, улыбаясь странной мимолетной улыбкой, как будто хотела сказать, что ей было бы легче, если бы мы оба просто посмеялись над его выходками. Я не смог улыбнуться, и она отвела глаза.

Я помог ей надеть плащ, мы вышли на ветер и пошли в гору. Это внезапно показалось мне символом всей моей жизни. У двери Молли потрясла меня тем, что обняла и поцеловала в щеку. Объятие было таким быстрым, как будто меня толкнули на рынке.

– Новичок... – сказала она и потом добавила: – Спасибо тебе. За то, что понимаешь...

И Молли быстро зашла в лавку и закрыла за собой дверь, оставив меня, замерзшего и озадаченного. Она поблагодарила меня за то, что я понимаю ее, в то время как я чувствовал себя как нельзя более отдаленным от нее и от всех остальных. Всю дорогу назад в замок Кузнечик лепетал про себя о дивных запахах, которые он нашел на ней, и как она чесала его как раз там, где он никогда не мог почесаться сам, перед ушками, и о сладком сухарике, который она дала ему в чайной.

День уже клонился к вечеру, когда мы вернулись в конюшню. Я немного поработал, а потом вернулся в комнату Бар-

рича, где мы с Кузнечиком заснули. Я проснулся оттого, что Баррич стоял надо мной, слегка нахмурившись.

– Вставай, и давай-ка посмотрим на тебя, – скомандовал он.

И я устало поднялся и смиренно стоял, пока его опытные руки ощупывали мои ушибы. Баррич остался доволен состоянием моих пальцев и сказал, что теперь можно их разбинтовать, но придется оставить повязку на ребрах и каждый вечер возвращаться для перевязки.

– Что до остальных царапин, то держи их чистыми и сухими и не отдирай корочки. Если начнет гноиться, приходи ко мне.

Он наполнил маленький горшочек мазью, которая облегчала мышечную боль, и дал ее мне, из чего я сделал вывод, что он ожидает, что я уйду.

Я стоял, сжимая горшочек с лекарством. Ужасная тоска охватила меня, но я не мог найти слов, чтобы выразить ее. Баррич посмотрел на меня, нахмурился и отвернулся.

– А ну прекрати это, – сердито скомандовал он.

– Что? – спросил я.

– Иногда ты смотришь на меня глазами моего господина, – тихо ответил он, а потом снова резко продолжил: – Ну так что ты собираешься делать? Прятаться в конюшне до конца жизни? Нет. Ты должен вернуться. Ты должен вернуться и держать голову высоко, и есть вместе со всеми, и спать в собственной комнате, и жить собственной жизнью. Да, пойд и

закончи эти проклятые уроки Силы.

Его первые приказы казались трудными, но последний, я знал, выполнить было невозможно.

– Не могу, – сказал я, не веря, что он может быть таким глупым. – Гален не разрешит мне вернуться в группу. Даже если бы и разрешил, я никогда не смог бы догнать все, что я пропустил. Я уже провалился, Баррич, я провалился, и все кончено. Мне надо найти для себя что-то другое. Я бы хотел научиться работать с ястребами, если можно. – Последние свои слова я услышал с некоторым удивлением, потому что, по правде говоря, прежде мне это никогда не приходило в голову.

Ответ Баррича звучал по меньшей мере так же странно:

– Ты не можешь, потому что ястребы не любят тебя. Ты слишком теплый и слишком мало занят самим собой. Теперь слушай меня. Ты не провалился, болван. Гален пытался выставить тебя. Если ты не вернешься, то позволишь ему победить. Ты должен вернуться, и ты должен научиться этому. Но, – и тут он повернулся ко мне, и ярость в его глазах тоже относилась ко мне, – ты не должен стоять как мул, пока он бьет тебя. Ты по праву рождения можешь претендовать на его время и его знания. Заставь его отдать тебе то, что тебе принадлежит. Не убегай. Никто никогда ничего не выиграл бегством. – Он помолчал, хотел сказать что-то еще, но прикусил язык.

– Я пропустил слишком много уроков. Я никогда...

– Ты ничего не пропустил, – упрямо возразил Баррич. Он отвернулся, и я не смог понять его тон, когда он добавил: – Без тебя уроков не было. Ты наверняка сможешь продолжать занятия с того места, на котором вы прервались.

– Я не хочу возвращаться.

– Не трать мое время на споры, – сказал он твердо. – Не смей испытывать мое терпение. Я сказал тебе, что ты должен делать. Выполняй.

Внезапно мне снова стало шесть лет, и снова человек на кухне одним взглядом заставил отступить толпу. Я испуганно вздрогнул. Мне вдруг показалось, что легче противостоять Галену, чем послушаться Баррича. Даже когда он добавил:

– И щенка ты оставишь со мной до конца занятий. Сидеть целый день взаперти у тебя в комнате – это не жизнь для собаки. У него шерсть испортится и мускулы перестанут расти. А ты изволь приходить сюда каждый вечер ухаживать за ним и за Угольком, иначе ответишь мне. И мне плевать, что скажет на это Гален.

И я был отпущен. Я передал Кузнечнику, что он остается с Барричем, и он принял это с хладнокровием, которое удивило и задело меня. Удрученный, я забрал горшочек с мазью и поплелся обратно в замок. Я взял еды на кухне, потому что не осмелился идти в трапезную, где мог повстречать кого-нибудь, и поднялся в свою комнату. Было холодно и темно, в очаге не горел огонь, в подсвечниках не стояли свечи, и сгнивший тростник под ногами мерзко пах. Я принес свечи

и дрова, разжег огонь и, пока он забирал часть холода у пола и каменных стен, занялся уборкой тростника. Потом по совету Лейси как следует вымыл пол горячей водой с уксусом. По счастливой случайности я умудрился взять уксус, ароматизированный эстрагоном, и скоро в комнате приятно пахло этой травой. В изнеможении я бросился на кровать и заснул с мыслью о том, почему мне так и не удалось узнать, как открывается потайная дверь в комнаты Чейда. Но я не сомневался, что он просто выгнал бы меня, – Чейд был человек слова и не стал бы вмешиваться до тех пор, пока Гален не покончит со мной. Или пока не выяснил бы, что я покончил с Галеном.

Меня разбудил свет свечей в канделябре шута. Я совершенно не понимал, где нахожусь и сколько сейчас времени, пока шут не сказал:

– Ты как раз успеешь помыться, поесть и первым прийти на башню.

Он принес теплую воду в кувшине и теплые булочки из кухни.

– Я не иду.

Это был первый раз, когда шут показался мне удивленным.

– Почему нет?

– Это бессмысленно. У меня ничего не выйдет. У меня просто нет способностей, и я устал биться головой о стену.

Глаза шута расширились еще больше.

– Мне казалось, что у тебя все шло хорошо до...

Теперь пришел мой черед удивляться.

– Хорошо? А почему, ты думаешь, он издевался надо мной и бил в качестве награды за успехи? Нет. Я не способен был даже понять, в чем там дело. Все остальные уже обошли меня. Почему я должен возвращаться? Чтобы Гален мог еще более убедительно доказать, как прав он был?

– Что-то, – осторожно сказал шут, – что-то тут не так. – Он немного подумал. – Прежде я просил тебя прекратить уроки. Ты отказался. Ты помнишь это?

Я попытался вспомнить.

– Иногда я бываю упрямым, – согласился я.

– А если сейчас я попрошу тебя продолжить? Пойти наверх, на башню, и попытаться еще раз?

– Почему ты больше не отговариваешь меня?

– Потому что то, что я пытался предотвратить, теперь позади. И ты выдержал. Так что теперь я пытаюсь... – он оборвал себя. – Как ты сказал, зачем вообще говорить, если не можешь говорить прямо?

– Прости, если я так сказал. С друзьями так не говорят. Я не помню этого.

Шут слабо улыбнулся.

– Если ты этого не помнишь, то я тем более не должен. – Он взял мои руки в свои. Его прикосновение было странно холодным. Дрожь охватила меня. – Ты будешь продолжать, если я попрошу тебя? Как друг?

Это слово так странно звучало в его устах! Шут произнес его без насмешки, осторожно, как будто, прозвучав, оно могло изменить значение. Его бесцветные глаза удерживали мой взгляд. Я обнаружил, что не могу сказать «нет», и кивнул.

Тем не менее я встал неохотно. Шут с бесстрастным интересом смотрел, как я складываю одежду, в которой спал, умываюсь и жую принесенный им хлеб.

– Я не хочу идти, – сказал я ему, покончив с первой булочкой и взяв вторую. – Не понимаю, что это может изменить.

– Не знаю, почему он возится с тобой, – согласился шут. Его обычный цинизм вернулся.

– Гален? Он должен. Король...

– Баррич.

– Он просто любит проявлять власть, – пожаловался я, и это прозвучало по-детски даже для меня самого.

Шут покачал головой.

– Ты что, совсем ничего не знаешь?

– О чем?

– О том, как главный конюший вытащил Галена из постели и поволок к Камням-Свидетелям. Я, конечно, там не был, а иначе смог бы рассказать тебе, как Гален не хотел никуда идти, ругался и даже бил его, но главный конюший не отступал. Он просто сгорбился под его ударами и молчал. Потом схватил мастера Силы за воротник, чуть не задушив, и потащил его. И солдаты, и стражники, и конюшенные мальчики потекли за ними ручейком, который вскоре превратил-

ся в бурный поток людей. Если бы я был там, я мог бы рассказать тебе, как ни один человек не посмел вмешаться, потому что главный конюший, казалось, стал прежним Барричем, человеком с железными мускулами и крутым нравом, чья всегдашняя вспыльчивость превращалась порой в настоящее безумие, когда на него находило. В былые времена никто не смел противостоять силе этого характера, и в тот день Баррич как будто снова стал тем человеком. Если он и хромал по-прежнему, никто этого не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.